А. А. ПОТЕБНЯ

УДАРЕНИЕ

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОВЕДЕНИЯ
им. А. А. ПОТЕБНИ

А. А. ПОТЕБНЯ

УДАРЕНИЕ

ПОДГОТОВИЛА К ИЗДАНИЮ
В. Ю. ФРАНЧУК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКОВА ДУМКА»
КИЕВ — 1973

4
П64

Незавершенный труд выдающегося лингвиста XIX ст. А. А. Потебни — первая в отечественном и славянском языкознании монография, посвященная вопросам акцентологии. Именно в ней выдвинута и развита идея сравнительно-исторического изучения славянского ударения, собран и обработан материал высточнославянских и южнославянских языков.

Подготовленные к изданию материалы сопровождаются вступительной статьей, примечаниями и библиографией, облегчающими пользование трудом, написанным более 100 лет назад и воспроизведенным по двум копиям.

Рассчитана на филологов — преподавателей вузов, научных сотрудников, студентов.

Ответственный редактор

кандидат филологических наук
К. К. Целуйко

Редакция литературоведения
и языковедения

П $\frac{0711-079}{М221(04)-73}$ БЗ — 24—15—73

ВОПРОСЫ АКЦЕНТОЛОГИИ В ТРУДАХ А. А. ПОТЕБНИ

Неопубликованный труд выдающегося лингвиста прошлого столетия А. А. Потебни «Ударение», со времени написания которого уже минуло 100 лет, — первая в отечественном и славянском языкознании монография, посвященная вопросам акцентологии.

Имеются сведения о том, что после смерти ученого его ученики знакомились с рукописью труда об ударении. В статье «Посмертные материалы А. А. Потебни» В. И. Харциев отмечает: «Третья [папка] заключает в себе материалы об ударении в именах по склонениям, в глаголах по разрядам и формам, о влиянии предлогов на ударения и пр. Отдел об ударениях находится в более обработанном виде, чем другие» [1].

В более поздних описаниях рукописей А. А. Потебни встречается сообщение о том, что наряду с рукописью ученого существует копия, сделанная его женой М. Ф. Потебней. По заключению авторов этого сообщения, «копия во многих местах не соответствует оригиналу» [2], что не удивительно, так как наследие А. А. Потебни представляет огромные трудности для тех, кто им занимается. Мелкий, очень неразборчивый почерк, особенности личной орфографии, недописанные слова, многочисленные цитаты, примеры из многих индоевропейских языков своеобразного написания, присущего лишь ему одному[3], —

[1] «Памяти Александра Афанасьевича Потебни», Харьков, 1892, стр. 85.

[2] И. Я. Айзеншток и А. Н. Синявский, Описание рукописей А. А. Потебни, «Бюлетень Редакційного комітету для видання творів О. О. Потебні», ч. I, Харків, 1922, стр. 90.

[3] См.: Виникнення й діяльність Комітету для видання творів О. О. Потебні, «Бюлетень Редакційного комітету для видання творів О. О. Потебні», ч. I, стр. 6.

таков далеко не полный перечень особенностей черновых набросков, оставленных ученым.

Приступив к изучению рукописного наследия А. А. Потебни в начале 60-х годов, мы обнаружили в его архиве, большая часть которого хранилась в то время в филиале Центрального государственного исторического архива УССР (Харьков), две копии труда «Ударение»[1]. Оригинал труда, подобно некоторым другим рукописям ученого, исчез из архива в годы Великой Отечественной войны. К счастью, кроме несовершенной копии М. Ф. Потебни, в настоящее время существует также копия, сделанная учеником А. А. Потебни А. В. Ветуховым. Известный ученый, А. В. Ветухов принимал деятельное участие в подготовке к печати IV тома «Из записок по русской грамматике», изданного Академией наук СССР в 1941 г.

Из оставленных им заметок можно сделать вывод о том, что А. В. Ветухов завершил переписку рукописи А. А. Потебни в предвоенные годы. Однако работа по подготовке ее к изданию им не была начата. Он не использовал даже копию жены ученого, хотя в ряде случаев она могла бы быть ему полезной. Не имевшая специальной подготовки, Мария Францевна настолько хорошо знала почерк мужа, что иногда правильно прочитывала то место, которое для А. В. Ветухова оставалось неясным.

Наличие двух копий позволило воссоздать подлинный текст труда А. А. Потебни с большой долей вероятности.

Делалось это следующим образом. За основную была принята копия А. В. Ветухова. Она была сличена и в отдельных местах выправлена по копии М. Ф. Потебни. Примеры и цитаты сверялись с источниками, из которых они взяты автором.

При подготовке труда А. А. Потебни к печати все сокращения раскрыты. Слова, отсутствующие в рукописи, но необходимые для понимания текста, приводятся в квадратных скобках. На месте непрочитанных слов и букв проставлены точки.

Авторский текст и примеры переведены на современную орфографию. Исключение сделано лишь для документированных примеров. Они приведены с написанием тех

---

[1] ЦГИА УССР в Киеве, ф. № 781, ед. хр. 195, 196, 197, 198.

источников, откуда взяты. К книге прилагается перечень первоисточников и грамматических трудов, использованных А. А. Потебней.

* * *

Среди опубликованных трудов А. А. Потебни нет специальных разысканий, посвященных вопросам акцентологии. В его трудах и письмах встречаются лишь отдельные замечания, свидетельствующие о глубоком интересе ученого к этой, в то время почти не разработанной отрасли славянского языкознания. В частности, в «Заметках о малорусском наречии» А. А. Потебня высказал мысль о том, что учение об ударении составит в будущем отдельную отрасль лингвистической науки [1].

В известной степени исключение представляет статья А. А. Потебни «О полногласии», в которой выяснение природы ряда фонетических явлений связано с акцентологией. Определенное место отведено в ней изложению основных сведений о соответствии восточнославянских ударений сербским и об отношении сербских штокавских ударений к чакавским[2]. Эти сведения, как указывает сам автор, не являются оригинальными. Ученый позаимствовал их из малоизвестной в России книги А. Мажуранича «Slovnica hèrvatska»[3]. Ученик А. А. Потебни Б. М. Ляпунов вспоминает, что ученый лично был знаком с А. Мажураничем и изучал сербохорватское ударение под его руководством [4].

Исследователи отмечают, что акцентологическая терминология А. Мажуранича отличается несколько внешним характером[5]: она не столько касается самих ударений, сколько их письменных знаков, и в основном является переводом общеизвестных греческих и латинских терминов. Так, краткое нисходящее ударение, обозначаемое знаком (``), А. Мажуранич называет сильным тяжким (jak težki),

[1] См.: А. А. Потебня, Заметки о малорусском наречии, Воронеж, 1871, стр. 10.

[2] См.: А. А. Потебня, Два исследования о звуках русского языка. I. О полногласии, Воронеж, 1866, стр. 38—46 (Перепечатано из «Филологических записок» за 1864 г.).

[3] A. Mažuranić, Slovnica hèrvatska, D. 1, Zagreb, 1861.

[4] См.: «Памяти Александра Афанасьевича Потебни», стр. 30.

[5] См.: Начертание славянской акцентологии. Сочинение Романа Брандта, СПб., 1880, стр. 81 (далее — Р. Брандт, указ. соч.).

краткое восходящее (‵) — слабым тяжким (slab težki), долгое нисходящее, обозначаемое знаком акута (⌒), — острым (ostri = acutus), долгое восходящее (′) — облеченным (savinuti = circumflexus).

В трудах А. А. Потебни использованы термины *острое* и *облеченное* ударение, заимствованные из грамматики А. Мажуранича, однако этим терминам и знакам ударения, которым они отвечают, ученый придает противоположное значение. Такая замена объясняется тем, что А. Мажуранич следовал в данном случае древним хорватским лексикографам, а А. А. Потебня применяет знаки, принятые в словаре Вука Караджича, несравненно более популярном, чем словари его предшественников[1]. Кроме того, вместо терминов *сильное тяжкое* и *слабое тяжкое* ударение А. А. Потебня употребляет *более тяжкое* и *менее тяжкое.*

А. Мажуранич не только определил отношения между штокавской и чакавской системами ударения, но и высказал мысль о том, что одна из них образовалась из другой. По его мнению, основной общесербской системой ударения была чакавская, свидетельством чего является сходство чакавского ударения с восточнославянским, которое могло быть только остатком общего для них прошлого. Однако А. Мажуранич не смог сделать выводов, вытекающих из его открытия, а именно: чакавское ударение, лежащее в основе штокавского и сходное по месту с восточнославянским, является, вполне вероятно, древним общеславянским или, по крайней мере, общим для южных и восточных славян.

Такое предположение, не вызывающее в настоящее время возражений, было сделано не А. Мажураничем, а А. А. Потебней и стало известно в науке в 1864 г., после опубликования его статьи «О полногласии»: «Тоническое сходство русского и сербохорватского (а вероятно, и хорутанского, и болгарского) есть такая прочная основа предположения, что Русь составляла еще одно племя с теперешними задунайскими славянами после отделения западных племен, что перед нею кажутся ничтожными основания делений Добровского и Шафарика, эти **розъ** и **разъ**, **вы** и **изъ** и т. п.

---

[1] См.: А. А. Потебня, Два исследования о звуках русского языка, стр. 39.

Все западные наречия, за исключением малоизвестного в этом отношении кашебского (Гильф. Ост. Сл. 86, Этн. Сб. V), потеряли подвижность ударений. Наклонность к этому могла быть одним из первых признаков их отделения от юго-восточных»[1].

В последующие годы предположение А. А. Потебни было поддержано другими славянскими учеными[2].

Наиболее полно развил это предположение сам А. А. Потебня в труде, который остался, к сожалению, неизвестным и его современникам и позднейшим исследователям в области славянского ударения. Ознакомление с рукописью позволяет сделать вывод о том, что в этом труде ученый обращается к проблемам, поставленным им ранее в статье «О полногласии»: «Сходство русских и др. сербских ударений не ограничивается одними полногласными в русском словами: оно проходит через все склонения существительных и прилагательных, изменения по степеням спряжения, словсобразования, что мы постараемся доказать в другом месте» (подчеркнуто нами.— *В. Ф.*)[3].

В соответствии со своим замыслом А. А. Потебня изучает акцентологические явления в тесной связи с морфологией, последовательно рассматривая ударение каждой части речи. Так, в первой части труда, посвященной глаголу и его формам, прослеживаются взаимные тонические отношения настоящего времени и инфинитива, исследуется ударение в повелительном наклонении, аористе, имперфекте, причастиях и деепричастиях. Во второй части рассматривается ударение существительных и прилагательных.

Следует уточнить время написания труда А. А. Потебни. Это даст возможность определить круг научной ли-

---

[1] А. А. Потебня, Два исследования о звуках русского языка, стр. 44—45.

[2] См.: P. Škrabec, O glasu in naglasu našega knjižnega jezika, «Programm des k. k. Gymnasiums zu Rudolfswerth (Novomesto). Veröffentlicht am Schlusse des Schuljahres 1870»; И. А. Бодуэн де Куртене, Бохиньско-посавский говор, «Отчеты командированного Министерством народного просвещения за границу с научной целью И. А. Б. де К. о занятиях по языковедению в течение 1872 и 1873 гг.», Казань — Варшава — Петербург, 1877, стр. 53, 77; Р. Брандт, указ. соч.

[3] А. А. Потебня, Два исследования о звуках русского языка, стр. 44.

тературы и первоисточники, которыми мог пользоваться ученый, и, следовательно, уяснить сведения по ударению и акцентологической терминологии, полученные им от предшественников.

Точных сведений о том, в какие именно годы создавался труд об ударении, не имеется. Косвенные данные позволяют отнести его написание к периоду между 1864 и 1880 гг. Он не мог быть написан ранее 1864 г., ибо в статье, впервые увидевшей свет в этом году, А. А. Потебня делится своим замыслом осуществить такое намерение в будущем. Позднее 1880 г. — года публикации книги Р. Ф. Брандта «Начертание славянской акцентологии» — нельзя было говорить об ударении, не упоминая об этом первом большом труде по славянскому ударению [1].

Отсутствие в труде А. А. Потебни самого термина «акцентология», широко введенного в научный обиход именно Р. Ф. Брандтом [2], может свидетельствовать о том, что он был создан ранее книги последнего. А поскольку в нем не упоминается ни одно научное разыскание и отсутствуют ссылки на произведения, вышедшие в свет после 1866 г., вполне возможно, что работу над ним ученый приостановил до 1870 г.

Принимая во внимание сказанное, рассмотрим работы по грамматике, которыми пользовался А. А. Потебня и которые так или иначе обусловили его подход к самой проблеме ударения и теоретические взгляды, а также источники, из которых он черпал основные сведения об ударении в том или ином славянском языке.

Начало сравнительному изучению ударения в индоевропейских языках было положено трудом основополож-

---

[1] Общепризнанно мнение о том, что именно Р. Ф. Брандт одним из первых заинтересовался вопросами новой отрасли славянского языкознания — учением об ударении, а его «Начертание славянской акцентологии» далеко опередило зарубежную славистику (БСЭ, т. VI, 1951, стр. 51; Z. Gołąb, A. Heinz, K. Polański, Słownik terminologii językoznawczej, Warszawa, 1968, стр. 666).

[2] Как отмечает Р. Ф. Брандт, это слово придумано не им, однако он не может точно указать, откуда оно заимствовано. Интересно, как ученый отстаивает термин, не вызывающий теперь какого-либо возражения: «Также название, которое я придаю разрабатываемой мною науке, — *акцентология* — иному покажется странным или даже уродливым; но, по-моему, порицать это слово, и подобные ему *социология*, *лингвистика*, за смешанный, полулатинский, полугреческий состав есть ученый педантизм» (Р. Брандт, указ. соч., стр. 11).

grammatischen Übereinstimmungen des Sanskrit und Griechischen» (Берлин, 1854). Именно в этом труде впервые установлено родство в ударении древнегреческого языка и санскрита. Ф. Бопп доказал также, что некоторое сходство с ударением этих языков имеет литовское и первичное славянское ударение. Обобщающих работ по сравнительной акцентологии славянских языков в то время еще не было. Как уже отмечалось, впервые подобный труд появился в 1880 г. и принадлежал Р. Ф. Брандту. Не было работ и по ударению одного какого-либо славянского языка. Необходимый минимум сведений об ударении той или иной части речи А. А. Потебня мог получить лишь из грамматик.

Данные по русскому языку он черпал из грамматики А. Х. Востокова — ученого, впервые по-научному обратившего внимание на существование в русском языке слов с подвижным ударением. Однако А. Х. Востоков, выделив науку об ударении в самостоятельный раздел грамматики, получивший название «Слогоударение», отметил, что раздел этот, по сути, еще не разработан: «Который же именно слог должно произносить с ударением, сему научаемся из употребления и из словаря, потому что не приискано еще на то определенных правил»[1]. Правда, как видно из слов, приведенных выше, А. Х. Востоков не сомневался в том, что такие правила со временем будут установлены.

Продолжатель же его дела Г. П. Павский не интересовался ударением. В своих «Филологических наблюдениях» он иногда отмечал случаи закрепления ударения за определенными слогами или окончаниями, однако касался этих вопросов лишь бегло.

Более систематично занимался изучением русского ударения акад. Я. К. Грот. А. А. Потебня мог использовать три статьи Я. К. Грота, напечатанные в 1853—1860 гг.[2]

---

[1] «Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная», СПб., 1831, § 183.

[2] Я. К. Грот, Замечания о спряжении русского глагола, «Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики русского языка и других славянских наречий», т. I, СПб., 1853; его же, О глаголах с подвижным ударением, там же,

Самому автору этих статей изучение ударения представлялось делом трудным и крайне неблагодарным. Поэтому он сознательно ограничил свое исследование, поставив целью не определение законов ударения, а лишь решение вопроса: есть ли в русском языке возможность определить эти законы или они до такой степени неощутимы, неуловимы, что открыть их невозможно[1]. Не случайно, оценивая достижения своих предшественников в области отечественной акцентологии, А. А. Потебня вынужден был отметить: «Оба эти ученые [А. Х. Востоков и Я. К. Грот] имеют в виду один только русский литературный язык и, указывая на факты, не вдаются ни в какие исторические объяснения, так как ударения в древнем русском языке по памятникам пока неизвестны»[2] (стр. 164 данной работы, далее — только стр.).

Наблюдения над русским ударением ученых-грамматистов А. А. Потебня дополнял данными словарей. В то время уже вышли из печати «Опыт областного великорусского словаря», подготовленный Академией наук (1852 г.), и первое издание словаря В. И. Даля (1863—1866 гг.). Высоко оценивая эти лексикографические труды, А. А. Потебня все же отмечает, что они «как материал для грамматики далеко не удовлетворительны. Наши словари, не исключая далевского, как склады грамматических сведений не удовлетворяют самым умеренным требованиям: в них не показываются ни особенности изменений слов по склонениям и спряжениям, ни изменения ударений» (стр. 21).

Если в 60-х годах прошлого столетия изучение русского ударения находилось в зачаточном состоянии, то исследование ударения других восточнославянских языков (украинского и белорусского) даже не было начато. Заложить основы научного изучения украинского ударения было суждено А. А. Потебне — к тому времени уже известному ученому, автору книги «Мысль и язык» (1862 г.), получившей всеобщее признание. Лишь по непонятной случайности

т. III, СПб., 1856; е г о ж е, О некоторых законах русского ударения, «Известия Академии наук», т. VII, вып. 3, 1858; т. VIII, вып. 5, 1860.

[1] Е г о ж е, О некоторых законах русского ударения, «Известия Академии наук», т. VII, вып. 3, 1858, стр. 163.

[2] В последнем варианте предисловия эта оценка опущена.

труд А. А. Потебни оставался неизвестным до последнего времени, что в значительной степени задержало развитие отечественной науки об ударении.

Исследователям украинского языка и украинского ударения ученый дал «прекрасное издание сочинений малорусского писателя Г. Ф. Квитки (Харьков, 1887 и 1889 г.) с соблюдением ударений и тех местных особенностей харьковского говора, которые были совершенно стерты в петербургском издании Кулиша 1858 г.» [1]. В письме к В. Ягичу от 27.IV 1887 г. А. А. Потебня обстоятельно рассказал о своей работе над этим изданием: «Теперь редактирую Малороссийские повести Квитки, сочинения коего, ставшие редкостью, по-моему, имеют первостепенное значение для изучения малороссийского языка и прежнего быта. Особенность и для редактора трудность настоящего издания, кроме восстановления первоначального текста, испорченного П. А. Кулишом, состоит в том, что я ставлю два ударения: ´ (по-старинному оксию) на синтаксически подчиняющих членах речи и ` варию на членах подчиненных, напр.: «не займи́ — менѐ, мі̀й ба̀теньку, не займе́ть тебѐ лиха̀я годи́на». Собственно, тут двух ударений мало, но боюсь, что и при них издание будет недовольно исправно (напечатано 15 листов). Понятно, что малорусский язык в упомянутом отношении во многом не отличается от других, но кое в чем он отличен» [2].

Особое внимание А. А. Потебни к неизученному в то время украинскому ударению вполне объяснимо. Ученый, которого привлекали прежде всего вопросы и с т о р и ч е с к о й э в о л ю ц и и, как в общих ее линиях, так и в индивидуальных, частных языковых фактах [3], не представлял себе изучение русского языка в отрыве от украинского. Для него они были наречиями единого общерусского языка: «Но литературный русский язык и великорусские говоры не составляют всего русского языка. И здесь, как при решении других вопросов русской грамматики, нельзя обходить безнаказанно малорусского наречия» (стр. 21).

---

[1] «Памяти Александра Афанасьевича Потебни», стр. 29.

[2] «Олександр Опанасович Потебня. Ювілейний збірник до 125-річчя з дня народження», К., 1962, стр. 89.

[3] См.: Л. А. Б у л а х о в с к и й, Александр Афанасьевич Потебня (К шестидесятилетию со дня смерти), К., 1952, стр. 9.

Приступая к изучению украинского ударения, А. А. Потебня вынужден был собирать материал по крупицам из самых различных источников.

Как известно, работа по нормированию украинского литературного ударения фактически начинается с зарождения лексикографии на Украине. Особенно ценный материал для исторической акцентологии содержит «Лексикон» Памвы Беринды, в котором довольно последовательно проставлены ударения. Процесс нормирования ударения в украинском литературном языке отражен в ряде художественных произведений того периода, в который создавался его фундамент, включая и систему ударения, в частности, в произведениях Г. Ф. Квитки-Основьяненко и П. А. Кулиша, И. П. Котляревского и Е. П. Гребенки. А. А. Потебня использовал также материалы по украинской акцентологии, содержащиеся в сборниках народного творчества (изданы А. Л. Метлинским, Н. И. Костомаровым, М. Т. Номисом) и самостоятельно сделанных им фольклорных записях. Таким образом, украинский фольклор наряду с произведениями литературы стал одним из основных источников его труда. Основой же украинской части труда А. А. Потебни, его акцентологической базой является превосходное знание ученым родного языка, богатая языковая практика, на которую он ссылается постоянно. Ср., например, следующее высказывание автора: «В малорусском приведенные глаголы с ударением на характере или неупотребительны вовсе, или не имеют причастий, однако от малоросса, мало знакомого с литературным языком, можно услышать: *просве́щена*, *побе́ждена*, *поко́рена*, *усыно́влен* и т. п., так как вообще ударение **-е́н, -ена́, -ено́** почти чуждо малорусскому» (стр. 103).

Творчески сочетая данные письменных источников с собственным опытом, А. А. Потебня за несколько десятилетий до выхода в свет Словаря украинского языка Б. Д. Гринченко засвидетельствовал ударение большого количества украинских слов, более того — попытался установить правила перенесения их ударений. Например:

«В малорусском переносят ударение на второй и третий слог во множественном числе:

а) Весьма немногие с одной согласною перед -а: *ба́ба — бабі́ — ба́б — баба́м — баба́ми — баба́х; сви́та — «у свита́х»* (Кв.-Осн., I, 114).

б) Многие с двумя и тремя согласными перед окончанием именительного падежа единственного числа: *скúрта — скиртú, плáхта — плахтú — плахóт — плахтáм — плахтáми — плахтáх* (но *крúхта*, множественное число *крúхти — «крúхот»* (Кв.-Осн., I, 71); *цéрква — церквú — церкóв*; *крóква — кроквú*; *мóрква*; *шáбля — шаблí — шабéль — шаблям — шаблях*; *пісні — пісéнь* и пр.; *відьмú — відьóм*, но *«відем»* (Кулиш, II, 42); *балкú, банькú, брівкú, дошкú*, «до шапок квіткú» (Кв.-Осн., 1,9); *ворожкú, доржкú, скринькú* (см. ниже трехсложные с ударением на предпоследнем); *качкú, люлькú, голкú, жерткú, низкú, мискú, ложкú, діжкú, гречкú, стрічки, хусткú, шпилькú, жінкú, тріскú, скалкú, віжкú, сваткú, піскú — піскáми, мамкú, нянькú*. Однако: «хмáрки» (Кв.-Осн., II, 8); «нúток» (ibid. I, 34); *дýмки, дрýжки* (от *дрýжка*; от *дрýжко — дружкú*), *лáски, рýски*; как будет от *пýтря, пéтря, сéрга, чéрга, грéбля, кáпля, крóпля, сóпля, прáвда, дóвбня, вúшня* (вúшень); *слýжба, прóзьба, грóзьба, вóвна?»* (стр. 121—122). Благодаря огромному собранию акцентологического материала труд А. А. Потебни в наше время является ценным источником для изучения украинского ударения середины XIX ст.

В этот период наибольшей обстоятельностью отличались исследователи сербохорватского ударения. Хотя специальных работ, посвященных акцентологии, не было еще ни у сербов, ни у хорватов, в ряде учебных пособий детально освещалась система сербохорватского ударения.

А. А. Потебня особенно ценил упомянутую выше грамматику А. Мажуранича, учебник Даничича «Облици српского језика» (1863 г.), его статью «Српски акценти», напечатанную в сборнике «Гласник друштва српске словесности» (књ. VIII, 1856), и «Српску граматику» В. Вуича (1863 г.). И у сербов, и у хорватов существовала также богатая лексикографическая традиция. Сербохорватская лексикография имела не только второе издание (1852 г.) прекрасного труда Вука Караджича «Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима», но и ряд других менее известных словарей.

Иначе обстояло дело с болгарским языком. В первоначальном варианте вступления к публикуемому труду имеются строки, свидетельствующие о том, что вначале А. А. Потебня вообще не собирался привлекать болгарский язык к сравнению: «Вопрос об ударениях в настоящее время,

сколько мне известно, может быть сведен на историческую почву единственно только сравнением русских наречий между собой и с ближайшими к ним живыми славянскими наречиями, именно задунайскими главным образом. Из этих последних я беру сербохорватские, так как для изучения болгарского и хорутанского в тоническом отношении имеется слишком мало пособий» (стр. 165). Хотя изучение болгарского ударения за тот период, пока А. А. Потебня работал над монографией, не продвинулось вперед, однако отношение ученого к этому вопросу все же изменилось. В окончательном варианте вступления хотя и отмечалось относительное богатство пособий по изучению тонического строя сербохорватского языка, не отбрасывалось совсем и болгарское ударение. Более того, было подчеркнуто намерение автора сравнивать данные восточнославянских языков не только с сербским, но и с болгарским языком.

В самом труде А. А. Потебни это намерение отразилось несколько своеобразно. В части «Ударение в склонении», композиционно занимающей второе место, вообще не упоминается болгарское ударение. Зато в части «Ударение в спряжении», являющейся в соответствии с замыслом автора первой, болгарский материал использован довольно последовательно, но представляет собой как бы дополнение к написанному ранее. По нашему мнению, в этом случае возможно следующее объяснение. Вначале материал по болгарскому ударению отсутствовал вообще. Переписывая свой труд, А. А. Потебня несколько изменил вступление, что отражало изменение его отношения к данным болгарского языка, и начал приводить болгарские примеры в конце разделов, иногда сопровождая их необходимыми пояснениями. По-видимому, ему удалось переписать начисто лишь первую часть, и в «Ударение в склонении» болгарский материал не попал вообще.

Из грамматической болгарской литературы А. А. Потебня использовал очень несовершенную «Grammatik der bulgarischen Sprachen» братьев Цанковых (1852 г.) и «Главные вопросы языка новоболгарского» — исследование русского ученого П. Бессонова, вышедшее в свет в 1855 г. [1] Из лексикографических трудов им был использован слова-

[1] П. Бессонов, Главные вопросы языка новоболгарского, «Временник Московского общества истории и древностей российских», кн. 21, М., 1855.

рик, приложенный к грамматике Цанковых. Хотя известно, что в его руках находилось начало[1] (буквы А, Б и В до **вйкам**) «Болгарского словаря» Н. Герова, но насколько прибегал А. А. Потебня к этому словарю, сказать трудно. Солидный лексикографический труд И. А. Богорова «Българско-френски рѣчник», изданный в Вене в 1871 г., в монографии А. А. Потебни не использован совершенно. Это еще раз свидетельствует о том, что в 1871 г. А. А. Потебня уже не возвращался к работе над рукописью. Компенсируя недостаток лексикографических сведений, А. А. Потебня привлекает к рассмотрению болгарскую лексику, отобранную им в изданных в 1855 г. П. Бессоновым акцентированных «Болгарских песнях из сборников Ю. И. Венелина, Н. Д. Катранова и других болгар»[2].

Собранный большой материал помог ученому вести исследование славянского ударения в сравнительном плане, углубляя его исторический аспект. Разумеется, исходным при этом было ударение восточнославянское. Как отмечает А. А. Потебня, сравнение восточнославянского ударения с сербским и болгарским «дает возможность относить одни из явлений русской акцентуации к общеславянскому периоду, другие — к более позднему и позднейшему времени — одним словом, наметить главные черты истории славянского слогоударения» (стр. 23).

С помощью сравнительно-исторического метода, т. е. сопоставления свидетельств восточнославянских, других славянских и некоторых индоевропейских языков (литовский, санскрит), А. А. Потебня смог сделать ряд открытий, которые, к сожалению, вошли в науку значительно позднее и под другими именами. Приведем несколько примеров.

В 1905 г. появилась статья Л. Л. Васильева «Заметка об акцентовке несклоняемого причастия на **-лъ**» [3]. На большом количестве примеров из русских памятников XVI—

---

[1] Опубликовано в третьем томе «Материалов для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики русского языка и других славянских наречий», где помещена и использованная А. А. Потебней статья Я. К. Грота «О глаголах с подвижным ударением».

[2] П. Бессонов, Болгарские песни из сборников Ю. И. Венелина, Н. Д. Катранова и других болгар, «Временник Московского общества истории и древностей российских», кн. 21—22, М., 1855.

[3] Журнал Министерства народного просвещения, ч. CCCLX СПб., 1905, стр. 464—469.

действительного причастия прошедшего времени в русском языке. В соответствующем разделе монографии А. А. Потебни «Причастия прошедшего времени действительные на -лъ» привлечен для исследования более широкий материал. Соответственное явление русского языка прослеживается в сравнении с языком сербским. Для сравнения привлекаются также отдельные факты болгарского языка. Украинский язык здесь, как и в других частях монографии А. А. Потебни, органически входит в исследование. Поэтому такими обоснованными представляются выводы ученого о том, что «малорусское наречие здесь новее великорусского» (стр. 95). Речь идет об украинских причастиях, которые переносят ударение на конечный слог не только в женском роде единственного числа, но и в среднем роде, а также во множественном числе, — таких, как *дав — дала́ — дало́ — дали́*. Ср. русск. *дал — дала́*, однако *да́ло — да́ли*. Древность соответствующего явления в русском языке подтверждается сравнением с языком сербским: *да̏ти — да̏о — да́ла — да̏ло — да̏ли*. Ведь острое ударение (*да́ла*) на предпоследнем слоге в сербском языке соответствует русскому на последнем (*дала́*). В среднем роде и во множественном числе циркумфлексное ударение (̑) падает на тот же слог, что и в русском языке. Намного полнее у А. А. Потебни и морфологическая характеристика подвижности ударения причастий на -лъ. Разновидности перехода ударения связываются с образованием причастий от глаголов разных разрядов; разработана стройная схема, по которой все причастия распределяются на имеющие одинаковые ударения во всех трех родах и обоих числах и на имеющие разное ударение.

Отметив, что болгарский язык дает ценные указания относительно места древнейшего славянского ударения, Л. А. Булаховский в докладе на IV Международном съезде славистов подчеркнул сравнительно-историческое значение ударения болгарского глагола. Кроме всего прочего, оно определяется той особенностью, что в формах настоящего времени изъявительного наклонения сравнительно с древнейшим состоянием произошло, очевидно, почти полное «уодноображенье» по ударению 2-го лица единственного числа, напр.: *ка́жа* (ср. укр. *кажу́*: *ка́жеш*), *бо́ря се* (ср. русск. *борю́сь*: *бо́решься*); *пи́ша* (русск. *пишу́*: *пи́шешь*); *во́зя* (ср. русск. *вожу́*: *во́зишь*), *къ́рмя* (ср. русск. *кормлю́*:

кóрмишь); *мóля* (ср. русск. *молю́*: *мóлишь*); *хвáля* (ср. русск. *хвалю́*: *хвáлишь*) и т. п. [1]

В русском языке факт перехода ударения с конечного слога глаголов в 1-м лице единственного числа настоящего времени на предыдущий во 2-м лице засвидетельствован уже «Русской грамматикой» (§ 186) А. Х. Востокова, который впервые ввел в употребление термин «подвижное ударение». Я. К. Грот обратил внимание на то, что А. Х. Востоков рассматривает это явление не при изучении глагола, а в разделе об ударении, являющемся последней частью его книги. Я. К. Грот отметил, что и впоследствии этот вопрос оставался недостаточно изученным: «Хотя другие лица (глагола. — *В. Ф.*) часто отличаются от 1-го местом ударения, но в грамматиках не находим указаний, чем нужно руководиться в изменениях ударений» [2]. Исходя из явления, составляющего особенность восточнославянских языков, А. А. Потебня рассматривает его в сравнении с данными болгарского и сербского языков. Он приходит к выводу, который подтвердили в наше время исследования Л. А. Булаховского, что подвижность ударения древнее неподвижности, а свойственное южнославянским языкам уподобление ударения 1-го лица ударениям последующих лиц единственного числа — шаг к его неподвижности (см. ед. хр. 198, л. 23 об).

До сих пор много неясного остается в истории ударения прилагательных. В трудах Л. А. Булаховского [3], Е. Куриловича[4] и Х. Станга [5] высказывается предположение о том, что ударение членных прилагательных опирается на ударение соответствующих нечленных форм и что .сложилось оно в процессе слияния именной и отместоименной основы в местоименном склонении прилагательных, возможно, уже на почве отдельных славянских языков.

---

[1] См.: Л. А. Булаховский, Болгарский язык как источник для реконструкции древнейшей славянской акцентологической системы, М., 1958, стр. 34.

[2] Я. К. Грот, Замечания о спряжении русского глагола, стр. 391.

[3] Л. А. Булаховський, Порівняльно-історичні коментарії до українського наголосу, «Наукові записки КДУ», т. XI, вип. IX, Філологічний збірник, № 4, 1952, стр. 61—74.

[4] J. Kuryłowicz, L'accentuation des langues indo-européennes, Kraków, 1952, стр. 270 и далее.

[5] Ch. S. Stang, Slavonic accentuation, Oslo, 1957, стр. 100—104.

Убедительные доказательства в пользу этого предположения, извлеченные из наблюдений над материалами украинского, русского и сербского языков, содержатся в разделе «Ударение прилагательных» А. А. Потебни. Глубокое проникновение в проблему происхождения членных прилагательных[1] 100 лет тому назад позволило этому выдающемуся специалисту в области славянских языков впервые рассмотреть ударение прилагательных в сравнительном плане. Как и во многих других вопросах языкознания, А. А. Потебня и здесь оказался предшественником ученых, обращающихся к этой проблеме в наше время.

Сообщение об акцентологических трудах А. А. Потебни было бы неполным, если бы мы не учли и того, что было сделано им в этой области впоследствии. В этом плане особое внимание привлекают акцентологические изыскания ученого, которые должны были войти в четвертый том «Из записок по русской грамматике».

Рассматривая склонение существительных, А. А. Потебня отмечает, что в русском языке существительные мужского рода сохраняют старинное окончание двойственного числа -**а**, которое почти всегда отличается ударением от собирательной формы. Те имена существительные, которые в родительном падеже единственного числа имеют ударение на первом слоге, сохраняют это ударение в двойственном числе (два гла́за, оба бе́рега) и переносят его на конечное -**а** в собирательной форме (глаза́, берега́). Последняя в современном русском языке принимается за именительный падеж множественного числа. Существительных, изменяющих ударение именительного падежа в родительном падеже (рука́в—рукава́) и не отличающих двойственного числа от собирательной формы, в русском языке немного. Чаще имена существительные с ударением в родительном падеже на последнем слоге имеют собирательную форму не на -**á**, а на -**ья**. Например, *клок—клока́—два клока́,* но *кло́чья.* В украинском языке мужской род сохраняет окончание двойственного числа при числах *два—четыре* как исключение. Обыкновенно

[1] См.: А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике, т. III, М., 1968, глава «Происхождение имени прилагательного»; см. также остававшуюся неизвестной до последнего времени его же статью «Образование и значение определенных прилагательных» («Мовознавство», 1967, № 3).

оно заменяется окончанием множественного числа: *два соколи, три сини, чотири дуби.*

Чтобы выяснить значение ударения во множественном числе, ученый обращает внимание на тонические условия образования именительного падежа множественного числа. Рассмотрев состав слов мужского рода, которые принимают в именительном падеже множественного числа окончание -а, он приходит к выводу, что ударение в окончании -а вместе с самим этим окончанием означает не просто множественность, а множественность собирательную. Ср. *пóводы* и *поводá*, *óбразы* и *образá*. И хотя окончание -а, независимо от ударения, само по себе способно выражать собирательность, но без ударения оно не могло быть употреблено для этой цели в именительном падеже рассматриваемых существительных мужского рода, так как в этом случае смешались бы формы родительного падежа единственного числа с именительным падежом множественного числа [1].

В трудах А. А. Потебни по морфологии было снято то противоречие между акцентологией и исторической грамматикой, на которое уже в нашем столетии обратил внимание известный польский языковед Е. Курилович. По мнению последнего, проблемы истории ударения остались вне поля зрения исследователей и потому, что при освещении вопросов морфологии возможно полное абстрагирование от акцентологии: «Нельзя исследовать ударение без учета морфологического строения слова, но детальное описание грамматики, как это уже показала практика, вполне возможно без описания ударения»[2].

Рассмотрение труда А. А. Потебни свидетельствует, что именно он еще в 60-е годы прошлого столетия впервые в славянском языкознании выдвинул и развил идею сравнительно-исторического изучения славянского ударения, собрал и обработал акцентологический материал восточнославянских и южнославянских языков. В частности, заслугой ученого следует признать морфологический критерий в акцентологии — критерий, который спустя некоторое время стал (правда, независимо от А. А. Потебни) краеугольным камнем акцентологической теории Е. Куриловича.

---

[1] ЦГИА УССР в Киеве, ф. № 781, ед. хр. 171, л. 65.

[2] J. Kuryłowicz, Do metodyki badań akcentowych, «Esquisses linguistiques», Wrocław — Kraków, 1960, стр. 233—234.

А. А. Потебню в наше время называют «творцом оригинальной теории общего языкознания, напоминающей положения современных языковедческих направлений, так называемого структурализма» [1].

В ударении ученый также видел системность языка, но он изучал ударение не как отдельную систему, существующую саму по себе, а в ее связях с морфологией и словообразованием. По его мнению, противопоставления, факты семасиологизации этих противопоставлений, механизм их влияния играют важную роль в общей системе языка (грамматика, лексика). Связав акцентологию с морфологическими явлениями, А. А. Потебня по существу стал предшественником современного учения об ударении.

Хотя в целом акцентологию А. А. Потебни нельзя назвать структурной, в ней имеется немало элементов, которые могут быть с успехом использованы для развития этой важной области лингвистики.

В. Ю. Франчук

---

[1] Z. Gołąb, A. Heinz, K. Polański, Słownik terminologii językoznawczej, стр. 699.

ВСТУПЛЕНИЕ

Русской грамматике еще весьма далеко до цели, намеченной Востоковым слогоударению как части грамматики, именно до возможности показать, на котором слоге (двухсложного или многосложного слова) должно быть ударение.

Прежде всего, конечно, нужно собрать факты. Относительно современного литературного языка и великорусских наречий это отчасти исполнено [1].

Но литературный русский язык и великорусские говоры не составляют всего русского языка. И здесь, как при решении других вопросов русской грамматики, нельзя обходить безнаказанно малорусского наречия. И в тоническом отношении русские наречия, при сходстве в большинстве случаев, заметно различаются между собой. И здесь языкознанию предстоит возвести наличное разнообразие к общерусскому, общеславянскому, летто-славянскому, арийскому единству.

---

[1] Востоков, Русская грамматика (пространная, изд. 2-е); акад. Грот, Замечания о спряжении русского глагола (в «Материалах для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики русского языка и других славянских наречий», т. I) и О глаголах с подвижным ударением (ibid., т. III).

Наблюдения этих ученых могли бы быть дополнены при помощи словарей; как Областной великорусский словарь, изданный Академией, так и Словарь Даля отмечают ударение одной, много двух форм склоняемого или спрягаемого слова, чего недостаточно. Вообще эти важные во многих отношениях труды как материал для грамматики далеко не удовлетворительны. Наши словари, не исключая далевского, как склады грамматических сведений не удовлетворяют самым умеренным требованиям: в них не показываются ни особенности изменений слов по склонениям и спряжениям, ни изменения ударений. Во множестве случаев ни до того, ни до другого человек не додумается, если не знает; а не знать множества формальных и тонических особенностей русского языка, столь сложного по входящим в него стихиям и трудного в формальном и тоническом отношениях, — простительно даже хорошо образованному русскому.

Лишь этим путем можно дойти до познания **системы** русских ударений. Пока нечего говорить о системе, потому что мы лишь предполагаем ее существование.

Одним из важнейших средств для исторического изучения русской акцентуации должно бы быть сравнение ее в современном виде с акцентуацией древних русских и старославянских памятников, если б они были известны. «Но, — говорит акад. Грот, — в древнейших церковнославянских списках евангелия (и, — прибавим, — сколько известно, в древних памятниках русской письменности) ударения вовсе не означены, они начинают появляться не прежде, как в XV и XVI столетиях»[1].

Знакомство с акцентуациею памятников XV, XVI вв., без сомнения, весьма важно, так как даже в новопечатных церковнославянских книгах сохранились черты глубокой древности. Но, во-первых, знакомство еще почти что не начиналось и приступить к нему могут лишь немногие, имеющие возможность пользоваться неизданными памятниками, во-вторых, в большинстве случаев оно не поведет исследователя дальше того времени, когда русский язык уже распался на наречия.

Гораздо доступнее и надежнее в настоящем случае другое средство — именно сравнение слогоударения в русском языке и живых славянских наречиях, литовском, санскритском. Из славянских наречий западные потеряли разнообразие и подвижность ударения, свойственную русскому языку: в чешско-словацком и лужицких ударение падает на первый слог слова; в польском — на предпоследний; полабский отклоняется по ударению от польского, но в этом отношении мало известно. Из задунайских для нас наиболее важно сербское, как по древности своего тонического строя, так и по относительному богатству пособий для изучения его. Затем следует болгарское и, наконец, наименее известное со стороны слогоударения — хорутанское.

Сравнение русского языка с сербским уже дало один положительный и важный результат, доказавши существование в древнем русском языке количественного различия гласных и его связи с ударением в словах полногласных в русском языке; сравнение с сербским и болгарским, как уви-

---

[1] Я. К. Грот, О глаголах с подвижным ударением, стр. 344 и далее.

дим, дает возможность относить одни из явлений русской акцентуации к общеславянскому периоду, другие — к более позднему и позднейшему времени — одним словом, наметить главные черты истории славянского слогоударения. Путь к такому сравнению указан частью русскими учеными, частью г. Мажураничем.

Несравненно труднее сравнение русского слогоударения с литовским и санскритским, которые, как доказано Боппом, во многом сходны с греческим. Уместность такого сравнения указана Боппом. Ему же принадлежит, между прочим, важное наблюдение, что в русском и литовском, как и в санскритском, есть тоническая разница между так называемыми им сильными и слабыми падежами.

УДАРЕНИЕ В СПРЯЖЕНИИ

Приводимые ниже данные об ударениях в сербохорватских глаголах заимствованы из словаря Караджича, из Мажуранича «Slovnica hèrvatska», 1861 г., и отчасти Даничича «Облици српского језика» (Београд, 1863 г.) и Вуича «Српска граматика» (Београд, 1863 г.). Основные сведения о соответствии русских ударений сербским и об отношении сербских штокавских ударений к чакавским изложены мною в статье «О полногласии».

Мы рассмотрим сначала взаимные тонические отношения настоящего времени и неопределенной формы, а затем — ударения в повелительном наклонении, причастиях и деепричастиях.

I. УДАРЕНИЯ В НАСТОЯЩЕМ ВРЕМЕНИ И НЕОПРЕДЕЛЕННОЙ ФОРМЕ

§ 1. РАЗЛИЧИЯ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ В РУССКОМ И СЕРБСКОМ

В великорусских наречиях и современном литературном языке в настоящем времени ударение может неизменно оставаться во всех лицах на первом, втором или третьем слоге, считая от начала, или же стоять на последнем слоге в 1-м лице единственного числа и переходить на предыдущий слог во всех остальных лицах обоих чисел. В последнем случае ударение называют подвижным. Переход ударения с конечного слога 1-го лица единственного числа на предыдущий слог в остальных лицах почти в той же мере свойствен (отклонения малорусских ударений, как *мóжу, винóшу* и т. п., будут указаны ниже) и малорусским говорам, не подчиненным влиянию польской акцентуации, по об-

щему правилу, если во 2-м и 3-м лице единственного числа настоящего времени ударение стоит на последнем слоге (не считая потерянного на конце еря), то в 1-м и 2-м лице множественного числа оно передвигается на следующий слог, т. е. на окончание **-мó** и **-тé**.

Таким образом, великорусские *ведёшь — ведём — ведёте* соответствуют малорусским *ведéш — ведемó — ведетé*. Правило это во 2-м лице множественного числа до сих пор соблюдается и в церковных книгах не только южной, но и северной печати. Не могу решить, было ли такое ударение занесено на север юго-западным духовенством в XVI—XVII вв. или же и до этого времени и на севере оно сохранялось в церковных книгах. Церковнославянские *соблюдитé, творитé, поститéся* (однако *пиѥ́те, облечéтеся, печéтеся*), *даетé, зоветé, держитé, убѣжитé, стоитé, мнитé, спитé, разрѣшитé, чудитéся, соблаговолитé*; даже *отпуститé*.

В пользу глубокой древности ударения *ведемó — ведетé* говорит его согласие с сербохорватским, в коем «в глаголах на **-ē̄м, -ӣм** [в 1-м лице единственного числа. — *А. П.*] в штокавском в единственном числе настоящего времени на предпоследнем слоге стоит ударение острое (á = аа̀) или менее тяжкое (à), то в 1-м и 2-м лице множественного числа эти ударения переходят на следующий слог в глаголах на **-ēм**—как менее тяжкие (*пѝјем — пѝјеш—пѝје*, но *пиjѐмо—пиjѐте*, ибо **е** в последних двух формах коротко), в глаголах на **-ӣм** — как острое (*вѐлӣм — велúмо — велúте*, **и** — здесь долгое: *велúмо = велиѝмо*). Этим формам в более древнем по ударению чакавском будут соответствовать формы с ударением на конце, как в малорусском, но с сохранением долгот: *пиjéм — пиjȅш — пиjȅ, пиjемȍ — пиjетȅ — пиjу́; велúм — велúш — велú, велӣмȍ — велӣтȅ — велé*» (M a ž u r a n i ć, Slovnica hèrvatska, 76).

Ю. Крижанич, хорват родом, ставит в этих случаях ударение малорусско-чакавское: *ведемó — ведетé, jесмó — jестé, держитé*, но повелительное наклонение *держúмо — держúте*.

Согласие малорусского и сербохорватского в ударении 1-го и 2-го лица множественного числа **-мó, -тé** ведет к предположению, что таково было древнее общерусское ударение. Но окончание 1-го лица можно не без основания считать за более позднее, чем старославянское и великорусское окончание **-мъ**. Можем ли допустить, что это послед-

нее, бывшее общерусское, имело на себе ударение? Мне кажется можем, так как глухой звук вообще не есть непременно звук неударяемый. Примеры ударяемого глухого звука внутри слов часты; ср., например, слова, как *възрастъ* и *търгъ, пълкъ*. Ударяемое -ъ на конце, по-видимому, предполагается, впрочем, редкою северновеликорусскою заменою такого ъ чистым ударяемым о: *богъ даló* (вместо *далъ*) и происходящим из основных а, ѧ, ѫ в новоболгарском. Особенно часты ударяемые гласные звуки в позднейшем.

Переход ударения с конечного слога 1-го лица единственного числа настоящего времени на предшествующий слог в остальных лицах (*ношу́ — но́сишь*) составляет особенность русского языка. В сербском, за исключением нескольких глаголов, представляющих такой же переход ударения, уже в 1-м лице единственного числа стоит ударение, соответствующее русскому ударению 2-го лица: *но̏сӣм — но̏сиш*, а не *но́сим — но̏сиш*. В болгарском то же, без исключений: *но́сѫ — но́сиш*. В сербском (кроме исключений) нет подвижного ударения в настоящем времени, и о движении ударения может быть речь только при сравнении настоящего времени с другими формами, между прочим с формой неопределенной (*но̀сити — но̏сӣм*), а также при сравнении форм простых глаголов с теми же формами предложных. Поэтому при сравнении русских глагольных ударений с сербскими и болгарскими в русских глаголах необходимо выставлять 1-е и 2-е лицо единственного числа настоящего времени, в сербском и болгарском достаточно (по общему правилу) одного 1-го лица. Было ли некогда и в сербском ударение *но̀сим — но̏сиш* = русскому *ношу́ — но́сишь* или же следует считать русское ударение явлением позднейшим, на это отвечать трудно.

В пользу предположения, что русская подвижность ударения (*ношу́ — но́сишь*) позднее сербской неподвижности, можно привести, что в санскрите не замечается такой подвижности (а о другой — речь впереди). Случаи полного согласия сербского ударения с великорусским, именно *мо̀гу — мо̏жеш* и *хо̀ћу — хо̏ћеш* (чакавское *могу́ — мо̏жеш, хоћу́ — хо̏ћеш*), могут быть неразвитыми зародышами нового закона, развитого в русском. Наоборот, случаи малорусского *прино́шу* (великорусское *приношу́*) — *прино́сиш* и т. п., согласные с сербским относительно 1-го

лица единственного числа (*при̏носи̅м* = чакавскому *прино̏си̅м*), — остатками старины.

С другой стороны, в защиту большей древности русского перехода ударения можно привести то обстоятельство, что в литовском, несравненно более близком к славянским, чем санскрит, есть в настоящем и прошедшем времени подвижность ударения, сходная с русской. Глаголы, имеющие ударение на последнем слоге первого лица единственного числа, удерживают это ударение только во 2-м лице того же числа (и в этом отличие от русского); во всех же остальных лицах переносят его на предыдущий слог: 1-е лицо ariù (*орю́*) — 2-е ăriì (отлично от *о́решь*) — 3-е лицо ãria (arie, ar' = *о́рет*); множественное число 1-е лицо ariame (ariem = *о́рем*), ariate (ariete = *о́рете*) (Schleicher, Litauische Grammatik, § 102—103).

Сходство русского ударения с литовским не подрывается различием ударения во 2-м лице единственного числа точно так же, как в общем сходстве русского ударения с сербским — различием в 1-м лице единственного числа глаголов с подвижным ударением в русском. Не лишено вероятности и то предположение, что *о́рю — о́рет* есть ударение общеславяно-литовское, что, стало быть, сербские исключения, как *мо̀гу — мо̏жеш*, суть остатки старинного правила.

Принявши в соображение указанные тонические различия настоящего времени в русских наречиях с сербским — именно в 1-м лице единственного числа и во 2—3-м лице множественного числа, — приступим к изложению фактов. Рассматривая изменения глаголов по отношению к этимологическому составу, мы не приняли во внимание ударения; здесь же, в н у т р и   о т д е л ь н ы х   р а з р я д о в, мы упускаем из виду различие состава, следя только за сходством ударений. Поэтому, например, здесь мы не отделяем *дамь* от *есмь*, хотя в первом ударяется удвоенный корень, а во втором — простой, и, наоборот, отделяем *кра́ду — кра́сть* от *бреду́ — брести́*.

§ 2. МЕНА УДАРЕНИЯ ВНУТРИ ОТДЕЛЬНЫХ РАЗРЯДОВ

I разряд

Настоящее время

Дополняя формы первого образца глаголов *есмь*, *ем*, *дам*, потерянные в одних из живых русских наречий, сохранившимися в других или в книжном языке, мы получаем следующее спряжение настоящего времени: *éсмь* [1]— малорусское *єсú —éсть*, малорусское *єсмó*[2] *—єсте́* —книжное *суть* (галицкое *сут*).

В сербском (штокавском) *jѐсам — jѐси* (чакавское *jесӥ*)— *jȅст* (и чакавское), *jѐсмо* (чакавское *jесмȍ*) — *jѐсте* (чакавское *jестȅ*) — *jѐсу* (чакавское *jесӱ*). Разница с русским в 1-м лице единственного числа. Но в 1-м лице ударение *jѐсам* не может быть древним: в древнем языке не могло быть ударения на слоге **са** (или **съ**, так как в сербском **ъ** = **а**), потому что самого этого слова не было (*ѭсмь*), а звук **а** есть замена неорганического **ъ**, эвфоническая вставка, которая понадобилась уже после потери конечного **ь**. Русскому *éсмь* должно бы в сербском соответствовать *jȅсам*. В 3-м лице множественного числа сербскому *jѐсу* должно бы соответствовать русское *исуть*. Сербская форма есть сравнительно новое восстановление части коренного слога (je), потерянной еще до выделения славянского языка.

Ем. Ем (из *ѣмь*, малорусское *їм*) — *ешь* (малорусское *їсú*) — *ест* (малорусское *їсть*). Малорусское *їмó — їсте́*, общерусское *едя́т*, малорусское *їдя́ть* (белорусское *яду́ць*).

В южном сербском: *ӥjем — ӥjеш — ӥjе*, *ӥjемо — ӥjете— ӥjӯ*. 2-е и 3-е лицо множественного числа отличаются от малорусских по ударению, а 3-е лицо — и по образованию, но в восточном сербском (штокавском) наречии сохранились формы, вполне согласные с русскими: *jȇм* (= южному *ӥjем*, *jȇм*, *jȇ*), *jéмо* (в чакавском было бы *jемó*) — *jéте* (в чакавском было бы *jетȅ*) — *jéдӯ* (в чакавском было бы *jȅдӯ*) (Даничић, Облици српског језика, 123).

Дам. Дам — дашь (малорусское *дасú* [3]) — *даст* (малорусское *дасть*). Церковнославянское (новое) *да́мы*, малорусское *дамó — дасте́*, великорусское, малорусское *да-*

[1] Таково ли ударение и в летописной форме 1-го лица единственного числа *есми*? Церковнославянское (*по*)*ѭсте*, *несте́*, но *нѣсте*.

[2] Вероятно, таково же ударение летописных форм 1-го лица множественного числа *есмы́*, *есмú*, *есме́*, *есмя́*.

[3] *Віддáси*, церковнославянское (новое) *воздáси*.

ду́т, даду́ть. Согласно с этим и в сербском. Штокавское *да̑м — да̑ш — да̑, да̂мо — да̂те — да̂ду.*

Относительно 2-го лица единственного числа заметим, что малорусское *єси́* (ѣси, *юси*), *даси́* с ударением на конце отклоняется как от великорусского, так и от сербского; но что *еси́* произносится так по преданию и великороссиянами и согласно с сербским *jѐси* (= чакавскому *jесѝ*). По преданию мы произносим и двойственное число *есвѣ́*, *еста́*, *давѣ́*, *да́ста.*

За исключением этого 2-го лица единственного числа в малорусском, сербско-русские ударения настоящего времени *есмь*, *ем*, *дам* представляют большое сходство с ударениями тех же форм в санскрите, где ударение тоже стоит на корне в единственном числе и на окончании в двойственном и множественном числе: *а́сми*, *а́си*, *а́сти*, (*а*)*сва́с*, (*а*)*стһа́с*, (*а*)*с-та́с*, (*а*)*сма́с*, (*а*)*стһа́*, (*а*)*са́нти*; *ад-ми*, *ат-си*, *ат-ти*, *ад-вас*, *ат-тһа́с*, *ат-тас*, *ад-мас*, *ат-тһа*, *ад-анти*; *да̄да-ми*, *да̄да-би*, *да̄да-ти*, *дад-ва́с*, *дат-тһас*, *дат-тас*, *дад-мас*, *дад-тһа*, *дад-а̀ти* (вместо *-анти*). Однако законы, управляющие этими явлениями, в санскрите и в русско-сербском различны. В санскрите перенос ударения с корня на окончания в двойственном и множественном числе под влиянием большей тяжести окончания в этих числах имеет место только во II, более древнем, спряжении, т. е. в классах 2, 3, 7, 5, 8, 9, из коих в славянском языке находят полное или почти полное соответствие классу 2-му (*есмь*) и 3-му (*дамь*); в I спряжении, более новом санскритском спряжении (классы 1, 6, 4, 10), которому по конечной гласной характера соответствуют все разряды славянских глаголов, кроме 1-го, сила и слабость окончаний не имеют тонического влияния и ударение остается постоянно или на корне, или на характере. Между тем в малорусском, сербском ударение окончаний 1-го и 2-го лица множественного числа, вообще, согласуется с ударением 2-го лица единственного числа и перенос ударения на **-мо́**, **-те́** имеет место не только в трех глаголах, соответствующих санскритским глаголам II спряжения, но и во множестве других, соответствующих санскритским глаголам I спряжения с неподвижным ударением: малорусское *веземо́* = санскритскому *ва́һамас·*. Таким образом, сходство ударений рассмотренных русско-сербских глаголов с санскритскими только поверхностное.

Литовский язык в ударении глаголов на **-ми** следует своему особому закону и уравнивает их в этом отношении с

остальными (в 1-м лице на у = u). Вообще литовские глаголы в настоящем времени имеют или постоянное ударение на корне, или же ударение на окончании в 1—2-м лице единственного числа и на корне в остальных лицах. К последним принадлежит esmì (есмь); esù, esì, ẽste·; двойственное число ésva, ésta, множественное число ésme, éste отличны по ударению как от санскритских, так и от славянских.

Образец *вѣмь*. Этот образец выставляю гадательно, так как спряжение настоящего времени, кроме 3-го лица единственного числа, в живых наречиях не сохранилось, а об ударении его в старом языке можем судить только по преданию, поддерживаемому церковными книгами. *Вѣмь, вѣси, вѣсть, вѣвѣ, вѣста, вѣсте, вѣмъ* (*вѣмы*), *вѣсте, вѣдятъ.*

II разряд

1. Образец *веду́ — ведёшь, вести́*

В настоящем времени в великорусском постоянное ударение на характерной гласной, слитой со смежною гласною окончания (**-у́, -у́т**) или длительною (**-ёшь, -ёт, -ём, -ёте**), в малорусском ударение на последней гласной окончания в 1—2-м лице множественного числа (**-емó, -етé**).

В неопределенной форме. В великорусском (с исключениями) и малорусском ударение — на окончании **-ти**.

В сербском в обеих формах — ударения, соответствующие русским (в штокавском) или тождественные (в чакавском)[1].

Русскому образцу в сербском соответствуют два, тождественные по ударению, но различные по количеству коренной гласной: *плѐсти — плѐтēм* и *вéсти — вéзēм*. В них переход ударения, как в малорусском: *плѐтēм — плѐтēш — плѐтē, плетéмо — плетéте, плетý*; *вéзēм* и пр. Однако

[1] Примечание. Ниже везде в скобках выставлены сербские слова по штокавскому произношению, а при чакавских стоит «чакавское». Впрочем чакавское ударение во множестве случаев потеряно, вытеснено все более и более распространяющимся штокавским. Мажуранич замечает о глаголах рассматриваемого образца, как *тýћи, вýћи* и пр.: «чакавское ударение было некогда *тӯћȉ, дӯбстȉ, зēбстȉ* и т. д., но я никогда его не слыхал; по крайней мере в Винодоле теперь говорится: *тýћ, вýћ, дýбст* (и *дýст*) и т. д. [т. е. со штокавским ударением и без конечного **и**, сходно с великорусским *толочь* и прочими. — *А. П.*]» (Mažuranić, Slovnica hèrvatska, стр. 19).

у Даничича (Облици српскога језика, 69) множественное число 1-е лицо *вéзēмо*, 2-е лицо *вéзēте* (а не *вēзéмо — вēзéте*, как можно ожидать на основании малорусского и по сербскому правилу — М a ž u r a n i ć, Slovnica hèrvatska, 72).

Сюда относятся:

Бости́ — боду́ (сербское *бȍсти — бȍдēм*); *брести́* (*бресть*) — *бреду́*; *блюсти́ — блюду́*; *вести́* (*весть*) — *веду́* (= *вѐсти — вѐдēм*, чаще с предлогом, например *увѐсти, довѐсти*); *грясти́ — гряду́* (*грѐсти — грѐдēм*); *гнести́* (*гњѐсти*); *мести́ — мету́* (корень **мет**) (= *мѐсти — мѐтēм*); *плести́ — плету́* (= *плѐсти — плѐтēм*); *мясти́ — мяту́* (= *мéсти — мéтēм*); *рости́ — росту́* (*ра́сти — ра́стēм*); (*рас*)*свести́ — (рас)светéт*; *цвести́ — цвету́* (*цва̀сти — цва̀тēм*) (с другою гласною в корне (**а** = **ъ**) — Д а н и ч и ħ, Облици српскога језика, 67); *чести́* (великорусское вместо обыкновенного *честь*) — *чту*.

Сюда в русском: *обрести́ — обрету́*, но и в малорусском *зустрíти* и в сербском *срȅсти — срȅтнēм* (*су̏срести, ȍбрести*) имеют другое ударение.

К о р е н ь н а **з — с**. *Вязти́* (*вéсти — вéзēм*, латинское pingere); *везти́ — везу́* (*вéсти — вéзēм*); *верзти́* (*вр̏сти се — вр̏зēм се*, adhaeresco); *нести́ — несу́* (*нѐсти — нѐсēм*); *ползти́ — ползу́*; *трясти́ — трясу́* (*трéсти — трéсēм*).

К о р е н ь н а **б — п**. *Грести́ — гребу́*, малорусское *гребти́ — гребу́* (*грѐпсти — грѐбēм*); *долбсти́*, малорусское *довбти́* (*ду́псти — ду́бēм*); великорусское областное *зябти́* (*зéпсти — зéбēм*); *скрести́ — скребу́*, малорусское *скребти́ — скребу́* (нет ни у Караджича, ни у Даничича); великорусское *скубсти́* (*ску́псти — ску́бēм*, но в малорусском отклоняется в неопределенной форме *ску́бти — скубу́*); малорусское *сопти́ — сопу́*; **тепсти́ — тепу́* (*тѐпсти се — тѐпēм се*, vagor); малорусское *хропти́ — хропу́* («Соплí, харчали и хроплиı» — К о т л я р е в с к и й, 14).

К о р е н ь н а **г — к**. В великорусском первоначально все сюда относящиеся глаголы имели в неопределенной форме ударение на конечном **-и́**, что и сохранилось в малорусском, между тем как в великорусском такое окончание осталось только как архаизм и господствуют формы как *печь* с сокращенным **и в ь** и с переносом ударения на корень: *берéчь — берегу́*, малорусское *берегти́ — бережу́*; *жечь* (из *жечи́*, малорусское **жегти́*)—*жгу* (*жѐħи—жѐжēм*).

Прячь (*прячи́*, областное великорусское *выпрячи́, впрячи́*) — *прягу́*, малорусское *прягти́ — пряжу́* (ср. сербское

пре́ћи — упре́ћи, настоящее время *ỳпрēгнēм)*, но малорусское *пря́гти* (assare). *Стере́чь — стерегу́*, малорусское *стерегти́ — стережу́*. *Печь* (областное *печи́*) — *пеку́*, малорусское *пекти́ — печу́* (*пѐћи — пѐчēм*). *Течь* (*течи́*), малорусское *текти́ — течу́* (*тѐћи — тѐчēм*). *Толо́чь — толку́*, малорусское *товкти́ — товчу́* (*ту́ћи — ту́чēм*). *Воло́чь* (*волочи́*) — *волоку́*; малорусское *волокти́ — волочу́* (*ву́ћи — ву́чēм*).

На носовую: *клясть — кляну́*, малорусское *клясти́ — кляну́*, сербское *кле́ти — кỳнēм*.

К образцу *вести́* принадлежит по второй теме *лечь*, малорусское *лягти́*, сербское *лѐћи* (К а р а џ и ћ, Српски рjечник, по Мажураничу, ле́ћи — 103).

П р и м е ч а н и е. Полногласные формы *бере́чь, стере́чь, воло́чь — волоку́* не находят соответствия в сербском. Возведя эти формы к более древнему виду (*беречи́, стеречи́, волочи́*, что предполагает в старославянском *брѣшти, стрѣшти, влѣшти — влѣку́*), мы могли бы ожидать в южносербском *брија̀ћи, стрија̀ћи, влија̀ћи*. Великорусское *речь* (*речи́*) — *реку́*, которому соответствовало бы малорусское *ректи́ — речу́*, согласно с сербским в неопределенной форме (*рѐћи*), но отлично от сербского в настоящем времени (*рȅчēм*).

Болгарское: *бодѫ́ — бодѐш — бодѐ, бодѐм — бодѐте — бодѫ́т*; *ведѫ́* (*доведѫ́* etc.), *плетѫ́, метѫ́, растѫ́, четѫ́* (= *чьтѫ́, читаю*), *везѫ́, несѫ́, плъзѫ́* (plúzé), *тресѐ* (3-е лицо единственного числа), *гребѫ́, длъбѫ́, жегѫ́* (*жьгѫ*), *пекѫ́, текѫ́* (и *печѫ́, течѫ́*, у Цанковых (Grammatik der bulgarischen Sprache) pečё̀, tečё̀, 3-е лицо множественного числа *течѫт* (= Цанковы tećét, protećét), *обрекѫ́, сѣкѫ́, влѣкѫ́*; но по Цанковым, skúbé, tépé. Сербскому *вр̏ћи — вр̏шēм* (основная форма *връкѫ́*) = *врија̀ћи — вр̏шēм* (молотить лошадьми и пр.) = болгарское *вържѫ́* и *връшѫ́* (Цанковы vrŭše) — *връше́ш — връше́* и пр.

Не говоря о тех малорусских говорах, которые подчиняются польскому ударению, в самом украинском, преимущественно в песнях, попадаются отклонения от образца *вести́ — веду́*, например: «голови не зве́ду»; «Туда ж мені любо-мило оченьками зве́сти» (рифмуется с «хре́сти» вместо «хрести́» — М е т л и н с к и й, 6); «А хто не зна, че́сти, того взять за чуба да на двір виве́сти» (К у л и ш, II, 83); «Я ж без тебе усю ніченьку, як сива голубка гу́дуе

(рифмуется: «бýду» — ibid., 258); «Що у лісі на горісі три голубоньки гýде» (рифмуется: «бýде» — Метлинский, 89); «Тихо, тихо Дунай воду нéсе, А ще тихше дівка косу чéше, Вона чéше да на Дунай нéсе» (ibid., 14); «Їхав козак дорогою — дівча воду нéсе» (Костомаров, Песни, 245); «Ой як гляне та Нечаєнко, та на лівеє пліче (вместо *плечé*), А за ним же, за Нечаєнком, крівавая річка тіче» (вместо *течé*—Метлинский, 406. Борзенский у.). Эти и им подобные отклонения имели бы значение только тогда, если б согласовались с разговорною речью. Они могут быть объяснены тем, что песня сложена для пения, а не для чтения, а в пении ударение нередко теряется.

2. Образец *прядý — прядéшь, прясть*

В настоящем времени ударение — как в предыдущем образце; в неопределенной форме в великорусском разницы не заметно сравнительно с *течь*, но в последнем перенесено ударение на корень и основное общерусское ударение есть *течú*, а в *прясть* ударения на окончании и не предполагается, и основная русская форма сохранилась в малорусском *пря́сти*. В сербском в неопределенной форме по правилу гласная короткая с более тяжким ударением (ȁ), что соответствует русскому.

Корни на согласную, кроме м, н, с чистою коренною гласною. В сербском в настоящем времени на коренной гласной á: *класть — кладý— кладёшь*, малорусское *клáсти — кладý — кладéш* (*клȁсти— клáдēм*); *пасть — падý*, малорусское *пáсти — падý* (*пȁсти*, но по настоящему времени принадлежит к другому разряду *пȁднēм*); *прясть — прядý*, малорусское *пря́сти — прядý* (*прȅсти — прéдēм*).

Грызть — грызý, малорусское *грúзти — гризý* (*грȉсти*[1] — *грúзēм*), малорусское *пáсти—пасý*, великорусское отклоняется: *пастú—пасý* (*пȁсти—пáсēм*); малорусское *бíгти—біжý* (только по неопределенной форме и 1-му лицу настоящего времени; великорусское *бегý* — только по 1-му лицу единственного числа и 3-му лицу множественного числа). Сербское *бjȅħи* (= *пȍбjеħи*, но настоящее время по другому раз-

[1] Предложные в сербском *ȕгристи — угрúзēм*, *нȁпрести —напрéдēм*, *пȍсjеħи — посиjéчēм* = русским.

ряду — *пòбјегнēм*). *Стричь* — *стригу́*, малорусское *стри́гти* — *стрижу́* (сербское *стри̏ћи* — *стри́жēм*); *сечь* — *секу́*; малорусское *сі́кти* — *січу́* (сербское *сје̏ћи* — *сије̏чēм*), но в великорусском *секчи́* (северное), *секти́* (тамбовское). *Жить* — *живу́*, малорусское *жи́ти* — *живу́* сходно с сербским в настоящем времени *жи́вēм*, но отлично в неопределенной форме: сербское *жи́вести*. Болгарское *кладѫ́*, *пасѫ́*, *предѫ́*, *гризѫ́*, *сѣкѫ́*, *стригѫ́*.

Корни на основы у и ѣ (II, 1, г). Настоящее время в русском *плыву́* — *плывёшь*, *реву́*, *слыву́*, *пою́*. В сербском, судя по двум словам — *кòвēм* (при *кòвати* другого разряда) и *рèвēм* (при иноразрядном *рèвати*), — коренная гласная коротка, но ударение ̀. Вероятно, такое же ударение в предполагаемой Караджичем форме *појем* — именно *пòјем* (при обычной сокращенной *пēм*). Неопределенная форма *плыть* (из **плути*, сербское *пли́ти*, но в малорусском в песне — *плисти́*), *слыть*, *петь* (сербское *пе̏ти*). Малорусское *ревти́* отклоняется и по форме и по ударению.

Болгарское *ревѫ́* и сюда же *сновѫ́* (anzetteln), *ковѫ́* (*да подковéм*, *да подковé*), *клѣвѫ́* (*клюю*), однако *пѣѭ* — *пѣеш* — *пѣе*, *заро́вѫ* (Бессонов, Болгарские песни, т. I, 118, = *заро́ю*).

3. Образец *дму—дмешь, дуть*; *тру*, малорусское *те́рти*; *рву—рвать*

В обеих формах ударение как *пряду́* — *прясть*, но в настоящем времени глаголов односложных в единственном числе при сложении их с предлогами видны следы подвижности ударения.

Корни на м, н; в корне настоящего времени основная гласная глухая (II, 1, б).

Дуть, малорусское *ду́ти* — *дму*, сербское *ду̏ти* — *дмēм* (на основании *нàдути се* и *на̏дмēм се*). *Жать* — *жму*, сербское *же̏ти* — *жмēм*. Из немногих глаголов, принадлежащих сюда, в болгарском отклоняются по ударению *же́нѫ* (*жну*), но согласно *клянѫ́*; *и́му* в сложении с *въз*, как и многие другие глаголы, соответствующие русским с подвижным ударением, имеет в болгарском ударение на первом слоге: *зѣмѫ* — *зѣмеш* — *зѣмет* и пр.; *жать* — *жну*, малорусское *жа́ти* — *жну*, сербское *же̏ти* — *жнēм* (Даничић, Облици српскога језика, стр. 79) и с заменою более новым ударением глухого гласного: *жа̏њēм*, а в Далмации *же̏њēм*;

пять — пну (в малорусском *нап'ясти́*, хотя, кажется, и *нап'я́сти* и *розп'я́сти*); в сербском согласно с первою малорусскою формою и отлично от образца: *пе́ти*, а настоящее время *пѐњēм* и *пнêм* (*рàспēти — ра̏спнēм*); *мять*, малорусское *м'я́ти — мну* и малорусские (*у*)*тя́ти*, (*у-*, *по-*)*тну́* не находят соответствия в сербском.

Подвижность ударения по направлению к началу слов сказывается в этих малорусских глаголах при соединении с двухсложными предлогами, имеющими на конце о(ô)=ъ: *розідму́ — розі́дмеш*, *підо́жмеш*, *розі́пнеш*, *розі́мнеш*. По Мажураничу (Slovnica hèrvatska, § 183): *jéти* (*уз-ети*), *-че̄ти*, *-пе̄ти*, *-же̄ти* (*ȍ-жети — ȍ-жмēм*).

Сюда же глагол *five*, *иму́*[1] — *и́мешь*. В великорусском он сохраняет подвижное ударение и при сложении с предлогами, если начальные коренные **ы**, **и** отделяются от предлога эвфоническим **н** или соединяются с гласной предлога в о д н у гласную (**об**, **от**, **под**, **раз**, **с**): *и́*(*й*)*мешь*, *при́мешь*, *взы́мешь*, *поды́мешь*. В малорусском он переносит ударение на предлог: *при́йму — при́ймеш*, *підо́йму — підо́ймеш*, *розі́ймеш*, но и *за́ймеш*, *на́ймеш*, *по́ймеш*, *во́зьмеш*, *пере́ймеш*: «Хто вінок по́йме — той мене во́зьме!» (Метлинский, 19). Церковнославянское (новое): *по́иметъ*, *во́змутъ*, *ра́спнете*, *про́пнутъ*.

Чать (*чѧти*)—*чну* в великорусском при сложении с предлогом имеет постоянное ударение в настоящем времени: *нача́ть — начну́ — начнёшь*, но в малорусском, хотя может иметь и неподвижное ударение, но имеет и подвижное «за́чнемо» (К у л и ш, II, 72), что предполагает: *зачну́ — за́чнеш*. В церковнославянском (новом) *на́чнетъ — на́чнете*. Эти глаголы в русском, по подвижности ударения при сложении с некоторыми предлогами, представляют отклонение от образца *прясть — пряду́* (но *прядёшь*) и от других глаголов с корнем на **м**, **н**; но в сербском все на **м**, **н** по переходу ударения на предлог однородны: *у̀зēти — у̏змēм*, *пòчēти — по̏чнēм*, как *нàдӯти* (sic К а р а џ и ħ, Српски рјечник) — *на̏дмēм*, *зàжēти — за̏жмēм*, *пòпēти— по̏пнēм* (*пòпењēм*), *рàспēти — ра̏спнēм*.

Во всех этих глаголах в настоящем времени переход на предлог ударения в виде ̏ предполагает на коренном

[1] Сокращая начальное **о** в **ь** или **и**, получаем постоянное ударение на характерной гласной: *возьмéшь*, (**до-**, **за-**, **на-**, **обо-**, **пере**, **про-**, **у-**) *имéшь* (В о с т о к о в, Русская грамматика, § 137), но в «Домострое», 70: «вóзметъ», «нáчнетъ» (13), «нáчнется» (27).

слоге древнее облеченное ударение, общее русскому, штокавскому и чакавскому.

Без сомнения, и в великорусском было, а в малорусском, быть может, и теперь есть где-нибудь и *на́дмешь, подо́жмешь, за́жмешь, разо́мнешь, надо́тнешь.* Здесь заметим: в штокавском основное ударение ` переходит на односложный предлог в виде ̏ (*за̏жмēм*) и на первом слоге двухсложного в виде ̀ (*ѝзажмēм*). Этот последний переход есть исключительно штокавский и по правилу равняется русскому ударению на втором слоге двухсложного предлога: сербское *по̀дапнēш* = малорусскому *підо́пнеш.* Ударение *пе́реймешь* возможно только в великорусских песнях, но вряд ли слышится в просторечии.

В сербских глаголах непонятно для нас только одно: каким образом краткая коренная гласная в неопределенной форме простых глаголов (*жѐти — жмēм*), как *ду̏ти, жѐти— жњēм,* может становиться долгою по сложении этой формы с предлогом. Мы считаем правильным *за̀жēти* (К а р а џ и ћ, Српски рјечник, 179), но у Даничича (Облици српскога језика, 78) читаем *за̀жēти* (т. е. *за̀жēти*), а у Караджича *иза̀жēти* (*ѝзажмēм*), *о̀жēти* (*о̏жмēм*), *са̀жēти* (*са̏жмēм*). Глагол *пе́ти* (*пнēм*) и у Караджича и у Даничича имеет на коренной гласной острое ударение. Но несмотря на согласие этого ударения с малорусским (*нап'ясти́*), мы должны считать его или новым, нарушающим старое правило, или ошибочно выставленным, ибо острое ударение по правилу вовсе не переходит на предлог, а между тем у Караджича нахожу: *ра̀спēти, по̀пēти, на̀пēти* (что предполагает в простых [глаголах] новое облеченное ударение *пēти*).

4. Корни на осно́вное *р* (в составе спряжения II, 1, в)

Настоящее время как *дму*: *мру—мрёшь* (малорусское *мре́ш*) — *мрёт* (малорусское *мре́*), *мрём* (малорусское *мремо́*) — *мрёте* (малорусское *мрете́*) — *мрут* (малорусское *мруть*); сербское *мрēм — мрēш — мрē, мрēмо — мрѐте — мру̏.* Болгарское *умрѫ, запрѫ, прострѫ, заврѫ* — Цанковы (Grammatik der bulgarischen Sprache), у Бессонова: *умре́* (3-е лицо единственного числа), *умре́м* (1-е лицо множественного числа).

Таким образом, *пру́* (сербское *прēм*) — *пре́мо — пре́те*; *тру*, сербское *трēм*; (*про*)*стру́*, сербское (*про̏*)*стрēм*; (*за*)-

верну́ (claudo), сербское (*за̀*)*вр̑нēм*; *жру́*, сербское (*про̏*)*ждрēм*.

Если в сербском коренная гласная (ъ) не опускается, а заменяется чистым а, так что формы настоящего времени из односложных и двусложных становятся двух-трехсложными, то ударение ̑ переходит на первый слог в виде ̏: *та̏рēм* (и *тр̑ēм*), как *жа̏њēм* (*жњ̑ēм*).

При сложении с предлогами в великорусском ударение не изменяется, но в малорусском предлог, принимающий на конце о-=ъ, переносит на него ударение: *одiпру́— одíпреш, розiтру́ — розíтреш*. В церковнославянском (новом) *у́мреши — у́мреть*. В Домострое: «не у́мретъ» — стр. 25.

Что переход этот распространялся и на другие односложные предлоги и на все глаголы этого образца, видно из сербского, в коем правильно ̀ переходит на предлог в виде ̏: *за̏мрēм, за̏врēм, у̏прēм, про̏стрēм, про̏ждрēм*.

Н е о п р е д е л е н н о е как *жа́ти* = сербскому *же̏ти*, так малорусское *ме́рти, пе́рти, те́рти, же́рти* (ср. «поже́рла земля»), *де́рти* (*заде́р* — «заде́рти», Н о м и с, 126) = сербским *вр̏ти, др̏ти, ждр̏ти, пр̏ти, тр̏ти, стр̏ти* (см.: M a ž u r a n i ć, Slovnica hèrvatska, § 183). Караджич: *за̀трти — за̏трēм, ѝстрти — ӥстрēм*.

Другая полногласная русская (великорусская) форма *вере́ть* (*завере́ть*), *мере́ть, пере́ть, тере́ть, стере́ть* — вообще соответствующая сербской с ре — рије — по ударению не совсем ладится с сербскими формами. Именно.

Примем, что русское ударение на втором слоге полногласия (*тере́ть*) есть осно́вное, т. е. не перешло с окончания, как *печь* из *печи́*. Тогда, по аналогии с *бре̏ме* = *бере́мя, вра̏на* = *воро́на*, мы должны были бы ожидать в сербском краткого ре̏. Однако в самом деле встречаем такое ударение только в *пре̏ти* (accusare, великорусское областное *пере́ть*); во всех же остальных, по согласному свидетельству Караджича, Даничича и Вуича, находим долгое рē = ре́ = рије. Каково ударение на этом долгом слоге, мы можем судить только по одному простому глаголу *мрети* и по предложным (M a ž u r a n i ć, Slovnica hèrvatska, 18: *дрӥјети, мрӥјети, прӥјети, стрӥјети, врӥјети, жрӥјети*). У Караджича читаем: *мре́ти — мријѐти*, у Даничича (Облици српскога језика, 90—91) на одной странице *мријѐти*, на другой — *мрӥјети*; там же Даничич выставляет форму *дрӥјети*, но при этом основывается на размере стиха народной песни («Немој дрӥјет' ти то јање живо»), в коем для

размера сокращено окончание, для размера же могло быть перенесено и ударение.

Предложные неопределенные формы и по Караджичу, Даничичу, Вуичу переносят на предлог ударение коренного слога в виде ̀ (за̀-, на̀-, поду̀-, у̀-) *вре̄ти* (*вр̄ити*, *вриjети*); (за̀-, на̀-, о̀-, про̀-) *дре̄ти* (*др̄ити*, *дриjети*); (до̀-, ода̀-) *пре̄ти* (*пр̄ити*, *приjети*); (за̀-, у̀-)*мре̄ти* (*мр̄ити*, *мриjети*); (за̀-, про̀-) *стре̄ти* (*стриjети*); (за̀-, са̀-) *у̏приjети*.

Применяя сюда правило Мажуранича, по коему переходят на предлог в виде а̀ только новое облеченное (а̑ = а̏а) и более тяжкое ударение, и не подвергая сомнению показаний, что во всех этих глаголах гласная долга, мы должны предположить, что в основной форме *у̏мре̄ти* лежит форма *мре̑ти* (совершенно не согласная с русскою *мере́ть*), но что само *мре̑ти* непонятным для нас образом возникло согласно с русским *пре́ти*.

Мы видели уже выше и не поняли, что из кратного *же̏ти* выходит, по Даничичу и Караджичу,— *са̀же̄ти*. Притом в словаре Караджича есть пример того, что восточносербское е̏, которое по правилу должно соответствовать южносербскому jе̏, на самом деле является в этом последнем не только в виде и̏, но и в виде и̏jе: *бе̏о — би̏о — би̏jем*; *де̏о — ди̏jем*; *це̏о — ци̏jем*. Конечно, возможно, что бо́льшая древность здесь за южным и что западное сократило коренную гласную перед другою гласною (о из л), но это указывает на существование диалектических пертурбаций ударения.

Что касается до предположения, что русское ударение *мере́ть* перешло с окончания, как в *печь*, и до его последствий, то форма *мерети́* кажется столь странною нашему уху, что без фактических указаний со стороны русского языка не решаемся развивать этого предположения.

Глаголы II, 2, а (*реву́ — рва́ть*) и II, 2, б (*беру́ — бра́ть*). Болгарское *бер́ѫ*, *дер́ѫ*, *пер́ѫ*, *зов́ѫ*, *тъќѫ*; однако *лъжѫ* (Цанковы: lŭžè), по звукам малорусское *лжу́*.

Отръв́ѫ (освобожу, оторву). Сравнив *стьла́ти*, *бьра́ти*, *зъва́ти* со *стелѭ*, *берѭ*, можно думать, что причины чередования е и ь заключаются в неударяемости последнего.

По неопределенной форме глаголы эти не различаются между собою; все имеют в русском ударение на характерном а, а по счету слогов — на первом слоге двухсложного, как *жа́ти* и малорусское *те́рти*, и на втором трехсложного, как в двух последних. Русскому ударению = сербское ̏

на том же слоге, а в трехсложных ` — на предшествующем: *бра̏ти*, *гна̏ти*, *зва̏ти*, *пра̏ти*, *сра̏ти*, *са̏ти* (из *сса̏ти*), *тка̏ти*, *ла̀гати* (из *лъга̏ти*), *р̏вати* (из *ръвати* = малорусскому *ирва́ти*), *ждѐрати* (жрать). В русском сюда еще *врать*, *драть*, *ждать*, *стона́ть*.

В настоящем времени глаголы односложные в единственном числе и 3-м лице множественного числа настоящего времени сходны со *жму*, *тру*. В великорусском не переносят ударения на предлог: *совру́* — *соврёшь*, *подождёшь*, *пожрёшь*, *солжёшь*, *разорвёшь*, *потчёшь*. В малорусском некоторые переносят ударение на предлог: *ді́ждеш*, *підо́ждеш*, *розі́рвеш*, — подобно тому, как выше: *за́чнеш*, *оді́преш*. В сербском этому правильно соответствует перенесение ударения ̑ на предлог в виде ̏: *се̑м* — *по̏се̑м* (*по̏*(*с*)*сати*), *че̑м* — *по̏че̑м* (*по̀ткати*). *Рву* в сербском двухсложно — *р̏ве̄м*, а в силу менее тяжкого ударения на первом слоге не переносит ударения на предлог: *по̀рвати* — *по̀рве̄м*.

При русском *лгу́*, в сербском двухсложное *ла̏же̄м* с а вместо основного ъ, по аналогии с *та̏ре̄м* (тру). Почему в *ла̏же̄м*, *та̏ре̄м* на корне ̏, а *р̏ве̄м* — `, на это трудно ответить, так как не видно причины, заставляющей ставить на а из ъ более тяжкое, а не менее тяжкое ударение.

Из русских глаголов двухсложные в единственном числе настоящего времени *зовёшь*, *берёшь*, *дерёшь*, малорусские *жене́ш*, *пере́ш* имеют ударение на характерной гласной (кроме 1—2-го лица множественного числа в малорусском *беремо́* — *берете́*) и не переносят ударения на предлог. Вполне им соответствует в сербском только *зо̀ве̄м* (и *по̀звати* — *позо̀ве̄м*, *за̀звати* — *зазо̀ве̄м*), а по Мажураничу (Slovnica hèrvatska, 82), и *бѐрем*, *жѐнем* (*рѐнем*).

Из двухсложных в настоящем времени глаголов в русском есть только два с подвижным ударением: *серу́* — *се́решь* (*сра́ти*) и *стону́* — *сто́нешь*; в малорусском *стогну́* — *сто́гнеш*. В сербском не только *се̏ре̄м*, но и *бе̏ре̄м*, *же̏не̄м* (Караџић, Српски рјечник), *де̏ре̄м*, *ждѐре̄м*, *пе̏ре̄м*.

Глаголы с корнем на и из образца III, 1, а. Настоящее время *бью́* — *бьёш* (в малорусском 1-е и 2-е лицо множественного числа *б"ємо́* — *б"єте́*). Болгарский отклоняется от русского (ср. сербский): *би́ѭ*, *ли́ѭ*, *гни́ѭ*, *ши́ѭ* (так у Цанковых и у Бессонова: *зови́ѭ*, *уби́ѭ*. Однако 1-е лицо множественного числа «побије́м» — Болгарские песни, I, 237). С *пи́ѭ* (1-е лицо единственного

числа), *пиѥ́* (ibid., 73), *пиѥ́м* (1-е лицо множественного числа — ibid., 117). По Цанковым, *пиѫ* и пр. имеет двоякое ударение: в одних краях *пи́ѫ — пи́ѥш* (*пи́иш*), *пи́ѥ* (*пий*), в других *пиѫ́*, *пиѥ́ш*, *пиѥ́* (Grammatik der bulgarischen Sprache, 2).

Так в великорусском, кроме *бью, лью, пью, шью* — все, сокращающие коренное **и**, и глаголы, не сокращающие **и**: *гнию́*. Сюда же относят *вопию́*, но здесь конечное **и** — характерная гласная. В малорусском отклоняется *ши́ю* по удержанию коренного **и** и по ударению. В некоторых областных великорусских (пермский) из глаголов на **и** сюда: *мыть — мъю́ — мъе́шь* и пр.: «Не сомью́ ли я свою ди́вью красоту? — Не сомьешь ты, не сомьют».

В великорусском нет следа перехода ударения на предлог. В малорусском на конечное о = ъ некоторых предлогов: *розо́б'єш, оді́б'єш*, но вместе с тем: *розоб'є́, перелле́, надоп'є́, поп'є́, погніє́*.

Так как *пью — пьеш* из *пию́ — пие́шь*, то русское ударение совершенно совпадает с сербским, как оно выставлено у Мажуранича (Slovnica hèrvatska, § 158): *пѝjем — пиjѐмо, пиjѐте* = чакавским *пиjе́м — пиjе̏ш—пиjе̏, пиjемо̏—пиjете̏—пиjу́*. Такое ударение считаем древнейшим. Но у Караджича рассматриваемые глаголы имеют и в настоящем времени такое же ударение, как те, которые в русском удерживают ударение на корне, именно: *бѝjе̄м, вѝjе̄м, лѝjе̄м, шѝjе̄м, пѝjе̄м — ѝпиjе̄м*. Сверх того, глаголы эти переносят на предлоги (**до, за, из, на, над, об, по, про** и др.) ударение не менее тяжкое (`), как в большинстве случаев и в самой неопределенной форме этих глаголов, а более тяжкое (см. выше неопределенность правила Мажуранича): *до̀бити — до̏биjе̄м, ѝзвити — ѝзвиjе̄м* (*обàвити — о̀бавиjе̄м*), *нàлити — нȁлиjе̄м, ѝспити — ѝспиjе̄м, зàшити — зȁшиjе̄м, сàгњити*, и, вероятно, *сȁгњиjе̄м*[1].

Неопределенная форма имеет более тяжкое ударение на втором от конца [слоге] (*бѝти, вѝти, лѝти, пѝти, шѝти, гнȁти*), на основном — *обȁгњити, сàгњити* и менее тяжкое на третьем от конца (*ѝпити*).

[1] Налицо есть *сàгњӣм*.

II. ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

Глаголы с корнем на *у*.
с характером *-je-* (III, 2, а)

По общему правилу в обеих формах постоянное ударение на характере: *ков-а́-ть* (*кова́-ти*), *кую́*; сходство с предыдущим в том, что и здесь ударение на последнем слоге в единственном числе настоящего времени и на предпоследнем (если **-ти** не сокращено в **-ть**) в неопределенной форме.

Как выше относительно *пью* = *пию́* — сербское *пѝје̄м* (по Мажураничу) и *пи̏је̄м* (по Караджичу), так и здесь мы имеем два несходные свидетельства о сербском ударении в настоящем времени. У Мажуранича читаем: *ко̀вати*— *ку́јем* (один только пример — Slovnica hèrvatska, 82), что совершенно согласно с русским *кую́* и аналогично с ударением глаголов с характером $\frac{\text{-ује-}}{\text{-ова-}}$: *купо̀вати* — *ку̀пује̄м*. В словаре Караджича как *пи̏је̄м*, так и *ку̏је̄м*, *сну̏је̄м*, *тру̏је̄м*, *бљу̏је̄м*, *пљу̏је̄м*. Так же у Вуича (Српска граматика, 75). С правильным переносом ̏ на предлог в виде ̀ у Караджича: *зако̀вати* — *за̀кује̄м*, *потко̀вати* — *по̀ткује̄м*, *преко̀вати* — *прѐкује̄м*, *осно̀вати* — *о̀снује̄м*, *отро̀вати* — *о̀трује̄м*, *побљу̀вати* — *по̀бљује̄м*, везде с кратким **у** в настоящем времени. Основания для такого ударения в русском слабы; перенос ударения, как говорят, в великорусском *су́ешь* (обыкновенно *суе́шь* — *суе́шь-ся*), *плю́ешь* (у Пушкина *плю́ет*, может быть, для размера; обычно *плюёт*).

В неопределенной форме русское и сербское сходятся: русскому *кова́ть* (малорусское *кува́ти*) = сербское *ко̀вати*, *сно̀вати*, *тро̀вати*, *бљу̀вати*, *кљу̀вати*, *пљу̀вати*, что соответствует более тяжкому ударению на первом слоге двухсложной формы, как *би̏ти*, *пи̏ти*.

Из болгарских глаголов идет в сравнение только *плю́*-ѭ (Ц а н к о в ы, Grammatik der bulgarischen Sprache) с ударением на первом слоге = сербскому и великорусскому подвижному; остальные имеют частью более древнюю форму, уже упомянутую выше (*ковѫ́*, *сновѫ́*, *клъвѫ́*), частью — характерное **-ов-** (*блъвам*).

Глаголы с корнем на *-а-* (*-ѣ-*), с характером *-je-* (III, 2, г)

Как *кую — ковать* (*ковати*), так *даю — давать*, *у-*(*по*)*знаю*—*у*(*по*)*знавать*, *до-стаю — доставать*, *растаю—раставать* и архаическое малорусское *надію — надівати*. В болгарском *знаѭ*, *давам*, (*пре*)*ставам* — переносим в разряд -ае-. В сербском неопределенные формы, как и выше, по ударению согласны с русскими: *дáвати* (=чакавскому **давäти*), *познáвати* (= чакавскому **познавäти*); в настоящем времени у Караджича *дȁjем* = русскому *даю* и *дāјēм*, *пȍзнāјēм* (из основного *знāјēм*), формы, отклоняющиеся от русского таким же образом, как *пȉјēм*, *кȕјēм* от *пью*, *кую*.

Глаголы с характером *-н-* (IV разряд)

Многочисленные в русском глаголы этого разряда с ударением на характере в обеих формах относительно ударения совпадают с сербскими только в неопределенной форме (*дȁхнути*, *зéвнути*), в настоящем времени в сербском на корне ˵ или ˆ (*дȁхнēм*, *зêвнēм*).

В болгарском (например, у Бессонова, Главные вопросы языка новоболгарского, и Цанковых) вовсе не встречается ударения на характере: *обръснѫ*, *пристéгнѫ*, *помéтнѫ*, *върнѫ*, *вóднѫ*, *пúснѫ* (Цанковы), *пúйнѫ* (*пи-*), *ръзнѫ*, *пúс*(*к*)*нѫ* и пр., *глътнѫ*, *грúзнѫ* — однако *минѫ́* (Цанковы minŭ), может быть, потому, что и считается коренной (ср. малорусское *минáти*).

Глаголы с характером $\frac{-и-}{-ѣ-}$ (V, 1)

За исключением 5 и 6, все глаголы этого характера имеют в обеих рассматриваемых здесь формах ударение на характере, кроме 1-го и 2-го лица множественного числа в малорусских, в коих правильно переносится ударение на окончание. В штокавском этому соответствует ˋ или ˊ на слоге, предшествующем русскому ударяемому: штокавское *вèљу* (= *велю*) и *вèлūм — велúмо — велúте*, *клèчūм — клечúмо—клечúте*; *клечúм — клечúш — клечú*, *клечимȍ — клечитѐ—клечѐ* (M a ž u r a n i ć, Slovnica hèrvatska, 76) = *велѝм —*

велйш — велй, велимо̀ — велитѐ — велѐ; и ̑ в формах односложных, где штокавское совпадает с чакавским: *спи̑м — спи́мо — спи́те.*

Так, в сербском *бо̀јати се — бо̀јӣм се*; *бо̀лети — бо̀лӣ, ба̀здјети* (бздеть), *вѐљу* и *вѐлӣм* (неопределенная форма *вѐљети*, *бзѐжати* — неупотребительна), *го̀рјети*, *гр̀мљети* = *гр̀мјети*, *лѐжати*, *лѐтјети*, *сјѐдити* (*сјѐдӣм*), *стајати* (*сто̀јӣм* = русскому *стою́ — стоя́ть*), *тр̀чати*, *бре́чати* («Пушке бре́че, а јунаци је́че»), *бу́чати*, *ври́штати* (верещать), *вр̀тјети*, *вра́чати*, *гле́дӣм* (но неопределенная форма *гле̏дати* — по другому спряжению); *гу́дјети*, *је́чати*, *кле́чати*, *ки́пљети*, *кри́чати*, *му́чати* (молчать), *пи́штати*, *пр̀дјети*, *св̀рбјети — св̀рбӣ*, *смр̀дјети*, *тр̀пљети* = *тр̀пјети* и др.

С этим ср. соответствующие им великорусские, а также малорусские: *брязча́ти*, *брюзжа́ть*, *визжа́ть* (малорусское *вища́ти*), *дрожа́ть* (малорусское *дрижа́ти*), *звене́ть* (малорусское *звені́ти*), *звуча́ть*, *зреть* (малорусское *вз-д-рі́ти*, *зуздрі́ти*), *журча́ть*, малорусское *ляща́ти*, *мчать*, *свисте́ть*, *скорбе́ть*, *сопе́ть*, *шуме́ть* и др., а также четырехсложные в неопределенной форме, как малорусские *гуркоті́ти*, *туркоті́ти* и т. п.

В болгарском *бож сѫ*, *горѭ* (Цанковы gorë), *гръмѭ* (grùmë) — 3-е лицо *гръми́*, *лежѭ* (ležë), *летѭ* (letë), *сѣдѭ* (sedë), *стоѭ* (stojé) = 3-е лицо *стои́* (stojí), *вртѭ* (vrùtë), *дръжѭ* (drùžë), *кипѭ* (kipë), *млъчѭ* (mlùčë), *пиштѭ* (pištë), *сръби́* (= *сврьби*), *смърдѭ* (smrùdë), *тръпѭ* (trùpë).

Сюда относится в сербском языке множественное число настоящего времени от *хотеть* (сербское *хо̀тјети* = *хтје̏ти*), в русском *хоти́м — хоти́те — хотя́т*, а в некоторых областных великорусских наречиях и единственное число *хочу́ — хоти́шь — хоти́т.*

В малорусском, по крайней мере в украинском, некоторые глаголы, имеющие правильное ударение на характере в беспредложном виде, по сложении с предлогами получают постоянное ударение на корне не только в двух рассматриваемых формах (настоящем времени и неопределенной), но и во всех остальных: *гляжу́* и пр., но *угле́жу*, *огле́діться*, *угле́дять*, *загле́діти* (*вгле́дів*, *загле́діло* око, *загле́дівши*); *лежу́* и пр., *поле́жу*, *не вле́жу*, *поле́жати* (*поле́ж*, *поле́жав*, *поле́жавши*); *мовча́ти — мовчу́*, но *помо́вчать* (3-е лицо множественного числа),

помо́вчати (неопределенная форма), *помо́вч*, *помо́вчав*, *замо́вчав*; *сиді́ти* и *се́діти*, *сижу́*, но *не всі́жу*, *досі́жу*, *не всі́диш*, *посі́жу*, *не всі́дять*, *не всі́діти* (*посі́дь*, *посі́дімо*); *стою́* — *стоя́ти*, но *посто́ю* (*посто́яв*, *по*(*про*)*сто́ять*).

Сюда же относится глагол *держати*, который в великорусском имеет в настоящем времени подвижное ударение (*держу́* — *де́ржишь*), но в малорусском (украинском) без предлога имеет ударение на характере (*держу́* — *держи́ш* — *держи́ть* — *держа́ть*: «Нехай своїх держа́тця слов!» — Котляревский, 266), а с предлогом, как *угле́жу*, *поде́ржу* (*поде́рж*, *приде́ржали*). Другой глагол *терпе́ть* (малорусское *терпі́ти*) и в великорусском имеет подвижное ударение: *терплю́* — *те́рпишь*; но в малорусском *поте́рпимо*, *не вте́рпимо* (*поте́рп*, *вте́рпіти*).

Рядом с этими отклонениями в малорусском можно слышать и правильные формы: *постоя́ти* и пр. Самые отклонения не находят соответствия в сербском: *полѐжати* — *полѐжӣм*, *посjѐдити* — *посjѐдӣм*, *постàjати* — *постòjӣм* и пр.

Кажется, один только глагол $\frac{\text{-и-}}{\text{-ѣ-}}$ односложный в настоящем времени — *зрю*, в церковнославянском *узрю́* — *у́зриши*, *пре́зриши* и пр.

Глаголы с характером $\frac{\text{-ѣе-}}{\text{-ѣ-}}$, после шипящих $\frac{\text{-ае-}}{\text{-а-}}$ (V, 2)

В решительном большинстве великорусских (и литературном) глаголов этого разряда ударение постоянно на характерном **-ѣ-**: *бѣлѣю* — *бѣлѣть*, *грубѣть*, *глупѣть*, *говѣть*, *потѣть*, *умѣть*, *рыжѣть*, *дюжѣть* и пр., *должа́ть*, *мельча́ть*, *ветша́ть*, *стуча́ть* и пр. Исключаются глаголы, произведенные от прилагательных на **-а́вый**, **-я́вый**, **-о́вый**, **-а́тый** (**-а́стый**, **-и́стый**, **-и́тый**) и от существительных на **-ник**, удерживающие ударение своих первообразных: *ржа́веть*, *курча́веть*, *плеши́веть*, *багро́веть* (*здорове́ть* — не составляет исключения, так как суффикс есть **-въ-**, но исключение *богатѣть*), *моше́нничать*, *у́мничать*, *я́бедничать* (Павский, Филологические наблюдения. Третье рассуждение, 38). В беспредложных глаголах то же и в малорусском: *зелені́ти*, *молоді́ти*, *багаті́ти* и пр.

Почти те же исключения, именно глаголы от прилагательных на **-а́вий**, **-я́вий** и **-и́вий**, **-а́тий**, **-о́вий**: *іржа́віти*,

кор́явіти («озиме од засухи покор́явіло»), *паршйвіти, космáтіти, патлáтіти, я́ловіти* (*я́ловий*), но *здоровíти.*

Сверх этих, сохраняют ударение первообразных глаголы, произведенные от сравнительной степени прилагательных: *лéгшати, лíпшати, гíршати, зеленíшати, веселíшати.* В *жéвріти — жéвріє* ударение первообразного слова, так как это последнее не известно.

Сербское *зàстављати* (*заставля́ть* — закладывать, отдавать в залог), *обàсипати, òпсипати* (отсыпать, обсыпать) и пр.

В болгарских глаголах с оснóвным характером $\frac{\text{-аѥ-}}{\text{-а-}}$, по настоящему времени распадающихся на два отдела, один с несокращенным характером (*игрáѭ* (= -аjъ) — *игрáѥш— игрáѥ, игрáѥме* (-мъ) — *игрáѥте — игрáѭт* (-аjът), другой — со стяженным характером -а- (*дýм-а-м — дум-á-ш — дум-á, дум-áме — дум-áте — дум-ѫ́т*(*ът*). Немногие глаголы, принадлежащие к первому отделу, имеют ударение на первом слоге характера, как и соответственные русские: *игрáѭ* (-jъ), *копáѭ, вѣнчѥ́ѭ* (пишут -ѣѭ, но здесь болгарское ѥ из основного ю, а не из ѣ), *длъбáѭ, сѣдлáѭ.*

Глаголы второго отдела почти без исключения отглагольные (с основным характером -ае- и -и- + -ае-), употребительные без предлога или только с предлогом, отличаются от большинства соответствующих русских тем, что имеют ударение на коренной гласной, приближаясь в этом отношении к ударению настоящего времени соответствующих сербских: *избúвам* (корень би), *напúвам сѧ, навúвам, налúвам, дошúвам, изгнúвам, повúвам, дáвам* (*издáвам*), *познáвам, настáвам, надѣвам сѧ* (надеюсь), *додѣвам* (досаждаю), *извѣвам, огрѣвам, натпѣвам, препѣвам, засмúвам* (осмеиваю), *добúвам* (бы), *измúвам* (мы), *закрúвам, обýвам, прочю́вам сѧ* (становлюсь известным), *начéвам* (чѧ, начинаю), *отрúвам* (трѣ=тръ, обтираю), *припáда ми* (падаю в обморок; простой глагол *пáдам*), *развáлям* (-ѣм) и простой глагол *вáлям, испрáвям* (-ѣм), *расáждам, обáждам* (вид), *изгáсчам* (-ѣм), *хвáштам* (хватаю), *дáждам, ослáждам, дúгам, родúгам* (новее), *достúгам, осѫ́ждам, отпѫ́ждам* (отгоняю), *приpѫ́чям* (-ѣм), *мѫ́штам, пýштам, истрѫ́сям* (-ѣм: корень трѫс — ausschütten, вытрушиваю), *глéдам* (*изглéдам*), *напрéгам, отпрéгам* (напрягаюсь), *сoзрéждам* (рѧд), *отя́гам* (-*тѣгам*, корень тѧг), *отрúгам*

(рыг). *распи́там* (пыт), *нави́кам, наси́итам* (сыт), *навръ́там сѧ.*

Окѫ́сам. Стѧ́гам (*стѣгам*, корень тѧг), *заклёвам* (кльн, заклет); *начёвам* (чьн, начинать).

Сѣдам, бѣгам, исцѣждам, закрѣтам, лёгам (лег), *мѣшам* (*измѣшам* и *изми́шам*, корень мѣш), *препи́чѣм* (пек), *распли́там, изми́там, излázѣм* (лъз), *изри́чѣм*; *нами́рам* (мър), *засми́вам* (-смѣ, *насмѣх*), *отси́чѣм* (сък), *обли́чѣм* — *облáчѣм* (влък). *Огáрѣм* (*изгáрам*), *отхóждам* — *отхóдам* (-ѣм) и *прохóждам*; *подрáвѣм* (подрываю, корень ров), *помáгам, замáгам, припáсам* = *припáсѣм* (пас), *провáждам* (вод), *рáждам* (род), *кáлам, искáлѣм* (кол), *тáчѣм* (ток, тóчѭ), *прáштам* (прост), *повтáрам, повáрюм, затвáрѣм, избáдам* (бод), *истáкам, истáчѣм* (вытачивать жидкость), *гáждам*; *въздúтѣм, постúлам, продúрам, извúрам* (врѣти), *пúрам* (перý, мою), *додúрам* (драть), *запúрам, умúрам, обúрам, смúгам* (мигаю), *почúтам* (*потчúтам* и *чúтам*), *подѥ́мам* (*однѥ́мам* и без предлога — *úмам*).

а) Отыскивая примету, отличающую глаголы $\frac{\text{-и-}}{\text{-и-}}$ с подвижным ударением от таких же глаголов с постоянным ударением на характере, акад. Грот замечает, что последние почти все суть «производные, т. е. составлены из имен существительных, прилагательных или числительных (*бодрúть, воднúть, вощúть, гнойть* и пр.), тогда как глаголы с подвижным ударением по большей части первообразные, т. е. образованы хотя и не прямо от корня, но и не от слова — другой части речи». «Есть исключения и в том и в другом случае, например, в первом случае *долбúть, дойть*, а во втором *женúть, сердúть, застрелúть*. Впрочем, между глаголами с безусловно-подвижным ударением очень редки глаголы производные; едва ли можно найти тому другие примеры, кроме сейчас приведенных. Итак, глаголы с подвижным ударением почти все— первообразные. Напротив, между глаголами с постоянным ударением на конце — первообразных очень мало: *родúть, решúть, вратúть, коптúть, кройть, сулúть* — вот чуть ли и не все они» [1].

По нашему взгляду и терминологии, глаголы с характером -и- все производные, т. е. или отыменные (сюда же и немногие — от местоимений) или отглагольные, предпо-

[1] Я. К. Грот, О глаголах с подвижным ударением, стр. 342—343.

лагающие корень в форме более простого глагола. В глаголах характера $\frac{\text{-и-}}{\text{-и-}}$ во многих случаях невозможно определить границу между теми и другими по форме, так как то усиление корня, которое свойственно разряду $\frac{\text{-и-}}{\text{-и-}}$, образует и существительные, и прилагательные с суффиксами **ъ**, **а**, **о** (*вез* — *воз* — *возить* и пр.). Иногда и значение глагола не решает вопроса о том, есть ли он отглагольный или отыменный. Оставляя такие случаи в стороне, мы находим в числе глаголов с одним подвижным ударением больше отыменных, чем у Грота: *дразни́ть* (с именным суффиксом **-н-**), *пособи́ть* (местоименный корень с падежным суффиксом), *суди́ть* (суд), *шути́ть* (шут), *служи́ть* (нет корня **слуг-**, а есть существительное *слу-га*), *лечи́ть*, *беси́ть*. Таким образом, не считая нескольких других, коих отыменность нужно было бы пространнее доказывать, на сорок семь глаголов с одним подвижным ударением находим десять явно отыменных. В числе глаголов с двояким ударением — отыменны: *дари́ть*, *крести́ть*, *клеи́ть*, *щени́ться*, *божи́ться*, *коси́ть* (коса), *труби́ть*, *кружи́ть*, *бели́ть*, *гнезди́ться*, *резви́ться*, *дели́ть*, *лени́ться*, *ме́рить*,— т. е. четырнадцать, не считая тех, относительно коих могут быть возбуждены сомнения, требующие опровержения. Мне кажется, приведенные отклонения значительно уменьшают верность замечания, что глаголы с подвижным ударением по б о л ь ш е й части первообразны (т. е. отглагольны). Что до второго наблюдения, что глаголы с ударением на характере — отыменные, то оно кажется более верным. Из исключений, приводимых акад. Гротом, остаются покамест верными только два (*не́жить*, *сули́ть*); *роди́ть* и *крои́ть* имеют и подвижное ударение (в малорусском); *копти́ть* — явно отыменное (копоть) и притом имеет в малорусском подвижное ударение. Относительно *вратить*, что все принятые в литературном языке церковнославянские глаголы, имеющие при себе русские полногласные (*врати́ть*, *влачи́ть*, *млати́ть*, *храни́ть*, *гради́ть*, *злати́ть*, *треби́ть*, *крати́ть*), независимо от своей отыменности или отглагольности, имеют в русском постоянное ударение на характере вовсе не потому (как предполагает г. Грот), что старославянскому чужда подвижность ударения. Положительно известно, что подвижность ударе-

ния в смысле отличия ударения первой темы от ударения второй свойственна этим глаголам в сербском, откуда с полной вероятностью следует, что она принадлежала им в старославянском. Дело в том, что русский язык заимствовал эти глаголы не из живой речи, а из книг, и не справляясь (да и справляться было негде), как они произносились, подчинил их своим условиям, по которым во вновь входящих (в историческое время) в язык глаголах $\frac{\text{-и-}}{\text{-и-}}$ ударение должно быть постоянное (на корне, именном суффиксе или глагольном характере). По крайней мере, мне не встречалось новопроизводных глаголов $\frac{\text{-и-}}{\text{-и-}}$ с подвижным ударением. Можно сказать, что вообще подвижность ударения в русском изменяемом слове есть признак его туземности и древности; нельзя сказать, что все изменяющиеся слова с неподвижным ударением — новы; но и новые входят в этот последний разряд в силу общего всем арийским языкам стремления к неподвижности ударения.

Ударение простого глагола в великорусском всегда, а в малорусском во многих случаях сохраняется и по соединении его с предлогом. Так, в малорусском *позеленіє*, *повеселіє*, *поніміють*, *зрадіє*, *здурів*, *повечеріє*, *поздоровішає*, *поліпшає*, *погіршає*, *хмарки порідчають*. Но в малорусском в отличие от великорусского и литературного некоторые глаголы с ударением на характере по соединении с предлогом получают ударение на корне: *постáрітись* («пристáрівшись» — Кулиш, I, 318), *посúніти* («ще й дерево не посúніло» — ibid.), *потéпліти* (*потéпліло*), *стéмнітись* (*стéмнілось*), *розвúднітись* (*розвúднілось*), *відсúріти* (*шпички відсúріли*), *забагáтіти* («забагáтів» — Кулиш, II, 44); *усе*, *таки*, *побагáтіло*; *зледáщіти* (*зледáщів*), *зачéрствів хліб*, *одýжати*, *занедýжати* (впрочем, простой глагол *дужáти* не известен, скорее — *дýжати*, как *жéвріти*); *пронúдіти* («Він годів зо два там просúдів, А мабуть, би і більш пронúдів»—Котляревский, 18).

Вообще примеров этого передвижения акцента мало; большой последовательности здесь ожидать нельзя. Ср., например, *стéмнілось* и *посуте*(*м*)*ніло*.

Для сравнения обеих рассматриваемых форм характера $\frac{\text{-ѣ-}}{\text{-ѣ-}}$ с сербскими имеется только один глагол (*ỳмjети — ỳмиjе̄м* = русскому), вполне соответствующий русскому, и один, немного отклоняющийся в настоящем времени (*угòвети — угòве̄м* из *угòвеjе̄м*).

Во всех остальных русских глаголах характеру $\frac{\text{-ѣ-}}{\text{-ѣ-}}$ = =сербский $\frac{\text{-и-}}{\text{-ѣ-}}$, и, стало быть, можно сравнивать только неопределенное наклонение. Сравнение это доказывает древность господствующего русского ударения на -ѣ- в неопределенной форме: ср. *обудòвjети, плàвjети* (половеть), *поску́пjети, слиjѐпjети, ниjѐмjети, блиjѐдjети, зару́дjети, полу́дjети, сиjѐдjети* (nesco), *жу́тjети, опу́стjети, осирòтjети, биjѐљети, огòљети, одòљети, бjѐшњети, глàдњети, жѐдњети, зелѐњети, поплавѐтњети, порумѐњети, поцрвѐњети, поцр̏њети, тàмњети, хлàдњети.*

Этими глаголами не оправдывается перенос ударения на корень в малорусских предложных; встретилось только два сербских глагола, в коих несмотря на русское ударение на корне, стоит ``: *ста̏рети* и *мље̏ти* (из *ми̏љети*), что было бы в малорусском *постáріти.* В настоящем времени приведенные выше сербские глаголы *ста̏рӣм, ме̏ље̄м* имеют то же ударение, что в неопределенной форме, но предложные с подвижным ударением: *брòдити — брòдӣм*, но *пребрòдити — прѐбродӣм*, что предполагает простой глагол *брóдити. Тòпити — тòпӣм* (liquefacio, inundo), но *затòпити — зàтопӣм тру́бити — тру́бӣм* (и предложный *затру́бити — затру́бӣм*), *ту́жити — ту́жӣм* (и предложный *проту́жити — проту́жӣм*), *ту́љити се —* [*ту̑*]*љӣм се* (sich geniren). Как в последнем случае на основании русского мы заключаем, что *брòдити — бро̏дӣм* древнее, чем *брòдӣм*, так и в первом, быть может, на основании сербского предложного *пòкорим*, следует полагать, что более древнее сербское ударение есть *ко̏рим*, а не *кòрим* и что в русском было некогда *кóрить*, а не *кори́ть.*

В болгарском ударение на характере: *поѭ — пойи́ш* (сербское *пòjити — пòjӣм*), *чинѭ — чини́ш* (сербское *чѝнити — чѝнӣм*), *зобѭ* (zobë) — *зоби́ш* (*зòбити — зòбӣм* — кормить зерном, например, коня), *веселѭ́ — весели́ш* (сербское *весѐлити — весѐлӣм*), *дарѭ* (darë), *закачѭ* (повешу),

годѣж (godě verloben), *гостѣж* (gostě), *корѣж* (korě), *роѣж сѧ*, *врѣштѣж* (vrŭště — кричу), *дробѣж* (drobě) (сербское *дрòбити — дрòбӣм*), *кротѣж* (krotě — укрощаю), *кръшѣж* (krŭšě — крошу, сербское *крóшити — крóшӣм*).

б) В сербском уже в беспредложном глаголе ударение ˋ или ˊ на корне в неопределенной форме и ˵ или ˆ в настоящем времени: *прòстити — прȍстӣм*, *лúшити — лȋшӣм*, *смúрити — смȋрӣм*, *гњéвити — гњȇвӣм*, *гњéчити — гњȇчӣм* (*давить*, *месить*, ср. с другим значением архаическим: *гнетить*), *биjèдити — бȉjедӣм* (*побиjèдити — пòбиjедӣм*, победить), *гриjèшити — грȉjешӣм*, *крéсити се—крȇсӣм се* (лететь вверх—об искрах, но одного происхождения с *воскресúть*); *блáжити — блȃжӣм* (блажить, ублажать); *стрáжити — стрȃжӣм* (сторожить); *плиjèнити — плȉjенӣм* (полонить), *триjèбити — трȉjебӣм* (теребить); *прáшити — прȃшӣм* (запорошить).

в) В немногих случаях ˵ на корне: *дȉмити* (дымить). В болгарском *дымѧ̀* (dymě).

Болгарское *простѣж* (prostě), *смирѣж* (smirě), *гне(ѣ)вѣж* (gnevě), *блажѣж* (blažě = ем скоромное) отличается от русского *трéбѣж* (bereinigen).

Глаголы с характером $\frac{-ае-}{-а-}$ (V, 4, а и б)

В первой теме ударение на первом слоге характера. Сюда принадлежит решительное большинство глаголов этого характера.

а) Глаголы, употребительные и без предлога — частью первой схемы (большею частью отыменные), частью второй схемы: малорусское *бажáти*; *бросáть*, *бывáть*, *гонять* (малорусское *ганяти*), *жадáти* (старинное русское и малорусское), *жахáти* (малорусское), *игрáть*, *карáть*, *катáть*, *копáть*, *кусáть*, *ломáть*, *лупáть* (малорусское *лупáти*), малорусское *лягáти*, *махáть*, *мигáть*, *менять*, *мешáть*, малорусское *пам'ятáти*, *пинáть*, *питáть*, *полохáти* (малорусское), *прохáти* (малорусское; старинное *прашáти*), *прощáть*, *пытáть*, *ронять*, *светáть*, *скитáться*, *сморкáть*, *страдáть*, *стрелять*, *ступáть*, *седлáть*, *тягáти* (малорусское), *уздáть*, *хапáти* (малорусское), *хватáть*, *хлебáть*, *чвалáти* (малорусское), *чихáть*, *чухрáти* (малорусское), *шибáть*, *щипáть* и др.

б) Отглагольные предложные второй и третьей степени с простым характером $\frac{\text{-ае-}}{\text{-а-}}$ и сложные $\frac{\text{-а-} + \text{-ае-}}{\text{-а-} + \text{-а-}}$.

в) Отглагольные предложные с характером $\frac{\text{-ѣ-} — \text{-ае-}}{\text{-ѣ-} — \text{-а-}}$ *одолѣва̂ть, раскаява̂ться.*

В сербском очень немного глаголов с ударением, соответствующим русскому в обеих темах. Большею частью соответствие есть только в неопределенной форме, но и здесь много исключений:

а) Лишь немногие беспредложные глаголы имеют ` в обеих формах на слоге, предшествующем характеру, и равны русским глаголам с неподвижным ударением на характере: *бра̀нати — бра̀на̄м* (бороновать), *бри̏вати — бри̏ва̄м* (= *бри̏јати — бри̏јѐм*), *бу̏јати — бу́ја̄м*; *во̀њати— во̀ња̄м* (нюхать, пахнуть), *ко̀пати — ко̀па̄м*; *ра̀внати — ра̀вна̄м, си̏јати — си̏ја̄м* (сия́ть; *си̏јати — си̏јѐм = се́ять*), *чи̏тати — чи̏та̄м, сѐдлати — сѐдла̄м, у̏здати — у̏зда̄м* (узда́ть), *вели̏чати — вели̏ча̄м, гребѐнати — гребѐна̄м*; *рабо̀тати — рабо̀та̄м* (великорусское областное *работа́ть*) и некоторые др.

И по соединении с предлогами удерживают то же ударение: *доко̀па̄м се, пора̀вна̄м се, прочи̏та̄м, осѐдла̄м, заӯзда̄м.* В других глаголах в сербском чередуются ударения на слогах, предшествующих характеру: ′ в неопределенной форме и ̏ в настоящем времени; ′ в неопределенной форме и ^ в настоящем времени: *и̏грати — и̏гра̄м* (один пример); *би́вати — би̂ва̄м* (бывать), *ва́љати — ва̂ља̄м, ви́ђати — ви̂ђа̄м* (вида́ть), *ви́јати — ви̂ја̄м* (догонять, крутить головою: корень **ви**), *вијѐтати — ви̏јета̄м* (обещать), *вијѐћати — ви̏јећа̄м* (рассуждать, обсуждать); *во́дати — во̂да̄м* (многократное от *води́ть*), *во́зати — во̂за̄м, вла́дати — вла̂да̄м*; *вр́зати се — вр̂за̄м се* («врза се око куће» — толчется), *га́ђати — га̂ђа̄м* («ђе очи гађају — достигают, направляются — ту и памет»), *га́њати се — га̂ња̄м се* (гоняться друг за другом), *га́њати — га̂ња̄м* (преследовать кого), *ги́бати — ги̂ба̄м, го́нати — го̂на̄м* (преследовать), *гр́бати се — гр̂ба̄м се* (горбиться, кланяться), *ди́рати — ди̂ра̄м* (трогать), *ка́рати — ка̂ра̄м* (ругать), *ку́сати — ку̂са̄м, лу́пати — лу̂па̄м* (стучать, бить), *мијѐњати — ми̏јења̄м, мијѐшати—ми̏јеша̄м, но́сити—но̂сӣм, пи́тати—пи̂та̄м* (пытать — в значении «спрашивать»), *пра́штати се — пра̂ш-*

тāм се, пу̏штати — пу̑штāм, ра́ђати — ра̑ђам, ски́тати се — ски̑тāм се; стра́дати — стра̑дāм, стријѐљати — стри̏јељāм, сту́пати — сту̑пāм, шти́пати — шти̑пāм и др.

Есть случаи совершенного несоответствия русского ударения сербскому, — именно когда в сербском ̏ на корне, а в русском постоянное ударение на характере: *пи̏тати* (*пита́ть*), *сjȅдати*, *хва̏тати*, *ши̏бати* (сечь розгами: «куд то шиба» — метить).

б) Глаголы $\frac{\text{-ае-}}{\text{-а-}}$ и $\frac{\text{-и-} + \text{-ае-}}{\text{-и-} + \text{-а-}}$, в сербском употребительные толко с предлогом, имеют в корне или долгую гласную или короткую с более тяжким ударением. В первых в неопределенной форме долгая гласная имеет ударение ́, в настоящем времени ̀, с русским согласны только формы неопределенного наклонения: *разгри́зати — ра̀згрӣзāм, отре́сати — о̀трēсāм, оме́тати се — о̀мēтāм се, натпре́дати — на̀тпрēдāм, отки́дати — о̀ткӣдāм* (*ски́дати*, но простой глагол *ки̏дати*), *нагријѐбати — на̀гријебāм, заба́дати — за̀бāдāм, дона́шати — до̀нāшāм, иска́лати — ѝскāлāм* (и простой *ка́лати — ка̑лāм*, пластать рыбу), *изма́лати — ѝзмāлāм* (домалывать) (= *изми́лати — ѝзмӣлāм, на́бра́јати — на̀брāјāм* (*бро̀јити*), *обна́вљати — о̀бнāвљāм, отпа́штати — о̀тпāштāм* (настоящее время), *нади́мати се — на̀дӣмāм се, нази́вати — на̀зӣвāм, оби́рати — о̀бӣрāм, натпијѐвати — на̀тпијевāм, наши́вати — на̀шӣвāм, обу́вати — о̀бӯвāм, натпи́јати — на̀тпӣјāм, обави́јати* (*оби́јати*) — *оба̀вијāм* (*о̀бӣјāм*), *поби́јати — по̀бӣјāм* и пр.

Все эти глаголы имеют одинаковое ударение с многочисленными сербскими же глаголами характера $\frac{\text{-je-}}{\text{-а-}}$, равными им по значению: ср. *дона́шати — до̀нāшāм* с *пома́гати — по̀мāжēм*. Везде ударение настоящего времени переходит на предлог в виде ̀.

Сербские, имеющие в обеих формах более тяжкое ударение на корне (= ̀ на предлоге) вполне несогласны с русским. Приводим здесь примеры такого разногласия как из глаголов $\frac{\text{-ае-}}{\text{-а-}}$, так и из $\frac{\text{-je-}}{\text{-а-}}$, так как по ударению они в сербском сходны: *за̀слањати — за̀слањāм, ѝзбављати — избављāм, у̀мирати — у̀мирēм, на̀дирати — на̀дирēм* (наддира́ть), *за̀пирати — за̀пирēм* (запира́ть), *про̀стирати —*

прòстирē̄м (простилáть), *зàтирати — зàтирēм, ѝзвирати — ѝзвирē* (вода). Так, по Мажураничу, от «*брäти, прäти* (мыть) — *бѝрати, пѝрати*» (M a ž u r a n i ć, Slovnica hèrvatska, § 207, 2); у Караджича (Српски рјечник) *бѝрати*, например, *коња* — abrichten, condocefacio, но *бѝрати се — бӣрāмо се* (избирать друг друга) и отсюда: *избѝрати — ѝзбӣрāм, испѝрати — ѝспӣрāм* (мыть, вымывать), *пòчињати — пòчињēм* (начинать), но *почѝњати — пòчӣњāм* (починять, острить подковные гвозди молотом); *узѝмати — ỳзимāм* (ỳзимљēм), *нàпињати — нàпињēм* (напинать, например, шатер), *жѝмати* (по Мажураничу, § 207, 2), по Караджичу, *ижѝмати — ѝжӣмāм, сажѝмати — сàжӣмāм*, но однако, согласно с Мажураничем, — *зàжимати — зàжимāм* (*зàжимљем*), *прèжимати*; *жѝњати* (жьн. — M a ž u r a n i ć, loc. cit.). Караджич *дòжињати, дÿвати* (M a ž u r a n i ć, loc. cit.), но у Караджича *надỳвати — нàдӯвāм, пòмицати — пòмичēм* (помыкать, подвигать), *прèпјецати — прèпјечēм* (южное ......, западное *перепекать, перегонять водку*), *ỳтјецати — ỳтјечēм* (западное *тѝцати*), *зàжизати — зàжижēм, ỳздизати — ỳздижēм* (выдвигать), *ỳздисати — ỳздишēм* (вздыхать), *ỳсисати — ỳсишēм* (усыхать), *ỳстицати — ỳстичēм* (собственно вытыкать; накрывать стол), *пòшиљати — пòшиљēм* (посылать) и многие другие.

В некоторых глаголах, употребляемых и без предлога и имеющих в простом виде ударение на первом слоге, р у с с к и й я з ы к, при сложении таких слов с предлогами, о с т а в л я е т у д а р е н и е н а т о м ж е м е с т е, е с л и г л а г о л с т а н о в и т с я с о в е р ш е н н ы м, и п е р е д в и г а е т е г о н а х а р а к т е р, е с л и г л а г о л о с т а е т с я н е с о в е р ш е н н ы м: *пáдать, попáдать, нападáть*. Сербский язык такого различия не знает. В нем этого рода глагол несовершенный имеет то же ударение, что русский совершенный: *зàклањати* (= *заклонять*), *òпадати* (= *опадáть*), *зàстављати* (*заставлять* = закладывать, отдавать в залог), *одàсипати* (отсыпать), *òпсипати* (= *обсыпать*).

в) В русском (книжном) характер $\frac{\text{-ае-}}{\text{-а-}}$, присоединяясь посредством эвфонического **в** к характерам **-ѣ-** и **-а-**, постоянно принимает ударение на характере **-а-**, независимо от того, стоит ли в первообразном глаголе ударение на характере (*слабѣть — ослабѣвáть — ослабѣвáю, четáть —*

сочетава́ть) или на корне (*воссиява́ть*, *раскаява́ться*, *растаява́ть*, *отчаява́ться*). В сербском глаголы **-а-ва-**, очень немногочисленные в русском и исключительно книжные, очень многочисленны и народные. Как они, так и глаголы **-ѣ-ва-** все имеют одинаковое ударение, именно: первая характерная гласная в них продолжается и в штокавском имеет на себе в неопределенной форме ʹ, что согласно с русским (= **иjѐва-**, **-ѐва-** = **ѣва́**, **-ава́-**), а в настоящем времени должна бы иметь ⁀, но переносит это ударение на предыдущий слог в виде ʹ, что с русским не согласно и, быть может, у к а з ы в а е т, как и выше, на н о в о с т ь о б л е ч е н н о г о у д а р е н и я.

Примеры: *загориjѐвати — заго̀риjевāм* (*горе̄вам*), *одолиjѐвати — одо̀лиjевāм*, *поболиjѐвати — побо̀лиjевā ме*, *разумиjѐвати — разу̀миjевāм*, *дожњѐвати — до̀жњēвāм*; *додиjѐвати — до̀диjевāм* (К а р а џ и ћ, Српски рјечник), *вечера́вати — вечѐрāвāм*. И по этому образцу: *вjенча̀вати*, *доигра́вати*, *задржа́вати*, *закључа́вати*, *пода́вати*, *мотава́ти*, *отурава́ти*, *нарава́ти*, *лизава́ти*, *намjерива́ти*, *смиjава́ти*, *орава́ти*, *учава́ти*, *додиjава̂ти*, *мишљава́ти*, *куњава́ти*, *виjава́ти* и др.

В болгарских глаголах с характером **-ѣ-в-ае-**, **-авае-**, **-авеа-** (по-болгарски **-ѣвам**, **-авам**, **-авем**) имеют ударение на первом слоге характера: *загладъвам* (становлюсь голодным), *заговъвам*, *задлъжнъвам*, *зазеленѣвам сѧ*, *закъснѣвам*, *захладѣвам сѧ*, *изумѣвам*, *околѣвам*, *опустѣвам*, *погрознѣвам*, *разболѣвам сѧ*, *завръттѣвам*, *претръпѣвам*, *провръттѣвам*; *истъка́вам*, *свавйвам сѧ*, *окова́вам*, *присвоя́вам*, *раздлъба́вам*, *раскопа́вам*; *забѣлжя́вам*, *заваля́вам*, *заглуша́вам*, *прася́вам*, *измѣня́вам*, *изредя́вам*, *искореня́вам*, *искривла́вам*, *подновя́вам*, *преселя́вам*, *приближя́вам* (пишут **-ѣвам**).

Глаголы с характером $\frac{\textit{-yje-}}{\textit{-ова-}}$ (VI, а)

Исключаем из сравнения малорусские глаголы с этим характером, которые по значению и по ударению равны великорусским **-ыва-** и **-ива-**, а также те общеславянские, которые имеют ударение на корне. Все остальные тем отличаются от прочих, имеющих в русском ударение на характере, что в них в пределах самого характера ударение не постоянно: на первом слоге характера в настоящем вре-

мени и на втором в неопределенном наклонении $\frac{\text{-у́је-}}{\text{-ова́-}}$.

Соответствие русского ударения с сербским здесь в большей части случаев полное: *воjѐвати — вȍjуjем̄* (чакавское *воjева̏ти — воjӯjем* = русскому). Караджич (Српски рjечник) в **-уjем̄** вовсе не ставит над **у** ^, который у него после другого количественного ударения есть всегда только знак долготы, что заставляет считать это **у** кратким. То же и Даничич. Но Мажуранич пишет: *ку̏пӯjем, ку̏пӯjӯћ, купу̏jӯћи* (деепричастие) и, однако, причастие «купу̏jӯћӣ, краљу̏jӯћӣ» (§§ 171, 181). И по этому образцу: *краљѐвати* (по-русски было бы *королева́ть*), *векѐвати, гладо̀вати* (*голодова́ть*), *зимо̀вати, кумо̀вати, купо̀вати, мудро̀вати* и пр. В болгарском глаголам на **-у́ю** в русском и **-уjем** в сербском соответствуют глаголы на **-увам**, в коих от характера **-уjе-** осталось одно **у**, соединившееся посредством характера **-в-** с характером **-ае-**. С вышеприведенными сербскими и русскими глаголами сравни болгарские *гладу́вам* (голодаю), *болѣру́вам* (быть боярином), *гѫду́вам* (гуду, играю на скрипке), *жеду́вам* (жажду), *купу́вам, луду́вам* (делать глупости, быть дураком), *милу́вам, миру́вам* (быть мирным, спокойным), *препошту́вам, робу́вам* (быть рабом), *слугу́вам* (*служи́ть*; церковнославянское *править*), *страху́вам сѧ* (бояться), *сну́вам* (снюсь), *хор(а)ту́вам* (говорю, от *харата*— речь), *цару́вам, цѣлу́вам* (целую), *бабу́вам* (быть повивальной бабкой). (В Домострое, 46: «свободу да́руем»).

Образец *иду́— ити́*

Образец *иду́ — ити́* в настоящем времени без предлога слился с образцом *веду́ — вести́*. Великорусское *иду́ — идёшь, иду́т, идти́*; малорусское *йду́ — йде́ш, йдемо́ — йдете́ — йду́ть, йти́* (*іти́*). Однако и в литературном и в народном великорусском языке сохранились в нем следы подвижности ударения в настоящем времени: «Слух и́дет о твоих поступках» (Державин); «Разумный ви́дит, что к чему и́дет»; «Бог видит, кто куда и́дет» (Даль, Словарь, т. II, «идти́»). В малорусском подвижность ударения сказывается при сложении с предлогами: *піййду́ — пі́йдеш— пі́йдемо — пі́йдете — пі́йдуть; дійду́ — ді́йдеш* (*дойду́ — дойдёшь*); *найду́ — на́йдеш, ізнайду́ — ізна́йдеш; перейду́— пере́йдеш; підойду́ — підо́йдеш.*

Таким образом, основное общерусское ударение *иду́* — *идёшь* — *идём* — *иду́т*, кроме 1-го лица, остающегося под сомнением (см. выше), согласно с общесербским: *ѝдēм* — *ѝдēш* — *ѝдемо* — *ѝдете*. Отличие от третьего образца в неопределенном наклонении. Сравни *ду̏ти* = русскому *дуть* с сербским *ѝћи* = русскому *итти́*.

В болгарском (= сербскому) *и́дѫ* — *и́деш* — *и́де*, *до́дѫ* (дойду́), *оти́дѫ*. В церковнославянском (например, ...) *и́детъ*, *на́йдетъ*, *пре́йдетъ*, в Домострое, 66: «по двору йдешь».

Сербские предложные от *-ѝћи* вообще согласны с малорусским в тоническом отношении. Долгота первого слога — в *до́ћи* — *до̂ђе̄м*; *на́ћи* — *на̂ђе̄м*; *изна́ћи* — *и́зна̄ђе̄м*, *по́ћи* — *по̂ђе̄м*, *пода́ћи* — *по̀да̄ђе̄м*, — объясняется слиянием коренной гласной с гласною предлога; в *оди́ћи*, *поди́ћи* для объяснения долготы нужно предположить поглощение второй гласной предлога (ъ) коренною гласною.

Из рассматриваемого разряда под этот образец подходит только *мочь* (из *мочи́*, малорусское *могти́*), *могу́* — *мо́жешь*. В малорусском есть *могу́*, частью как архаизм, частью в силу влияния литературного языка, но обыкновенно *мо́жу*, *не мо́жу* (с ударением на корне, не в песнях только, но и в простой речи) и «не можу́» (ср.: К в. - О с н., I, 55). Именно здесь, где можно было бы ожидать случайного совпадения малорусского ударения на корне в 1-м лице настоящего времени с сербским, в сербском, в виде исключения, настоящее время имеет ударение, совершенно тождественное с русским: *мо̀гу* [1] — *мо̏жеш* (*мо̀реш*) — *мо̏же* (*мо̀ре*), *мо̀жемо* (*мо̀ремо*) — *мо̏жете* (*мо̀рете*) — *мо̏гӯ*. При *мо̀гу* есть в сербском предложные и правильные (с сербской точки) — *мо̏же̄м* (*по̀може̄м*).

Сложные с проклитическими частицами в русском и сербском соответствуют друг другу: *не мо́чь* (малорусское *не могти́*) — *не могу́*, *помо́чь* (малорусское *помогти́*) — *помогу́*, *помо́жешь* = сербскому *немо̀ћи* — *немо̀гу*, *помо̀ћи*— *по̀може̄м*, *по̀можеш*.

---

[1] *Мо̀гу* (Караджич); у Мажуранича (§ 177, 3) эти глаголы не представляют никакой особенности в ударении: *мо̏гу* (*мо̏жеш*) и т. д. В болгарском *мо́гѫ* и *мо́жѫ* (*toże*), как в малорусском *мо́жеш*.

Образец *колю — колешь, колоти (колоть); пишу — пишешь, писати*

Глаголы с корнем на *р*, *л*, с характером *-је-*

В настоящем времени ударение подвижное: *мелю́ — ме́лешь, колю́ — ко́лешь, полю́ — по́лешь; борю́сь — бо́решься; порю́ — по́решь*. Согласно с правилом, в сербском уже в 1-м лице единственного числа стоит более тяжкое ударение (*ко̏љēм, ме̏љēм*) и переходит на предлог как ̀: *са̀мељēм, за̀кољēм*.

В неопределенной форме русского **оло́** = основным **ла** и **лѣ**, а затем правильно (по образцу *бере́мя = бре̏ме*) — *моло́ти, коло́ти, поло́ти* (*боро́ти, поро́ти*) = сербским *кла̏ти, мље̏ти, пље̏ти*. Настоящее время в последнем сербском глаголе отклоняется от образца: *пли јѐвēм*.

В болгарском *ме́лѭ* (mélè), *ко́лѭ* (kólè), *бо́рѭ сѫ* (bóre sù), *по́рѭ* (póre).

Глаголы на разные согласные с характером $\frac{-je-}{-a-}$ (III, 2, б)

Примечание 1-е. Не идут в сравнение те из сербских глаголов, которые по значению = русским $\frac{\text{-aje-}}{\text{-a-}}$.

В настоящем времени ударение подвижное; в неопределенной форме — на характере **-а́-**. В сербском этим глаголам (за исключением обычной разницы в 1-м лице единственного числа настоящего времени) соответствуют образцы:

а) на односложном корне в настоящем времени ̏, в неопределенной форме ̀: *крѐсати — кре̏шēм*; б) в глаголах, относимых к двухсложным корням (т. е. корням относительным, уже образованным из их форм) в настоящем времени ударение ̀ на первом слоге корня; в неопределенной форме ударение ̀ на втором: *клопо̀тати — кло̀поћēм*, что в западном было бы *клопота̏ти — клопо̏ћем*; в) на односложном корне — в настоящем времени ̑, в неопределенной форме ́.

По образцу а) сербские (соответствий русских не выставляю): *клѐпати — кле̏пљēм, крѐсати, мѐтати, стѐњати, тѐсати, чѐсати, гло̀дати, зо̀бати, ло̀кати, о̀рати,*

тòптати; *ùскати* (*ӥштēм* — peto, quaero, но в значении «искать в голове», украинское «ськáти», глагол этот удлиняет коренной слог: *ùскати* — *ӥштēм* = *бùскати* — *бӥштēм*), *шàптати* и др.

Относящийся сюда по настоящему времени разноспрягаемый глагол *хотéть* (малорусское *хотíти*), сербское *хтjȅти*, вместе с глаголом *могý* составляет исключение из общего правила, по коему в сербском уже в 1-м лице единственного числа настоящего времени стоит то ударение, которое в русском лишь во 2-м и следующих лицах. Основное русское *хочý* — *хóчешь* — *хóчет* — *хóчем* (малорусское *хóчемо*) — *хóчете* — *хотя́т* (согласно с $\frac{\text{-и-}}{\text{-ѣ-}}$ вполне соответствуют сербскому *хòħу* — *хȍħеш* — *хȍħе* — *хȍħемо* — *хȍħете* — *хòħē* (и *хòтē*). Так Мажуранич (Slovnica hèrvatska, § 159). У Даничича — *хòħу* (и у Караджича, Српски рjечник) — *хȍħēш* — *хȍħē*, но *хòħемо* — *хòħете* (Облици српскога jезика, 114). В малорусском 1-е лицо *хóчу*.

По образцу **б**): сербские *грохòтати* — *грòхоħēм*, *клепèтати*, *клопòтати*, *клокòтати*, *лепèтати*, *топòтати*, *трепèтати* и др. *Колèбати* — *кòлебљēм* вполне соответствуют русским *колéблю* — *колебáть* с неподвижным ударением в настоящем времени, но именно эта неподвижность — неправильна: следует ожидать 1-го лица, отличного от ударения 1-го лица в сербском: *колеблю́*. Так еще в великорусском *колыхáть* — *колы́шу* (но в малорусском, кажется, *колишý*). По правилу: великорусские *бормотáть* — *бормочý* — *бормóчешь*, *клеветáть* и др., малорусские *буркотáть*, *джеркотáть*, *туркотáть* и др.

По образцу **в**): сербские *кáзати* — *кāжēм*, *мáхати*, *кáтати*, *скáкати*, *хрáмати*, *лúзати*, *нúзати*, *пúсати*, *штóпати*; *дрéмати* — *дрēмљēм* (южное *дриjèмати* — *дрӥjемљēм*), *вéзати*, *дóтити*, *стрýгати* и др.

В русском (Грот насчитывает таких глаголов несколько: *глодáть*, *вязáть*, *казáть*, *лизáть*, *низáть*, *скакáть*, *икáть*, *дремáть*, *клепáть*, *трепáть*, *щепáть*) сюда относятся: *блещý* — *блéщешь* (без соответствующей неопределенной формы), *брехáть* (*брешý*), *клохтáть* (малорусское *квоктáти*), *плясáть*, *роптáть*, *свистáть* (*свúщешь*), *стлать* (*стелю́* — *стéлешь*). Ср. *стèрати* — *стȅрēм*; *трепáть*, *хлестáть* (малорусское *хлистáти*).

Как и под **б**), здесь есть немногие глаголы, которые уже в 1-м лице единственного числа имеют то ударение, которого

следовало ожидать только во 2-м лице. Таковы два книжных глагола: *алкáть* — *áлчу* и *жадáть* (старинная русская форма), обыкновенно *жáждать* — *жáжду*. По мнению акад. Грота, сюда же относятся: *зобáть* — *зóблю*, *брехáть* — *брéшу*, *зыбáть* — *зы́блю*, *хромáть* — *хрáмлю*. Но это вряд ли справедливо, по крайней мере относительно двух первых: по свидетельству Областного словаря в Олонецкой, Новгородской, Псковской [губерниях], *зóблю* — *зóблешь*, в южнорусском и малорусском *брешý* — *брéшешь*; вместо *зыбáть* говорят *зы́бать* (см. ниже).

Глагол *полоскáть* согласен с сербским только в неопределенной форме (*плáкати*) и расходится с ним в настоящем времени: *полóщешь*, предполагает **плăчем*, но в сербском *плâчē̆м* — *плâчē̆ш*.

Глагол *слать* — *шлю*. Сербское *слȁти* — *шљȇм* или *шȁљēм* — по образцу *жȅти* — *жњȇм* — *жȁњēм* и пр. и подобно другим глаголам односложным в единственном числе настоящего времени в малорусском переносит ударение на некоторые предлоги (*одíшлеш*, *прúшлеш*; церковнославянское (новое) *пóслеши*, *пóслехъ* и т. п.); а в сербском *пòслати* — *пȍшљēм* корень *пòшаљēм* (так с на). В Домострое: «куды пóшлютъ».

Кроме сербских глаголов (этого характера $\frac{\text{-ja-}}{\text{-a-}}$) со значением русских $\frac{\text{-aja-}}{\text{-a-}}$, выше исключенных из сравнения, есть еще глаголы образца III, 2, б с постоянным ударением на корне. О них см. под 5 — *ся́ду*.

В болгарском *клéпѧ* (klépè), *тéсѧ* (tésè), *чéшѧ* (čéšè), *зóбѧ* (zóbè) — клевать зерно, отлично от *зобѧ* (характер -и- — кормить коня зерном), *лóчѧ* (lóčè), *тъпчѧ* (tupčè), *йштѧ*; *кáжѧ*, *хрóмѧ* (hrómè), *лúжѧ*, *нúжѧ* (nížè), *пúшѧ* (píšè), *штúпѧ* (štípè), *дрéмѧ* (drémè). Однако *орѧ̀* (может быть, по образцу *мру* или *берý*) и *клеветѧ̀* (klevetë).

Глаголы с характером $\frac{\textit{-не-}}{\textit{-ну-}}$ (IV разряд)

Акад. Грот насчитывает в литературном языке только шесть глаголов этого разряда с подвижным ударением в настоящем времени и ударением на корне в неопределенной форме, именно: *обманý* — *обмáнешь*, *помянý* — *помя́нешь*,

взгляну́ — взгля́нешь (но простой глагол имеет постоянное ударение на корне), *тяну́ — тя́нешь, тону́ — то́нешь, мину́ — ми́нешь* (чаще *мине́шь*).

В малорусском таких глаголов больше: *верну́ — ве́рнеш, горну́ — го́рнеш, одягну́ — одя́гнеш, пом'яну́ — пом'я́неш, полену́* (и *полину́*) — *поли́неш* (*полене́ш, плину́ — пли́неш*), *запли́неш, досягну́ — дося́гнеш, тягну́ — тя́гнеш* (*простягну́ — простя́гнеш*), *тону́ — то́неш.* Кроме этого, некоторые односложные переносят ударение на предлог: *зігну́ — зі́гнеш, замкну́ — за́мкнеш* (*замкне́ш*), *засну́ — за́снеш* (*засне́ш*).

В сербском этим глаголам соответствуют глаголы образцов: *то̀нути — то̏нēм, ми́нути — мӣнēм* и равносильных им по ударению предложных: *уто̀нути — ѝтонēм, преми́нути — прѐмӣнēм*; *вр́нути — вр́нēм* (Караџић, Српски рјечник; по Мажураничу, *вр̀нути* — Slovnica hèrvatska, 103); *гр́нути — гр́нēм* (Караджич; по Мажураничу, *гр̀нути* — ibid.), *поме́нути — по̀мēнēм, полѐтнути — по̀летнēм, досе́гнути — до̀сēгнēм, нате́гнути — на̀тēгнēм, са̏гнути — са̏гнēм, за̀мкнути — за̏мкнēм, у́снути — у̏снēм.*

Само собою, что в болгарском этот разряд глаголов с характером **-н-** вовсе не заметен, так как неопределенного наклонения вовсе нет, а в настоящем времени 1-е лицо не отличается ударением от остальных.

В церковнославянском (нового типа) *ко́снется, прико́снется.*

Болгарское наречие, подобно русскому, не различает долготы и краткости, а потому мы приводим болгарские глаголы в алфавитном порядке коренных гласных, не обращая внимания на краткость или долготу этих глаголов в сербском.

Русским глаголам с ударением на характере — в неопределенном наклонении и 1-м лице настоящего времени и на слоге, предшествующем характеру во 2-м и следующих лицах настоящего времени, соответствуют большей частью глаголы с ударением на слоге, предшествующем характеру, частью глаголы с ударением на характере.

Об ударении болгарских причастий прошедших на **-л**, которое в глаголах с характером **-и-** можно бы (вместо потерянного в болгарском неопределенного наклонения) по отношению к ударению сравнивать с русско-сербским неопределенным наклонением, мы имеем мало сведений, и потому оставляем его в стороне.

а) Болгарские: *дáвѫ*, *дрáзнѫ*, *мáмѫ* (обманываю), *пáлѫ*, *трáвѫ* (отравляю), *фáлѫ*, *фáтѫ*, *брáнѫ*, *влáчѫ*, *врáтѫ*, *плáтѫ*, *хрáнѫ*.

е: *ожéнѫ* (*ожéниш*).

и: *чи́нѫ*.

о: *вóдѫ* (*провóдѫ*), *вóзѫ*, *гóнѫ*, *на-лóжѫ*, *мóлѫ*, *нóсѫ*, *прóсѫ*, *пýстѫ*, *скóчѫ*, *тóчѫ*, *хóдѫ*, *говóрѫ* (*говóрѧть*).

у: *бýдѫ*, *гýбѫ*, *кýпѫ*, *лýпѫ сѧ* (из яйца), *пýстѫ*, *слýжѫ*, *ýчѫ*, *лю́бѫ*.

ъ: *кръмѫ*, *кръстѫ*, *кръшѫ* (и *кръшѫ*), *сърдѫ*.

ѣ: *бълѫ*, *мъсѫ*, *свътѫ* (отлично от *светѫ* — свячу), *мърѫ*, *трóбѫ*.

ѫ: *мѫ́тѫ*, *рѫ́бѫ*, *сѫ́дѫ*, *стѫ́пѫ*, *трѫ́бѫ*.

б) а: *варѫ*, *валѫ*, *дарѫ*, *гасѫ*, *кадѫ*, *платѫ*, *садѫ*, *гласѫ*, *градѫ*.

о: *звонѫ*, *косѫ*, *ловѫ*, *морѫ*, *родѫ*, *смолѫ*, *солѫ*, *доѫ*, *кроѫ*, *поѫ* (пи).

и: *кривѫ*, *мирѫ*, *пилѫ*.

у: *душѫ*, *сушѫ*.

е: *светѫ*, *редѫ*.

ѣ: *дѣлѫ*, *гнѣздѫ сѧ*, *лѣпѫ*, *мѣлѫ*, *мѣсѫ*, *цѣдѫ*.

В русском литературном, по Гроту, таких глаголов сорок с небольшим: *глодать*, *вязать*, *лизать*, *низать*, *скакать*, *икать*, *дремать*, *клепать*, *трепать*, *щепать*, *щипать*, *писать*, *плясать*, *тесать*, *чесать*, *клегтать*, *клохтать* [малорусское *квохт*], *роптать*, *топтать*, *шептать*, *дыхать*, *махать*, *пахать*, *пыхать*, *искать*, *блеск* [*блещý*, *блéщешь* — с потерянным неопределенным наклонением, так как от *блистáть* — *блистáю*, в малорусском *блищáти* перенесено влияние и во второй], *свистать*, *хлестать*; *стон* [*стонý* — *стóнешь* по 1-му лицу не принадлежит сюда; но 2-е лицо в церковнославянском *стó*(*е*)*не-ши*], **ор** [в великорусском — *орý* — *орю́* — *óрешь* отлично от *орю́* — *орéшь*], *бормотать*, *грохотать*, *клеветать*, *клокотать*, *лепетать*, *скрежетать*, *трепетать*, *хлопотать*, *хохотать*, *щебетать*, *щекотать*, *полоскать* (итого — сорок пять). Следует прибавить малорусские трехсложные в настоящем времени: *буркотáти*, *туркотáти*, *джеркотáти*, *шварготáти*.

В сербском разряд глаголов на $\frac{\text{-не-}}{\text{-ну-}}$ с характером -н- с различным ударением в настоящем времени и неопределенной форме несравненно многочисленнее, чем в русском, так как к нему принадлежат многие из имеющих в русском в обеих формах постоянное ударение на корне (ср. *ки́нути— кӣнēм, ка̀нути — ка̏нēм, бри́знути — брӣзнēм, ма̀кнути— ма̏кнēм* — с *ки́нуть* и пр.), и почти все те, которые в русском имеют постоянное ударение на характере, например, *да̀хнути — да̏хнēм, ма́хнути — ма̄хнēм, мѝгнути — мѝгнēм.*

Глаголы с характером $\frac{\text{-и-}}{\text{-ѣ-}}$ (V, 1)

Лишь очень немногие глаголы этого разряда имеют подвижное ударение, именно: в великорусском *держа́ть — держу́ — де́ржишь* (но в малорусском *держи́ш* и пр.). Великорусское и малорусское *терпе́ть* (*терпі́ти*) — *терплю́ — те́рпишь.* Великорусское *смотре́ть — смотрю́ — смо́тришь.* Акад. Грот относит сюда: *дыша́ть — дышу́ — ды́шишь* (ошибочно: *ды́шешь*); эта форма есть в великорусском и малорусском, но предполагается в неопределенном наклонении малорусское *ди́хати* (*диха́ти*) и *верте́ть — верчу́— ве́ртишь* (чаще *верти́шь.*) Этот переход не оправдывается соответствующими сербскими глаголами, в коих одно ударение в настоящем времени и неопределенном наклонении: *тр̑пjети — тр̑пӣм, др̀жати — др̀жӣм, мо̀трӣм* (неопределенное наклонение *мо̀трити*), *вр̑тети — вр̑тӣм* (так и в сложных с предлогами *по̀трӣм, задр̑жим, завр̀тим*). Между тем как на основании ударения в русском можно бы ожидать сербских: *др̏жим, вр̏тим.* Впрочем есть в сербском один глагол этого разряда с ` в неопределенном наклонении и с `` в настоящем времени: *во̀љети — во̏лӣм.*

В болгарском *дръжѫ* (drŭžĕ̀), *врътѫ* (vrátè), *тръпѫ* (trŭ̀pĕ̀).

Глаголы с характером $\frac{\text{-и-}}{\text{-и-}}$ (V, 3)

Глаголов образца *люби́ть* (= *люби́ти*)—*люблю́—лю́бишь,* т. е. с ударением на характере в неопределенной форме и с подвижным ударением в настоящем времени,—у Востокова приведено девяносто; акад. Грот находит в литературном языке сорок семь глаголов, имеющих только подвижное ударение, и пятьдесят таких, которые, кроме подвижного

ударения, имеют в настоящем времени и постоянное на характерной гласной. Так как по его счету глаголов $\frac{-и-}{-и-}$, имеющих одно только неподвижное ударение, — до двухсот, то глаголы с подвижным ударением составляют около трети общего числа глаголов с характером $\frac{-и-}{-и-}$.

При обзоре глаголов с ударением на характере $\frac{-и-}{-ѣ-}$ указаны малорусские глаголы в простом виде, имеющие такое ударение, как и в великорусском, но по сложении с предлогами получающие ударение на корне: *полёжу, постóю, придéржу, не всúжу*. Подобное явление в глаголах $\frac{-и-}{-и-}$ представляет следующую особенность: малорусские глаголы *водúти, возúти, гонúти, носúти, ходúти*, в простом виде не отличающиеся от русских (*вожý — вóзиш* и пр.), по соединении с предлогами получают двоякое ударение. А) Становясь совершенными, они сохраняют общерусское ударение простого глагола или переносят, согласно с великорусским, ударение на предлог **вú**: *перевожý, вúвожу* («перевозúти, вúвозити увесь гнiй» и пр.). Б) Оставаясь несовершенными, получают постоянное ударение на корне: (*до*) *з-вóжу з розуму* (настоящее время), *звóдити* (ср. *зводь*, «не вводь» — Метлинский, 83), *звóдячи, звóдивши, звóдив, звóдила, звóжений, вивóдити* (= великорусскому *выводúть*), *вивóжу, вивóзиш, вивóзити* (= великорусскому *вывозúть*), повелительное наклонение *вивóзь* (= великорусскому *вывозú*), *вигóню — вигóниш* (великорусское *выгоня́ю — выгоня́ешь*), *вигóнити* (великорусское *выгоня́ть*), «вигóнь» (Метлинский, 102 = *выгоня́й*); «наздогóньте» (ibid., 253) (= *догоня́йте* и малорусскому *доганя́йте*); *винóшу*, «знóшу» (ibid., 143), **ви** (**до**, **при** и пр.) *нóсити* (= великорусскому *носúть*), *знось, знóсьте*; **при** (**до**, **за**, **ви**) *хóжу* (настоящее время = великорусскому *хожý*; будущее в малорусском будет *вúхожу*), *знахóжу, знахóдити, знахóдь, знахóдьте, зiхóдьмось, знахóдив* — «хóдила» (Метлинский, 243. Однако «виходúти» — ibid., 43).

Очевидно, что здесь место ударения условлено не фонетическими причинами, как в глаголах $\frac{-и-}{-ѣ-}$ и некоторых $\frac{-и-}{-и-}$, а знамена-

тельно. Для сравнения укажу на глагол, имеющий в простом виде общерусское ударение на характерной гласной,— именно *ѣздить*. В малорусском *їздити*, становясь совершенным по соединении с предлогом, удерживает общерусское ударение: *заїжджу коня, заїздиш, заїздять, заїздити*. Но оставаясь несовершенным и соответствуя по значению великорусскому *езжáть*, переносит ударение на характер: «приїздúть він до мене» (= *приезжáет*), «уїздя́ть вони в город» (К у л и ш, II, 50 = *въезжáют*); «треба було нам переїздúть через Дніпр» (ibid., I, 250 = *переезжáть*); приїздúв («ми не довго гостили, не впорожні поприїздúли» — М е т л и н с к и й, 188: *поприезжáли*).

Взявши во внимание, что приведенным формам соответствовали бы неупотребительные формы *приїжджу́* (=*приезжáю*), я нахожу, что здесь ударение по месту знаменательно противоположно ударению в глаголах *пригонúть* и пр. От *їздить* (ударение на корне) несовершенный глагол *приїздúть* (ударение на характере). От *їжджу* — *приїжджу*; но от *гонúть* (ударение на характере) — *пригóнити*, от *гоню́* — *пригóню*.

От рассмотренного явления следует отличать незнаменательные отличия малорусского ударения от великорусского; так, некоторые глаголы, имеющие подвижное ударение в великорусском, в малорусском имеют ударение на корне: *стрéлити*, «не встрéлю» (К у л и ш, I, 284); «застрéлив» (ibid.); *застрéль, сéржусь, розсéржусь, не сéрдься, сéрдитись, скóчу, перескóчу, перескóчити, перескóч*. Ударение на корне в 1-м лице единственного числа и вообще ударения на предпоследнем слоге, не оправдываемые украинским просторечием, но встречаемые в песнях, следует приписать польскому влиянию или безразличию ударения в песнях, напр., «Ані я вас позбіраю, Ані я вас злúчу [вместо *злічу*. — *А. П.*], Ані я вас, літа мої, назад переклúчу» (К о с т о м а р о в, Песни, 262); «нехáй переїду, Ноги не замóчу; Хай люди знають, Що до дівчини хóжу» (ibid., 289); «хóдив» (рифма «шкóдив» — К у л и ш, I, 215); «не борóню» (рифма «дóню» — М е т л и н с к и й, 9); «рóню» (рифма «промóвлю» — ibid., 53); «буду пúти (bis), каплі не упу́щу» (рифма — «заплющу»).

Пятьдесят глаголов с двояким ударением: а — *садúть, садúшь* и *сáдишь* (*посáдишь*), *валúть, катúть* (*покáтишь*), *дарúть* (*подáришь*), *варúть, гасúть, травúть, манúть, тащúть*; е — *крестúть, чертúть, клеúть, щенúться*; и —

чинить; **о** — *божиться*, (*за*) *нозить*, *ложить*, *вопить*, *крошить*, *косить*, *творить*; **у** — *курить*, *турить*, *студить*, *трубить*, *блудить*, *прудить*, *удить*, *тупить*, *кружить*, *глушить*, *душить*, *сушить*, *тушить*, (*раз*)*лучáть*, (*по*)*ручить*, *сучить*; **ѣ** — *бѣлить*, *цѣдить*, *гнѣздиться*, *рѣзвиться*, *свѣтить*, *мѣсить*, *дѣлить*, *лѣниться*, *мѣнить*, *цѣнить*; **я** — *рядить*, *явить*.

Сорок семь глаголов с одним подвижным ударением: **а** — *давить*, *хвалить*, *платить*, *хватить*, *дразнить*; **е** — *сердить*, *женить*; **о** — (*по*)*собить*, *копить*, *топить*, *ловить*, *бродить*, *водить*, *ходить*, (*про*)*глотить*, *кормить*, *ломить*, *гонить*, *клонить*, (*у*)*ронить*, (*при*)*слонить*, *возить*, *просить*, *мочить*, (*на*)*скочить*, *точить*, *молить*, *скоблить*; **у** — *губить*, *рубить*, *купить*, *лупить*, *ступить*, *будить*, *судить*, *пустить*, *шутить*, *служить*, *тужить*, (*у*)*кусить*; **ю** — *любить*; **ѣ** — *лѣпить*, *лѣчить*, *цѣнить*, *бѣсить*, (*за*)*стрѣлить*.

Прибавив к глаголам с двояким ударением *городить*, *золотить*, *коротить*, *теребить* и трем глаголам *становить*, *шевелить*, *облокотиться* (семь) с подвижным ударением: *волочить*, *воротить*, *колотить*, *молотить*, *торопить*, *хоронить* (шесть), Грот упускает из виду полногласные глаголы: *голосить* — *голóсишь*, *ворожить*, *порошить* (малорусское, великорусское — *порошить*), *сорóмити* (малорусское).

Многие из пятидесяти глаголов, имеющих, по Гроту, в великорусском двоякое ударение — подвижное и постоянное на характере, в малорусском имеют только первое: *сажý* — *сáдиш* — *садити*. И по этому образцу: *вáлиш*, *кóтиш*, *вáриш*, *гáсиш*, *мáниш*, *хрéстиш* (во всех значениях, между тем, как, по Гроту, великорусское *крéстишь* = знаменаешь крестом, а *крестишь* = baptizas), *клéïш* (впрочем, кажется, и 1-е лицо *клéю*), *щéнисся*, *чиниш* (делаешь), *бóжисся*, *полóжиш*, *криши*, *кóсиш* (от *косá*) (великорусского *косишь* — косо смотришь, делаешь косым — я не встречал в малорусском), *твóриш*, *тýриш*, *блýдиш*, *стýдиш*, *дýшиш*, *сýшиш*, *тýшиш*, *лýчиш*, *зарýчиш*, *сýчиш*, *білиш*, *цідиш*, *світиш*, *місиш*, *діли*, *промінш*, *рядиш*, *горóдиш*, *золóтиш*.

Впрочем есть примеры двойственного ударения и в малорусском: *курю* — *кýриш* (люльку), но «аж курить» (К у л и ш, II, 30 — пыль идет); *морю* — *мóриш*, но «всі миряньскі знаєш лиха, Що нас без милости морять» (К о т-

ляревский, 77). Глагол *навчи́ти* подобно другим многосложным в единственном числе настоящего времени может переносить ударение на предлог (*навчу́ — на́вчиш* — «на́вчить» — Кв.-Осн., I, 13, 42), но может иметь и постоянное ударение на характере: «навчи́ш» (Метлинский, 223); «Хто мовчи́ть, той двох навчи́ть»; «навчи́ть біда коржі з салом їсти»; «навча́ть» (Кв.-Осн., I, 18). Беспредложные глаголы имеют, как и в великорусском, одно только подвижное ударение, если не сокращают начального у: *учу́ — у́чиш.*

По замечанию Грота, глаголы, имеющие двоякое ударение, в настоящем времени по присоединении местоимения **ся** принимают одно только постоянное ударение на характере. Таковы, например, *по-сади́ться, ка́тишь* и *кати́шь — покати́ться; ва́лишь* и *вали́шь — повали́ться; ку́ришь* и *кури́шь — кури́ться; кру́жишь* и *кружи́шь — кружи́ться.* Есть, однако, глаголы, которые и при **ся** имеют двоякое ударение: *ва́рится* и *вари́тся* («что в душе вари́тся»), *тру́дишься* и *труди́шься; гнѣ́здится* и *гнезди́тся, резви́тся* и *резви́тся, ле́нится* и *лени́тся.* На некоторые глаголы с одним только подвижным ударением в настоящем времени приставка **ся** не имеет влияния: *да́вишься, хва́лишься.* Наоборот, предлог содействует сохранению подвижного ударения: *са́дишь, поса́дишь* и *сади́шься; поло́жишь* и *ложи́шься, затво́ришь* и *твори́тся* (однако, несмотря на предлог, — *сотвори́ть*).

Замечания эти очень шатки и требуют дополнений и поправок. В малорусском встретилось несколько примеров двойственности ударения и при **ся**: *тру́диться,* но «Вулкан потіє і труди́ться» (Котляревский, 183); *воло́читься,* но «шматок хліба єсть, копійка волочи́ться»; *ко́титься,* но «Стрішки, орішки котя́ться; Чогось наші бояре смутя́ться» (Метлинский, 191); *тво́риться,* но «В Сицилії таке твори́ться» (Котляревский, 40).

Русскому изменчивому ударению в глаголах $\frac{\text{-и-}}{\text{-и-}}$, как и вообще, соответствует в сербском смена ˋ и ˵, ˊ и ˆ по образцам *нòсити — нȍсӣм* (чакавское *носи́ти — нȍсӣм*) и *љу̀бити — љу̏бӣм* (чакавское *љуби́ти — љу̏бӣм*), напр.:

а) По первому образцу: *кр̀стити — кр̏стӣм, ср̀дити* (так по Мажураничу, Slovnica hèrvatska; у Караджича *ср̀дити — ср̏дӣм*), *жѐнити, сѐлити* (ср. малорусское «Нехай посе́лить тут свій рід» — Котляревский, 279);

тѐлити се (малорусское 3-е лицо *отéлиться*) — *тѐлӣ се*; *штѐнити, чѝнити, вòдити, вòзити, гòнити, кòсити, лòвити, мòлити, мòрити, прòсити, рòдити, скòчити, -слòнити* (*прѝслонӣм*) (из *слȍним*), *тòмити, тòпити, хòдити, пу̏стити, у̏чити* и др. Некоторые из таких глаголов у Караджича имеют в настоящем времени то же ударение, что и в неопределенной форме, что предполагает основное ̀ и вместе русское постоянное ударение и на характере: *бòжити, брòдити, звòнити, клòнити се, крòпити, лòжити, лòмити, мòчити, тòпити, плòдити се, твòрити, тòчити, дòјити, прòјати, пòјити, гу̏бити.*

Это следует считать или за неточность Караджича, или за диалектическую особенность: а) потому что в русском подвижное ударение, а между тем русский язык более склонен переходить от подвижного ударения к постоянному, чем наоборот; б) потому что некоторые из этих глаголов, по Мажураничу, вполне подходят под образец *нòсити — нȍсӣм, гòнити — гȍнӣм, лòмити — лȍмӣм, мòчити — мȍчӣм*; в) потому что, по свидетельству Караджича, глаголы эти, по сложении с предлогами, получают в настоящем времени ударение ̀ на предлоге (*пòложӣм*), что предполагает ударение простого глагола *лȍжӣм, завòнити — зàвонӣм* (и *завòнӣм*), *пребрòдити — прѐбродим, поклòнити — пòклонӣм, покрòпити — пòкропӣм, полòжити — пòложӣм, полòмити — пòломӣм, помòчити — пòмочӣм, изрòнити — ѝзронӣм, отвòрити — òтворӣм, натòчити — нàточӣм, подòјити — пòдојӣм, покрòјити — пòкројӣм, напòјити — нàпојӣм, погу̏бити — пòгубӣм.*

б) По второму образцу: *кр̂мити, вáрити, гáсити, дáвити, кáдити, мáмити* (манить), *пáлити, плáтити, сáдити, трáвити* (кормить), *хвáлити, јáвити, мúрити, пúлити* (*пúлишь* и *пилúшь*), *дúвити се — дӣвӣм се* (*дивúться*; *малорусское дúвисся* — в обоих значениях: *смотреть* и *дивиться*), *блу́дити, бу́дити, ду́рити се, ду́шити, жу́рити се* (отличное по значению, но не по корню от малорусского *жу́рисся*), *ку́пити — ку̏пӣм* (*покупать*, отлично от *ку̏пити — ку̏пӣм, собирать*), *ку́сати, лу́чити, љу́бити, му́тити, ру́бити, слу́жити, сму́тити, сту́пити, су́дити, су́шити, тру́дити, ту́жити, ту́шити* (но *лу̏пити, ту̏рити*); *рéдити, свéтити, бéлити — бе̄лӣм, бије̏лити — бӣјелӣм, дије̏лити, гниј̏ездити, лије̏нити се, лије̏пити, лије̏чити, мије̏нити се, мије̏сити, свије̏тлити, застрије̏лити* (*зàстријелӣм*), *цвије̏лити* (*цвéлить* и *цвелúть*), *цијѐдити, цијѐнити.*

В сербском сюда вполне подходят глаголы, имеющие в русском полногласие, но с русским эти глаголы согласны только в неопределенной форме (*бра́нити — борони́ть*); настоящее время *бра̑нӣм* должно бы соответствовать русскому ударению на первом слоге полногласия, действительно же существующее русское ударение (*боро́ним*) по правилу предполагает несуществующее в сербском ударение *бра̏ним*. Таковы в сербском: *бра́нити — бра̑нӣм, вла́чити, вра́нити* (чернить), *вра́тити, гла́сити, гра́дити, зла́тити, кра́сити, мла́дити* (молодить), *мла́тити, сла́дити* (солодить), *хла́дити* («нахоло́диш хату» и «нахолоди́ш»), *хра́нити*. От сербских *мра́чити се* и *сра́мити се* и *пла̏шити* отклоняются и в неопределенной форме русские *моро́чить* (в переносном смысле; но согласно с сербским книжное *мрачи́ть*), *соро́миться* (но согласно с сербским *срами́ться*) и *полоши́ть*.

Вообще в сербском несравненно больше глаголов с различными ударениями в настоящем времени и неопределенной форме, чем в русском глаголов с подвижным ударением. Одних глаголов образца *ва́рити — ва̑рӣм* насчитывают в сербском до полутораста (см. о глаголах характера $\frac{\text{-и-}}{\text{-и-}}$ с постоянным ударением на характере).

Впрочем и в русском, не ограничиваясь одним литературным языком, можно найти гораздо более глаголов с подвижным ударением, чем сколько их у акад. Грота. Ср., например, малорусские: *борю́ — бо́реш, шлю́ — шле́ш, лічу́ — лі́чиш* (считаешь), *роблю́ — ро́биш* (севернорусское *ро́бить* — с постоянным ударением на корне), *спиню́* (спинюсь) — *спи́ниш, смалю́ — сма́лиш, становлю́ — стано́виш, садовлю́ — садо́виш, встромлю́ — встро́миш, вхоплю́— вхо́пиш* и др.

Как русским глаголам с двояким ударением соответствуют в малорусском большей частью глаголы с одним подвижным, так и при некоторых великорусских с постоянным ударением стоят малорусские с подвижным. Таковы малорусские *говори́ти — говорю́ — гово́риш, угоди́ти — угожу́ — уго́диш* («Вам хоч голову пробий, то не вго́диш» — Кулиш, I, 146); «уго́димо» (Кв.-Осн., II, 4); *то́впдюсь — то́впишся* («До риби то́впляться миряне» — Котляревский, 82), однако и в неопределенном наклонении *дото́впитись, прото́впитись* малорусское ударение оправдывается сербским: *гово̀рити — го̀ворӣм* (Кара-

Ч ж и ћ, Српски рјечник; у Мажуранича *говорӣм*, *угòдити* — *ỳгодӣм*). Лишь изредка в сербском встречается постоянное ударение на корне там, где в русском изменчивое, как, например, в сербском *лу̏пити*, *ту̏рити*, *хва̏тити*.

Образец. Ударение в обеих формах постоянно на корне

Глаголы с корнем на согласную (II, 1, а)

Красть (малорусское *крáсти*) — *крáду*, сербское *кра̏сти* (но отлично от русского в настоящем времени *крáдēм*), *лезть* (малорусское *лíзти*) — *лéзу*, сербское *љѐсти* — *љѐзēм* (*ỳљести* — *ỳљезēм*), *сесть* (малорусское *сíсти*) — *сяду*, сербское *сје̏сти* — *сје̏дēм*; *бу́ду*, сербское *бу̏дēм*, *ѝдēм* (оба без соответствия неопределенной формы).

Болгарское *крадѫ* (sic, у Цанковых kradè и kráde), но что может значить здесь конечное е, обыкновенно = ѫ, — не знаю.

В сербском сюда *срѐсти* — *срѐтēм* (и по другому разряду *срѐтнēм*) и сложные того же корня *су̏срести* — *су̏сретēм*, *ȍбрести* (Д а н и ч и ћ, Облици српскога језика, 67). В малорусском согласно с этим неопределенная форма *зустріти*, но настоящее время только с -н- (*зустріну* = *су̏сретнēм*), а литературное *обрестú* — *обретý* — по первому образцу, как *вестú* — *ведý*. *Лечь* — *лягу* и в русском и в сербском отклоняется от этого образца по ударению неопределенной формы; так великорусское *лечь* из *лечú* = *лèћи* = малорусскому *лягтú* (из *легтú*), как печь = сербскому *пèћи* = малорусскому *пектú*. Настоящее время как *сяду*: *лягу*, малорусское *ляжу*, сербское *лѐжēм*.

Болгарское *знáѭ*, *гръѭ*, *смъѭ*, *зпъѭ*, *обу́ѭ*, *вúѭ* (вою), *прúѭ*, *мúѭ*(*м*)*ою*).

Глаголы с корнем на гласные *а*, *ѣ*, *и*, *у*, *ы* (III, 1, а)

Знáю, сербское *зна̂м* (*нéзнам* — M a ž u r a n i ć, Slovnica hèrvatska, § 51) из *зна̏јем*; *грѣю*, сербское *гри̏јēм* (при *гри̏јати*); *дѣю*, малорусское *дíю* (при *дѣять*); *зрѣю*; сербское *зре̂м* (из **зрѐјем*), *зри̂м* (из **зри̏јем* при *зрѐти*); *мрѣю*, *прѣю*, *смѣю*, сербское *сми̏јем*; *спѣю*; *дýю*, сербское *ду̏јēм*, *обýю* (в сербском отлично по ударению *ȍбујēм*), *чýю*, сербское *чу̏јēм*; *вóю*, малорусское *вúю*; *крóю*, малорусское *крúю*,

сербское *крӣјēм*; *мóю*, малорусское *мúю*, сербское *мӣјēм*; *нóю*, малорусское *нúю*; *рóю — рúю*, сербское *рӣјēм*. Сюда сербское *шӣјēм* (шйти); русское *бре́ю*, малорусское *брúю*, сербское, вероятно, *брӣјēм* (см.: Даничић, Облици српскога језика, 82 — *обрӣјēм*), *почúть* и *почúю* (в литературном).

В неопределенной форме везде в русском ударение на первом, в сербском ``: сербские *знȁти*, *зрȅти*, *смјȅти*, *дȕти*, **ȕти* (из *ȍбути*), *чȕти*, *бӣти* (быть), ..*ӣти*, *мӣти*, *пӣти*, *шӣти*.

Глаголы с корнями на а, и, ѣ и характером $\frac{-je-}{-ja-}$ (III, 2, в)

Формально [эти глаголы] отличаются от предыдущих только присутствием характера -ја- во второй теме, так что настоящее время, как *грѣю* (сербское *грӣјēм*), *вóю* (*вӣјēм*), в русском принадлежащие к предыдущему образцу (*грѣть*, *выть*), в сербском относятся сюда, так как неопределенная форма *грӣјати*, *вӣјати*, по ударению, и только немногие глаголы имеют в русском постоянное ударение на характере, чему в сербском = менее тяжкое ударение на предыдущем слоге: *блéять — блéю* (*блéјати*, но настоящее время по другому разряду — *блéјӣм*), *смеяться — смеюсь* (сербское *смѝјати се — смӣјēм се*, великорусское областное *охреять* (выздороветь) и книжное *вопиять*. В сербском сюда же *лелѐјати се*, но в русском *лелéять*.

За исключением этих, остальные по образцу: *сéю — сéешь*, *сéять* = сербским *сȇјēм — сȇјати* (южное *сӣјēм — сӣјати*). Привожу для примера только сербские формы: *бȁјати*, — *бȁјēм*, *вӣјати* (*вȅјати*, веять), *грȁјати* (граять, каркать), *грӣјати* (грáять — грàю), но *кȁјати*, *лȁјати*, *сӣјати* (сȇјати), *тȁјати*, *хȁјати* (заботиться, обращать внимание), *чȁјати*.

В болгарском: *блéѭ* (отлично от сербского и русского), *смѣѭ сѧ* (смеюсь). Болгарское *бáѭ* (лечить волшебными песнями), *вѣѭ*, *кáѭ сѧ*, *лáѭ*, *сѣѭ*, *тáѭ* (= русскому), *мáжѭ*, *кáпѭ*, *плáчѭ*, *рѣжѭ*, *сúпѭ* (сып-).

Глаголы образца III, 2 б по образцу *ма́зать — ма́жу*, сербское *ма̏зати — ма̏же̄м*

Так *ка́пать*, сербское *ка̏пати — ка̏пље̄м*; *пла́кать*, сербское *пла̏кати — пла̏че̄м*; *е́хать*, сербское *ја̏хати — ја̏ше̄м*; *ре́зать*, сербское *ре̏зати — ре̏же̄м*; *дви́гать*, ср. сербское *ди̏зати — ди̏же̄м*; *кли́кать*; *зы́бать*, сербское *зи̏бати — зи̏бље̄м*; *бры́згать* (малорусское *при́скати*), *мы́кать*, *ры́скать*, *смы́кать*, *сы́пать*, сербское *си̏пати — си̏пљем*; *хлы́пать*; *пря́тать* (но сербское *прѐтати — пре̏ће̄м*), малорусское *ди́хати — ди́ше* (но ср. *ди́хати* = *дыша́ть — ди̑ше̄м*). Малорусское *пла́вати — пла́вле*. О большинстве глаголов III, 2, б, имеющих подвижное ударение, — речь в другом месте. Акад. Грот, по недосмотру, говорит, будто в с е глаголы образца *глода́ть — гложу́ — гло́жет* имеют подвижное ударение (в «Материалах для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики русского языка и других славянских наречий», т. III, 338).

Образец. Глаголы с неподвижным ударением на корне

Глаголы с *-н-* в характере (IV разряд)

Все глаголы этого разряда имеют в русском постоянное ударение на корне, в коих некоторые формы второй темы— без характера (образец **а** и **б**), со значением исключительно почти начинательным, а также многие из имеющих **-н-** и во второй теме, частью со значением начинательным, частью с однократным. В сербском им соответствуют глаголы с постоянным более тяжким ударением на корне, как: *ве̏нути*, *ве̏знути*, *ви̏кнути* (*о̀бикнути*), *вр̏гнути* (*о̀двргнути*), *ву̏гнути*, *га̏снути*, *ги̏нути*, *глу̏хнути*, *гре̏знути*, *гр̏кнути*, *ди̏гнути*, *гру̏кнути* (М а ж у р а н и ч, Slovnica hèrvatska), *ки̏снути*, *во̀скреснути*, *ме̏кнути*, *мо̏кнути* (Мажуранич), *мр̏кнути*, *му̏кнути* (*у̀мукнути*), *мр̏знути се*, *пи̏кнути*, *сти̏гнути*, *сти̏нути се*, *тве̏рднути*. Сюда: *ста̏не̄м* (*ста̏ти*), *де̏ти* (*о̀дети*) — *дје̏не̄м*, *кли̏кнути — кли̏кне̄м* (по Мажураничу, *возкли́кнути*), *блу̏нути*, *плу̏нути*, *пљу̏нути*, *пре̏нути* (прянуть), как малорусское *бря́знуть*, *бо́втнуть*, *джe̔ркнуть* (. . . . . .), *грю́кнуть* (гром), *ля́снуть*, ...*нуть*, *ре́пнуть*, *по́рскнуть*.

Многие однократные, имеющие в русском постоянное ударение на корне или на характере, имеют в сербском изменчивое ударение, т. е. ʹ на корне неопределенной формы и ^ на корне настоящего времени, например, *кри́кнути — кр̑кнēм* (Караджич, Мажуранич), *ки́хнути* (чи́хнуть), *уса̀хнути — ȕсахнēм, пи́снути — пи̑снēм, пр́снути — пр̑снē, су́нути — су̑нēм* (ливнуть), *зије̏внути — зȉјевнēм* (зевнуть), *ма́хнути, ми́гнути* и пр. Наоборот, некоторые, имеющие в русском на характере, в сербском имеют постоянное ударение на корне: *кре̏снути*. В болгарском, как выше сказано, даже те глаголы, которые в русском имеют ударение на характере, акцентируют коренной слог. Не возможно было бы ожидать другого ударения в глаголах, соответствующих русским и сербским с ударением на корне: *га́снѫ, ди́гнѫ, дѣ̀нѫ, згѫ́с(т)нѫ, издъ̀хнѫ* (издо́хну), *ки́снѫ, мръ̀знѫ, мръ̀кне сѧ, млъ̀кнѫ, ни́кнѫ, пи́снѫ* (писк), *ста́нѫ* и пр., сербское *тȉснути.*

Глаголы с характером $\frac{-и-}{-ѣ-}$ (V, 1)

Известны только два глагола (в литературном языке) этого характера с неподвижным ударением на корне: *ви́дѣть — ви́жу* (= сербскому *вȉдјети — вȉдӣм*, болгарское *ви́дѭ, ви́сѭ*) и *слы́шать — слы́шу* (сербское *слȉшати*; но настоящее время *слȉшӣм* относится к характеру $\frac{-ae-}{-a-}$ и значит «выслу́шиваю урок», examino).

В сербском сюда *вȉсјети — вȉсӣм*, но в великорусском и малорусском *висѣ́ть — висі́ти*, великорусское *вишу́ — виси́шь*. В малорусском (украинском) единственно употребительная форма (кроме *горо́дить*) *ви́сить* (3-е лицо единственного числа), *ви́сять*, но не знаю, стоит ли при ней *ви́шу* или *вишу́*.

Глаголы с характером $\frac{-и-}{-и-}$ (V, 3)

В русском глаголы эти многочисленны, так что сосчитать их трудно. Для примера: великорусские и литературные *бро́сить, ве́сить, гре́зить, ко́нчить, спо́рить, сто́ить, тру́сить, гото́вить, поко́ить, проро́чить* и многие др.; малорусские *гу́дити* (осуждать), *ко́їти* (*делать*); «*ле́ститись*» (К в. - О с н., I, 42); *змо́витись, лу́чились, ті́шити,*

тя́мити, рибáлити, марнотрáтити и др. В болгарском: *бáвѭ, вѣсѭ, глáдѭ, грáбѭ, удáрѭ* (*у́дарѭ*); *квáсѭ* (мочу), *мрáзѭ* (ненавижу), *мѫ́чѭ, пáрѭ* (id.), *прáвѭ, прáжѭ* (in Butter...), *сúлѭ, чúстѭ, мúслѭ, мъ́рѭ*. В сербском:

а) согласно с правилом ˵ на месте русского ударения: *бȁбити—бȁбӣм, гȁдити, глȁдити, грȁбити, лȁзити, пȁрити, рȁнити* (ранить), *слȁбити, трȁтити, ȕдарити, стȁвити, бȁвити* (йзбавити), *плȁвити, прȁвити, слȁвити, квȁсити, влȁшити* (волóшить, делать вóлохом), *влȁжити, здрȁвити, мрȁзити, смрȁдити, огрȁдити* (*огорóдить* — в русских полногласных по правилу ударение на втором слоге полногласия), *мȉслити, чȉстити, мȕчити, вјȅрити* (заручать), *вјȅтрити, мјȅтити, ȕтјешити, гòтовити, грàничити* — ·ӣм и многие др.

б) отклоняются от русского и по настоящему времени и по неопределенной форме сербские глаголы с ˊ на корне в неопределенной форме и с ˆ в настоящем времени: *прибли́жити — прѝблӣжӣм — блӣжӣм* (болгарское *приближѭ* — Цанковы: priblížě), *вáбити — вâбӣм, жáрити — жâрӣм, знáчити — знâчӣм* и др. Также глаголы, как *јèздити — јèздӣм* с постоянным менее тяжким ударением на корне (болгарский = русскому *ѣздѭ*).

Глаголы с характером $\frac{-ae-}{-a-}$ (V, 4, a) и отчасти V, 4, б — именно некоторые из $\frac{-u- + -ae-}{-u- + -a-}$

Глаголов этих, сравнительно с имеющими ударение на характере, немного. Все они употребительны и без предлога и по длительности принадлежат к первой или второй степени: *бéгать*, малорусское *бóвтати* (*забóвтатись*, но великорусское *болтáть*), *ворóчать, вéдать, вéшать, дéргать, двúгать*, малорусское *дúбати, кáпать, кáшлять* малорусское *кúдати* (отлично от *кидáти*), *клáняться, ля́пать, мы́кать, пáдать, плáвать, пóлзать, пря́дать, пры́гать, плу́тать*, малорусское *пóрати* (пóратись, упóратись), *пу́гати* (о пугаче), *скóвзатись, смúкать*; *стря́пать, тя́пать, гнéваться, ду́мать, дéлать, свáтать*; малорусское *снíдати, вечéрять*; *у́жинать*; малорусское *чолóмкати*. Сюда же глаголы, образованные от частиц: *дáкать, мяу́кать* и пр.

Сюда же болгарские: *бѣгам, връштам, дúхам, дýмам, кáшлѭ, клáням сѧ; пáдам, плáвам, дѣлам* (mit Axt behauen), *вечéрям, обѣдам* (*обѣдувам*).

В сербском тоже немного таких, которые по правилу имеют ̏ на том же слоге, что и русские глаголы, или ̀ на предшествующем: *бјȅгати — бјȅга̄м, вјȅшати, врȁћати* (русское *ворóчать*), *кȁпати* (но настоящее время только по образцу $\frac{\text{-je-}}{\text{-a-}}$: *кȁпље̄м*), *кȉдати* (rumpo), *клȁњати, пȁдати, прȅдати* (trepido), *пу̏зати* (но настоящее время только *пу̏же̄м*); *вѐчерати, у̏жинати.*

Такое же ударение встречается в сербских более длительных, употребительных только с предлогом **-лȁњати, -чȉњати (чьн), -јȉмати, -мȉњати, -жȉмати, жȉнати, -дȉмати, -ду̏вати.** В русском — никогда.

Глаголы на $\frac{\text{-yje-}}{\text{-ова-}}$ (VI, а)

Таких глаголов с ударением на корне в русском и сербском несравненно менее, чем с ударением на характере. Ср. сербское = русскому *вјȅровати*. Болгарское *вѣрувам, мúнувам, рáдувам сѧ, трѣбува* = нужно, должно; *мȉловати, рȁдовати, трȅбовати — трȅбује̄м, пȁметовати — пȁметује̄м, љȅтовати, пȍштовати* (ср. с характером **-ева-** *пóтчевать* и **почьшевати*), *свјȅтовати, рȁтовати* (ратовать) и пр. «Домострой», 49: «Жити не по силе и зáймуя» и пр.

С немногими отклонениями в малорусском, как поговорочное «нехай царствýє»; «сама (богородиця. — *А. П.*) бодрствýє, Слуг своїх рятує» (Костомаров, Песни, 190). Ср. то, что у Берынды все глаголы этого характера от существительных на **-ство** имеют ударение на -ýју, что предполагает неопределенную форму на **-овáти**: *безумствýю, безчинствýю, благодушьствýю, благодєнствýю, благоговѣнствýю, благоискуствовáти — благоискуствýю, бодрствýю* и пр. Подобным образом и другие отыменные в малорусском, например, «злукавновáти» (Кв.-Осн., I, 72), *болєзнýю, ратýю* (*брань въздвижу*), *велерѣчýю* и пр. (Беринда, Лексікон славено-россків..).

Глаголы великорусские $\frac{\text{-ывае- — -ивае-}}{\text{-ыва- — -ива-}}$ и равные им по значению малорусские $\frac{\text{-уjе-}}{\text{-ова-}}$

Ударение постоянно на слоге, предшествующем характеру: *пока́зываю — пока́зывать*, малорусское *пока́зую — пока́зувати*. Исключение составляют книжные формы прошлого столетия: *завязу́ет* (малорусское *світ зав'язу́є*), *наказу́ет*, *связу́ет*, не отличающиеся ударением от прочих форм на **-овати — -ую**. Обычно русское ударение на слоге, предшествующем характеру, не представляет сходства с сербским. В этом последнем глаголам $\frac{\text{-ывае-}}{\text{-ыва-}}$ = малорусским $\frac{\text{-ую-}}{\text{-ова-}}$ соответствуют по значению глаголы, занимающие по форме середину между великорусскими и малорусскими, именно $\frac{\text{-уjе-}}{\text{-ива-(-ыва-)}}$; характер первой темы совершенно тождествен с характером глаголов $\frac{\text{-уjе-}}{\text{-ова-}}$ как по звукам, так и по ударению, во второй теме **и** (=ы и **и**) постоянно долго и имеет ударение ̀ : *да̀рујēм* есть или настоящее время глагола совершенного (= будущему) и в таком случае имеет неопределенную форму *даро̀вати*, или настоящее время глагола несовершенного и тогда имеет неопределенную форму *даро́вати* (= великорусскому *даро́вывать*).

По образцу *даро̀вати — да̀рујēм* (что было бы по-великорусски *да́рывать — да́рую*) идет множество глаголов, произведенных от глаголов с характером $\frac{\text{-je-}}{\text{-а-}}$, $\frac{\text{-ае-}}{\text{-а-}}$, $\frac{\text{-и- + -ае-}}{\text{-и- + -а-}}$, $\frac{\text{-и-}}{\text{-и-}}$, как *обграђѝвати*, *одваљѝвати*, *одварѝвати*, *доказѝвати*, *докас...*, *доплак...*, *доскак-*, *закидѝва-*, *закусѝва-* *зализѝва-*, *замазѝва-*, *записѝва-* и пр. Реже встречаются глаголы с **-ива-** в характере первой темы, как *до-тк-ѝва-ти — до̀ткӣва̄м* (оканчивать ткать), *оснѝвати — о̀снӣва̄м* (основывать), *поткѝвати — по̀ткӣвати — по̀ткӣва̄м* (подковывать). В двух последних глаголах сербский язык принял **-ов-**, принадлежащее к корню (**ков-а-**, **снов-а-**), за часть глагольного характера, но здесь это для нас все равно. В

таких глаголах ударение одинаково с глаголами характера **-ава-**: *доткúвати — дòткӣвāм*, как *доигрáвати — дòйгрā-вāм.*

В болгарском рассматриваемые здесь глаголы последней степени длительности оканчиваются в настоящем времени на **-увам**, **-уваш** и пр. (т. е. $\frac{\text{-у-ва-е-}}{\text{-уа-}}$ + личное окончание с ударением на предшествующем слоге, по влиянию коего -у- характера нередко опускается: *прикáз(у)вам, надмѣх(у)вам, довръшувам, дописýвам, дочúа(ѣ)кувам, завръзувам, засóливам, подпáлювам, загрúбувам* (малорусское было бы *загрíбаю* от *греб*), *замúслювам, замръжювам, заповѣдеjвам, зарѫчювам* и пр.).

Часто эти глаголы образуются от глаголов с характером **-н-** с сохранением последнего: *забѣгнувам, заглýхнувам, загънувам* (**-гъб**, загибáю), *задúснувам, замáхнувам, замръзнувам, замръкнувам, засѣднувам* (заседаю), *затъкнувам* (затыкаю) и пр.

В основании здесь лежит та же форма, как и в основании великорусских **-ыва-**, **-ива-**, именно сохранившаяся в малорусском, болгарском: *подпáлювам*, русское *подпáливаю* — предполагаю малоруское *подпáлюю.* Глаголы отыменные и в болгарском, как в русском, частью ударяют у темы (*царýвем*), частью — корень (*вѣрувам*).

III. ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

§ 1. СООТНОШЕНИЕ ПОВЕЛИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ И НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

Все три формы повелительного наклонения имеют как в русском, так и в сербском одинаковое ударение: *пишú — пишíмо* (малорусское) — *пишúте*; сербское *пùши — пùшимо — пùшите.*

Что до места ударения, имея в виду один только русский язык, можно было бы выставить практическое правило: ударение повелительного наклонения согласуется с ударением 1-го лица единственного числа настоящего времени: *ведú, орú, зевáй,* но *двинь, брось.*

Правило это встречает те же немногие **и с к л ю ч е н и я**, как и другое, приводимое ниже, но неудовлетворительно в том отношении, что неприменимо в сербском, в коем ударение повелительного наклонения mutatis mutandis то же, что и в русском, а между тем 1-е лицо единственного числа настоящего времени не совпадает по ударению с тем же лицом русских глаголов с подвижным ударением: *пӣшē̄м*, но *пи́ши*.

Столь же неудовлетворительно следующее правило [1], верное с исключительно сербской точки зрения: ударение повелительного наклонения совпадает с ударением неопределенной формы: *пи́сати — пи́ши*, но настоящее время *пӣшēм*. С одной стороны, совпадение ударения повелительного наклонения и неопределенной формы может быть только случайностью, ибо повелительное наклонение образуется не от второй темы, а от первой или темы настоящего времени: *беру́ — бери́ — бра́ти, кую́ — куй — кова́ти, ста́ну — стань — ста́ти, вою́ю — вою́й — воева́ти.*

В глаголах с характерной гласной в неопределенной форме при некоторых тонических условиях — постоянно разногласие между ударением неопределенной формы и повелительного наклонения, например: *ле́ħи* (= лягти́, лечи́), повелительное наклонение *лȅзи* (малорусское *ляж*, основная форма *ля́зи*), *стрӣħи* (стри́чи, стри́гти) — *стри́зи* (стриги́, малорусское *стрижи́*). Точно то же в глаголах с двухсложным глагольным характером: *купо̀вати — ку̏пуjем — ку̏пуj, доказӣвати — дока̏зуjем — дока̏зуj*.

С другой стороны, не видно, почему бы повелительному наклонению согласоваться с каким бы то ни было лицом настоящего времени, ибо повелительное наклонение имеет сверх глагольного еще свой характер **-и** (после гласной **-й**), присутствие коего может быть небезразлично для ударения.

Однако пытаясь установить более широкое русско-сербское правило, мы не в состоянии будем обойтись без сближения повелительного наклонения с настоящим временем, из чего, — под условием верности нашего правила, — следует, что грубо эмпирическое исключительно русское правило все-таки ближе к истине.

Предположим, что характер повелительного наклонения **-и** стремится привлечь к себе ударение темы настоящего

[1] В глаголах с односложным характером, если настоящее время [и] неопределенное наклонение имеют различные ударения, то всегда более слабые, чем у настоящего времени.

времени подобно тому, как это замечено относительно предлогов и относительно окончаний 1—2-го лица множественного числа в малорусском и чакавском. Тогда окажется следующее.

а) При двухсложности глагольного характера первой темы характер повелительного наклонения не обнаруживает никакого тонического действия и вообще во всех формах ударение неподвижно: *белéй* (белéю), *игрáй*, *читáй*, *дéлай*, *рáдуй*, *скáзывай*.

б) При односложности глагольного характера (-**е** (-**ие**) — -**je**, -**и**) и полном слиянии его гласного элемента с характером повелительного наклонения есть два случая.

α) Постоянное русское и сербское ударение настоящего времени на корне остается на том же месте и в повелительном наклонении: *сядь* (из *сяди*) и пр. Церковнославянское: *отвéрзи*, *вéрзисѧ*.

β) Постоянное ударение настоящего времени на характере, а также русское подвижное ударение и соответствующее ему чакавское переходит на характер повелительного наклонения: *ведý* — *ведéшь* — *ведú*; *орю́* — *орéшь* — *орú*.

Разница между подвижным и неподвижным ударением настоящего времени, незаметная в сербском настоящего времени, сказывается в повелительном наклонении: *крȅшēм* — *крȅшеш* = русскому *крешý* — *крéшешь*, — в сербском ничем не отличаются от *мȁжēм* — *мȁжеш* = *мáжу* — *мáжешь*; но при первом повелительное наклонение *крèши* = русскому *крешú*, при втором — *мȁжи* = русскому *мажь*—*мáжи*. Это заставляет отдать преимущество тому из двух сделанных выше предположений, что р у с с к а я п о д в и ж н о с т ь у д а р е н и я в н а с т о я щ е м в р е м е н и д р е в н е е с е р б с к о й н е п о д в и ж н о с т и. Само собою разумеется, что здесь речь только о настоящих формах повелительного наклонения, а не о заимствованных из настоящего времени (3-е лицо единственного числа и 3-е лицо множественного числа) и вместе с наречным повелительным наклонением (*пусть*, *нехáй*, сербское *нéка*) заменяющих недостающие формы повелительного наклонения. Эти последние сохраняют ударение настоящего времени: *ȍрēм* и пр.; повелительное наклонение *òри* — *òримо* — *òрите*, но *нéка óре*, *нéка óру* (в церковнославянском *идú* — *идúте*, но *вни́дите*).

(Следуют фактические подтверждения изложенных правил и исключения из них.)

§ 2. ГЛАГОЛЫ С ПОСТОЯННЫМ УДАРЕНИЕМ НА ОДНОСЛОЖНОМ ХАРАКТЕРЕ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

а) Без характера во второй теме.

аа) В русском неопределенная форма с ударением на суффиксе. Образец: *веду́ — ведёшь — веди́*; малорусское *веди́ — веді́мо — веді́те*. В сербском штокавском, смотря по количеству коренной гласной, на корне ` или ′: *плѐтӗм — плѐти — плѐтимо — плѐтите*; *грѐбӗм — грѐби*; *пѐчӗм — пѐци*; *ве́зӗм — ве́зи*; *ву́чӗм — ву́ци*; *тре́сӗм — тре́си*.

бб) Неопределенное наклонение в русском с ударением на корне. Образец: *стричь— стригу́ — стриги́*; сербское *стри̏ћи — стри́жӗм — стри́зи*; *плыву́ — плыви́*; *жни* (сербское *жњѝ* и с чистою заменою глухого звука *жѝњи*), *пни* (сербское *пѐњи*). Сербские формы, как *пѐњи, жѝњи*, отклоняются от ударения настоящего времени *пе̏њем, жа̏њем*, потому что, как полагаю, не только самые замены гласных звуков, но и их ударения — новы, и следовало бы ожидать *жѝњем, пѐњем*; *мри̏ — мри̏мо — мри̏те*; *при̏ — при̏мо — при̏те*; *та̀ри* (*тр̏ти — трӗм*) и *стѐри* (*стрӗм*), как *пѐњи*.

б) С ударяемым характером во второй теме.

Глаголы II, 2, а и б: *бери́, жени́* (малорусское—от *гна́ти*), *дери́, пери́* — сербские *бѐри, жѐни, дѐри, ждѐри, пѐри*. Но эти сербские формы имеют при себе настоящее время с постоянным более тяжким ударением на корне: *бе̏рем* и пр., так что между настоящим временем и повелительным наклонением в сербском, по-видимому, нет соответствия. Соответствие это можно восстановить двояким предположением: или глаголы эти в сербском имеют позднейшее более тяжкое ударение, как *жа̏њӗм*, и все шли некогда согласно с соответствующими русскими глаголами по образцу *зо̀вӗм — зо̀ви*; или и русские и сербские некогда уподоблялись глаголу *се̏рем*, в коем постоянному `` соответствует русское подвижное ударение *серу́ — се́решь*. И в том и в другом случае повелительное наклонение должно быть, как и есть: *бѐри = зо̀ви* и *сѐри*.

Глаголы IV разряда с характером -*и*:
дохну́ — дохни́, махну́ — махни́

В сербском соответствующие глаголы имеют различное ударение в настоящем времени и неопределенном наклонении: *да̀хнути — да̏хнем, ма́хнути — ма̑хне̄м*, а повелительное наклонение относится по ударению к настоящему времени, как *бѐри* к *бе̏ре̄м*, именно ослабляют ударение этого последнего: *да̀хни, гр̀ни, зѐвни, ма̀хни, мѝгни*. Объяснение этого несоответствия между настоящим временем и повелительным наклонением — как в *бѐри*.

Глаголы с характером $\frac{\text{-и-}}{\text{-ѣ-}}$ (V, б):
вели́ — велю́ — велѣ́ти; верти́ — верчу́ — вертѣ́ти

В сербском *вѐлц, вр̀ти* согласно с настоящим временем. Малорусские формы повелительного наклонения *поде́рж, поте́рп, поси́дь, поле́ж, помо́вч, догля́дь* отклоняются от простых общерусских *сиди́, лежи́* и пр. Нет сомнения, что эти последние формы с ударением на характере повелительного наклонения суть древнейшие. Напротив того, сокращение характера -и после гласной (*не бойся*) и одновременно с этим перенесение ударения есть явление общее (русскому и сербскому) и древнее.

Глаголы $\frac{\text{-и-}}{\text{-и-}}$ (V, 3)

В русском в повелительном наклонении ударение на -и. В сербском здесь большей частью с различным ударением в настоящем времени и неопределенной форме (̏ — в настоящем времени, ̀ — в неопределенной форме; ̑ — в настоящем времени и ́ — в неопределенной форме), а повелительное наклонение ослабляет ударение настоящего времени, в чакавском переносит ударение с корня на характер: *бла̏жити — бла̀жи* (чакавское *блажѝ*).

Из глаголов с постоянным (в русском) ударением на характере настоящего времени отличаются от приведенных глаголов с корнями на гласные -и (из образца III, 1, а без характера в неопределенной форме) и -у (характер: $\frac{\text{-je-}}{\text{-a-}}$,

III, 2, а) и, исключая глаголы характера $\frac{\text{-и-}}{\text{-и-}}$, как *бояться, стоять, бо̀јим се, бо̀ј се* (*не́ бој се*), *сто́јим — сто́ј*, сокращающие характер повелительного наклонения **-и** в **-ј** и переносящие ударение с этого характера на корень: *пе́й* (*пи́й — пи́ймо — пи́йте*), *ле́й, ве́й, ку́й, клю́й, плю́й, блю́й.*

Причины такого сокращения и переноса ударения — в стечении гласных, разделяемых только козою. Русскому постоянному ударению на корне соответствует в сербском постоянное ⌒, хотя бы в настоящем времени коренная гласная была коротка: *бѝјем — бӣј*; *пѝјем — пӣј*; *ку̏јем — кӯј*; *сну̏јем — снӯј.*

Если бы эвфоническая причина не произвела сокращения характерного **-и** в **-ј**, то было бы *би́ји, пи́ји, ку́ји*, подобно тому, как в сербском от *да́јем — да́јеш* и пр. есть повелительное наклонение *да́ји — да́јите* (дава́й — дава́йте). Этим же сокращением объясняется долгота коренной гласной в *бӣј, пома́гати — пома́гај — пома́гајте* и пр.

То же явление и там, где собственно ударение (ˋ — ˊ ˵) настоящего времени не отличается от повелительного наклонения, например *ка̑јем* (и так во всех формах тем), но *ка̑ј — ка̑јмо — ка̑јте*; *у̏мијем* (*у̏мијеш* и пр.), но *у̏миј, чу́ва̄ју* (3-е лицо множественного числа; в 1-м лице и пр. **-ам, -аш** сокращено из **-ајем** и пр.), но *чӯвај* (*чу́вај*).

§ 3. ГЛАГОЛЫ С ПОДВИЖНЫМ УДАРЕНИЕМ В РУССКОМ И С УДАРЕНИЕМ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ, ОТЛИЧНЫМ ОТ УДАРЕНИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОЙ ФОРМЫ В СЕРБСКОМ

а) Без характера во второй теме: *иду́ — иде́шь — иди́* (*ѝде̄м — ѝди*, однако *до̀ђи* — Даничић, Облици српскога језика, 85), *могу́ — мо́жешь — моги́* (= украинское *можи́*: основная форма *мози́*), сербское *мо̏же̄м*, (*по*)*мо́зи*; *колю́ — ко́лешь — коли́*; сербское *ко̏ље̄м — ко̀љи*; *мелю́ — ме́лешь — мели́*; сербское *ме̏ље̄м — мѐљи.*

б) С характером $\frac{\text{-je-}}{\text{-a-}}$: *крешу́ — кре́шешь — креши́ — кре са́ть.* В сербском *гло̀дати — гло̀ђе̄м — гло̀ђи*; *крѐсати — крѐше̄м — крѐши, чѐши, ло̀ћи* (ло̀кати), *мѐћи, ма̀ћи, тѐши,*

зо̀бли; *пи́сати — пи̑шēм — пи́ши, ка́жи, ла́жи, ска́чи, вѐжи, дриjéмљи, хра́мљи, шти́пљи, зо́бљи* и др. В трехсложных русских: *хлопочу́ — хлопо́чешь — хлопочи́* = сербским *клопо̀тати — кло̀поħēм — клопо̀ħи*; *трепѐтати — трѐпеħēм — трепѐħи*.

Сла̀ти — ша̏љем имеют неправильно *ша̏љи* (В у и ч, Српска граматика, 75), вместо ожидаемого *ша̀љи — шљи̏*.

в) Глаголы с характером $\frac{\text{-не-}}{\text{-ну-}}$ (IV разряд): *тону́ — то́нешь — тони́*, сербское *то̀нути — то̏нēм,— то̀ни*; *да̀хнути — да̏хнēм — да̀хни*; *вр́ни, гр́ни, ми́нути — ми̑нēм — ми́ни*; *ма́хнути — ма̑хнēм — ма́хни*; *ми́гни, тéгни, зéвни*.

г) Глаголы $\frac{\text{-и-}}{\text{-ѣ-}}$, как *держу́ — дéржишь — держи́*, в сербском имеют одинаковое ударение в обеих темах: *тр̂пjети— тр̂пи̑м — тр̂пи*.

д) Глаголы $\frac{\text{-и-}}{\text{-и-}}$: *вожу́ — во́зишь — вози́*; *люблю́—лю́бишь — люби́* = сербским *во̀зити — во̏зи̑м — во̀зи*; *љу́бити—љу̑би̑м— љу́би*.

§ 4. ГЛАГОЛЫ С ОДНОСЛОЖНЫМ ХАРАКТЕРОМ И ПОСТОЯННЫМ КАК В РУССКОМ, ТАК И В СЕРБСКОМ УДАРЕНИЕМ НА КОРНЕ

Глаголы с односложным характером и постоянным как в русском, так и в сербском ударением на корне по отношению к повелительному наклонению не представляют никаких особенностей. Повелительное наклонение здесь сохраняет ударение других форм: *бу̏дēм — бу̏ди* и пр. Только имеющие корень на гласную и сокращающие **-и** повелительного наклонения в -[i] удлиняют коренную гласную *чу̏jēм — чу̑j, ри̏jēм — ри̑j, ду̏jем — ду̑j* и пр.

§ 5. ГЛАГОЛЫ *ѢМЬ, ДАМЬ, ВѢМЬ*

Ѣмь и *дамь* имеют повелительное наклонение *ѣжь*, старорусское *дажь*, несмотря на переход ударения в малорусском на окончание 2-го лица единственного числа, а в малорусском и сербском — на 1-м и 2-м лице множественного числа. Старинное *вѣжь* согласно с постоянным ударением в настоящем времени и неопределенной форме.

IV. ПРИЧАСТИЯ И ДЕЕПРИЧАСТИЯ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

§ 1. ПРИЧАСТИЯ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ

Причастия настоящего времени (форма книжная, по звукам церковнославянская). Так и в малорусском книжном «дати дорогу [для сонця. — *А. П.*], нiби для царя iного, *дiющого* добро всему миру» (Кв. - Осн., I, 30). Вообще имеем ударение на том же слоге по счету, на котором — настоящее время: *ведёшь — веду́щий.*

Правила этого достаточно для глаголов с постоянным ударением на характере односложном — двухсложном и на корне. Глаголы с подвижным ударением распадаются в этом отношении надвое: а) глаголы III, 1, б $\left(\frac{\text{-je-}}{\text{-н-}}\right)$; III, 2, б $\left(\frac{\text{-je-}}{\text{-а-}}\right)$; IV $\left(\frac{\text{-не-}}{\text{-ну-}}\right)$ — держатся ударения 2-го и следующих лиц: *пи́шущий, хлопо́чущий, тя́нущий, ко́лющий* (*ко́лешь*). б) глаголы II, 1, а $\left(\frac{\text{-е-}}{\text{-и-}}\right)$; V, 1 $\left(\frac{\text{-ѣ-}}{\text{-и-}}\right)$; V, 3 $\left(\frac{\text{-и-}}{\text{-и-}}\right)$ следуют ударению 1-го лица: *иму́ — и́мешь — иму́щий; иду́ — и́дешь — иду́щий; могу́ — мо́жешь — могу́щий, держу́ — дёржишь — держа́щий; люблю́ — лю́бишь — любя́щий.*

Замечание Востокова, что причастия действительные настоящего времени, произведенные от глаголов: «дразню́, хвалю́, давлю́, резвлю́сь, травлю́, гублю́, люблю́, принимают ударение 2-го лица» (Русская грамматика, § 187), кажется неверным. Слышно только *лю́бящий.*

Для сербских причастий настоящего времени действительных (формы тоже книжной) Мажуранич выставляет следующее правило: «Причастия настоящего времени действительные имеют суффиксы -у̑ћӣ, -е̑ћӣ (с новым облеченным из чакавского -у́ћӣ, -е́ћӣ) и слоги, к коим приставляются эти суффиксы, теряют с в о е ударение и долготу, если ее имели, и наслояются на суффиксы как проклитики», т. е. получают более тяжелое ударение.

Таким образом: *дму̑ћӣ*, -а̑, -е̄; *мру̑ћӣ, шљу̑ћӣ, жгу̑ћӣ* — согласно с русским, но при *д̏рēм* — не *д̏рући*, а *д̀ру̑ћӣ* (что было бы в русском *орю́щий*); при *ку̀пујēм, кра̀љујēм, би̏чу-*

јēм купу̀јӯћӣ, краљу̀јӯћӣ, бичу̀јӯћӣ (Slovnica hèrvatska, § 181), что было бы в русском **-ущий**.

Вуич (Српска граматика) представляет это дело иначе: не только причастия (не деепричастия): *трѐсући, зѐвући* (*зѐвēм*), *дàјући* (*дáјēм*), *познàјући* (*пòзна̄јēм*), *жѐгући*, *хòтећи*, *двòрећи*, но и согласно с русским, с ударением на корне в глаголах = русским с подвижным ударением и с ударением на корне: *стр̏ући* (*стр̏ēм*), *ȍрући* (*ȍрēм*), *кȍљући*, *вȉдећи*, *нȅгујући*, *чу̏јући* и опять согласно с сербским ударением настоящего времени, но не согласно с русским *ȉдући*, *ку̏јући*, *сну̏јући*, *кљу̏јући*, *бȅрући*, *пȅрући* (*бȅрēм*, *пȅрēм*), *жȅнући* (*жȅнēм*), *пȅњући се* (*пȅњēмсе*) и (с точки Мажуранича) по-чакавскому *пру̀ћи*. Быть может, Вуич смешивает здесь причастие с деепричастием (о коем ниже), которого вовсе не приводит. Даничич вовсе не приводит причастия настоящего времени действительного как формы ненародной.

§ 2. ПРИЧАСТИЯ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ СТРАДАТЕЛЬНЫЕ

Причастия настоящего времени страдательные (литературные) по отношению к ударению следуют тому же правилу, как и причастия настоящего времени действительные, т. е. сохраняют ударение настоящего времени в глаголах с постоянным ударением; а в глаголах с подвижным ударением следуют частью 1-му лицу (в глаголах $\frac{\text{-ѣ-}}{\text{-и-}}$, $\frac{\text{-и-}}{\text{-и-}}$: *держи́мый*, *терпи́мый*, *носи́мый*, *люби́мый*, *хвали́мый*), частью 2-му и следующим лицам (во всех остальных, имеющих это причастие: *ко́лемый*, *ме́лемый*, *пи́шемый*).

В сербском это причастие не сохранилось.

§ 3. ДЕЕПРИЧАСТИЯ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

1. Деепричастия на *-а* (*-я*)

Деепричастия на -а (-я) в малорусском употребительны только в нескольких глаголах $\frac{\text{-ѣ-}}{\text{-и-}}$, $\frac{\text{-и-}}{\text{-и-}}$, имеют ударение на том слоге, на котором и 1-е лицо настоящего времени (*ведя́*, *пиша́*, *любя́*, *де́лая*, *торгу́я* и пр.), так что глаголы с подвижным ударением и односложным характером здесь,

как при образовании повелительного наклонения, уравниваются с имеющими ударение на характере.

Из правила этого составляют исключения.

В малорусском те глаголы $\frac{\text{-ѣ-}}{\text{-и-}}$ и с ударением на характере, которые, слагаясь с предлогами, получают в настоящем времени (не исключая 1-го лица) и во всех почти остальных формах ударение на корне, ср.: *си́дя, гля́дя, мо́вча, сто́я, ле́жа* с *не вси́жу* и пр.

Вероятно, то же повторилось бы и в глаголах $\frac{\text{-и-}}{\text{-и-}}$: *води́ти, вози́ти, гони́ти, носи́ти, ходи́ти* — в известных случаях (см. выше), при сложении с предлогами, переносящих ударение на корень; но из них употребительны только *хо́дя* и *во́дя*; *во́зя, но́ся, го́ня* или не встречаются, или сомнительны.

В литературном языке Востоков (Русская грамматика, § 187), кроме общерусских *гля́дя, си́дя, сто́я, мо́лча, ле́жа, хо́дя*, находит еще шесть исключений — деепричастий от глаголов с подвижным ударением: *дре́мля, кле́пля, тре́пля, ще́пля, щи́пля, смо́тря*. «При этих, — замечает он, — в важной речи: *смотря́, сидя́, ходя́*».

В сербском этой формы деепричастий нет.

2. Деепричастия на *-учи, -ючи*

Глаголы с постоянным ударением на корне и на двухсложном характере сохраняют это ударение и в деепричастиях на **-учи**, **-ючи**: *кра́дучи, де́лаючи, игра́ючи, торгу́ючи*. Глаголы с подвижным ударением следуют ударению 2-го лица единственного числа и следующих без тех исключений, какие в причастиях настоящего времени: *тре́плючи, те́лючи, и́щучи, сто́нучи, тя́гнучи*, а в малорусском и от глаголов $\frac{\text{-ѣ-}}{\text{-и-}}$, $\frac{\text{-и-}}{\text{-и-}}$: *те́рплячи, лю́блячи, са́дячи, голо́сячи*. Исключается и в великорусском и в малорусском *могучи́*— от *мо́жешь, идучи́* (в малорусском и *йду́чи*).

Деепричастия от глаголов с постоянным ударением на односложном характере имеют ударение на последнем слоге суффикса: *бьючи́, живучи́, берегучи́*, малорусское «встаючи́» (Кв.-Осн., 2). В малорусском, где деепричастия

этой формы употребительны от глаголов $\frac{\text{-ѣ-}}{\text{-и-}}$, правило распространяется и на них: «свистючи́» (Гребенка, 28); «летячи́» (Метлинский, 64), «летючи́» (ibid., 245); «не боячи́ся» (Кв.-Осн., II, 4); «держачи́» (ibid., I, 38), «кріплячи́сь» (ibid., 97). Однако: «лёжачи» (ibid., 24), «лёжучи» (ibid., 174), *си́дячи, хо́дячи, сто́ячи.* Эти глаголы имеют деепричастие **-а**, **-я** с ударением на корне.

В сербском деепричастия настоящего времени следуют ударению настоящего времени. Мажуранич прибавляет: 3-го лица множественного числа настоящего времени на том основании, что гласный звук -ў, -ĕ, коим оканчивается 3-е лице множественного числа, остается с тою же долготою и в деепричастиях: *плèтӯ — плèтӯħӣ, вӥдē — вӥдēħи.*

Деепричастия от глаголов, соответствующих русским с постоянным ударением на односложном характере, в сербском не составляют исключения и сохраняют ударение настоящего времени: *плèтуħи, вéзуħи, грéбуħи, пéкуħи, ку̀нуħи, чуј̀уħи, тȍнуħи, мѐљуħи, бѐруħи, вӥдеħи, у̀мијуħи, хо̀теħи, нȍсеħи; кӓјуħи, ку̀пујуħи.* Однако у Даничича *мрӯħӣ* (*мрēм,* 3-е лицо множественного числа *мрӯ*), *чу́вајуħи* (*чӯвāм,* но 3-е лицо множественного числа с ′ : *чу́вају*), *пи́шуħи* (*пӣшēм,* 3-е лицо множественного числа *пӣшу*).

V. АОРИСТ И ПРЕХОДЯЩЕЕ

§ 1. АОРИСТ И ПРЕХОДЯЩЕЕ В ДРЕВНЕРУССКОМ И СОВРЕМЕННОМ СЕРБСКОМ

В современном русском языке эти времена не сохранились, и для сравнения с сербским будут служить только те данные, какие можно было извлечь из церковных книг, в коих могло хотя отчасти дойти до нас старинное русское произношение.

Заключения от современного сербского к древнерусскому затрудняются здесь тем, что об ударении рассматриваемых времен в самом современном сербском имеются различные показания.

По Мажураничу, аорист (кроме 2-го и 3-го лица единственного числа) и преходящее по ударению равны между собою и с неопределенной формой, от коей производятся. О многих исключениях из этого правила—

ниже. Таким образом, по Мажураничу, от *гр̂нути* (*гр̂нем*; по Караджичу, *гр̑нути — гр̑нē̂м*) будет аорист *гр̂нух*, преходящее *гр̂њах*; по Мажураничу, *љу́бити — љу́блах, пи́сати — пи́сах* (по Даничичу, это иначе); от *знȁти, брȁти*, по присоединении суффикса **-ах**: *брȁах, знȁах* = *бра̂х, зна̂х*, независимо от ударения настоящего времени. Согласно с этим мы произносим старорусское *тоня́ху* (утопа́ли), *приходя́ше, приносяшеть* согласно с ударением неопределенного наклонения *тону́ти; ходи́ти, носи́ти*, а не настоящего времени *то́неши, хо́диши, но́сиши*.

Правило, которое можно извлечь из примеров, приводимых Даничичем, гораздо сложнее и ведет, как увидим, к иному заключению об образовании преходящего.

а) В глаголах, имеющих одинаковое ударение в настоящем времени и неопределенной форме, аорист и преходящее по ударению не различаются (кроме 2 и 3-го лица единственного числа аориста): *плѐсти — плѐтē̄м — плѐтох — плѐтиjах, грѐпсти — грѐбē̄м — грѐбох — грѐбиjах; пѐкох — пѐциjа̄х; стѐкох — стѐциjах; тѐкох — тѐциjах* (*тѐчах*); *ту́кох — ту́циjах, жѐгох — жѐжиjах* (*жѐжах*); *ве́зох — ве́зиjах* (ве́сти — ве́зē̄м); *чу̏х — чу̏jа̄х* (чу̏ти — чу̏jē̄м), *у̀мjех — у̀миjах* (у̀миjети — у̀миjē̄м); *вȉдjех — вȉђа̄х* (вȉдjети — вȉдӣм), *кȁjех — кȁjа̄х* (кȁjати — кȁjē̄м).

б) В глаголах, имеющих различное ударение в неопределенной форме и настоящем времени, аорист следует ударению неопределенной формы, а преходящее — настоящего времени.

Так, аорист множественного числа *клȅемо — клȅеши — клȅше* (1-е лицо единственного числа *кле̂х*, — не знаю почему; 2-е и 3-е лицо единственного числа *кле̂* — по правилу, о коем ниже)[1], преходящее *ку́ниjах* (ку́њах) — *ку́ниjемо — ку́ниjете — ку́ниjеху* (кле́ти, ку̑нē̄м); от настоящего времени *жњȅм*, преходящее *жња̂х*; от настоящего времени *жȁњē̄м — жȁњах*; между тем аорист по образцу *кле̂х — же̂х* (неопределенная форма *жȅти*); при *пȅти — пȅњē̄м* преходящее *пȅњах*; при *ѝћи* (повелительное наклонение *ѝди*) аорист — *ѝдох* (да́ђох), при *ȉдē̄м* преходящее *ȉда̄х — ȉђах*; при *мрȉjети* аорист *мрȉjех*; при *мре̂м* преходящее *мра̂х*; при *тòнути* аорист *тòнух*; при *тȍнē̄м* преходящее *тȍњах*; *мљȅх* (мљȅти), *мȅљах* (мȅљē̄м), *нòсих* (нòсити), *нȍшах* (нȍсӣм),

[1] По Мажураничу, здесь *кле̂ — клȅ — клȅемо — клȅете — кле́ше*.

во̀ђах (во̀дити — во̑дӣм), *во̀жах* (во̀зити), *мо̀љах* (мо̀лити), *про̀шах* (про̀сити), *хра̑њах* (хра́нити — хра̑нӣм), *му̏ћах* (му́тити), *гнѝјеђах се* (гнијѐздити се), *љу́бљах* (љу́бити) [1], аорист *пи́сах* (пи́сати), преходящее *пи̑сах* (пи̑шӗм); аорист *чу́вах* (чу́вати), преходящее *чу̑вах* (чу̑ва̄м), аорист *купо̀вах* и преходящее *ку̏повах* различаются ударением, так что первая форма ближе к неопределенной форме *купо̀вати*, а вторая, по крайней мере по месту ударения, — к настоящему времени *ку̏пује̄м*. Впрочем Мажуранич акцентирует аорист *купо̀вах*, 3-е лицо *ку̀пова*, а преходящее *ку́пих* (Slovnica hèrvatska, 90).

Тоническая связь преходящего с настоящим временем, а аориста с неопределенной формой согласуется с тем, что в старославянском в некоторых разрядах преходящее относится по образованию не ко второй теме, а к первой. Так во многих глаголах $\frac{\text{-не-}}{\text{-ну-}}$ — $\frac{\text{-не-}}{\text{-нѫ-}}$, но аорист не имеет гласного характера (*двиг-ох*), подобно тому, как некогда не имела его неопределенная форма (сербское *ди̏ћи* древнее по образованию, чем старославянское *двигнѫти*), а преходящее снабжено характером, как и настоящее время (*двигнѣах*, *двигнѫ*), преходящее *бер-ѣ-ахъ*, *женѣахъ*, *зовѣахъ* — по форме корня относится к первой теме (*берѫ*, *женѫ*, *зовѫ*), а аорист *брахъ*, *звахъ*, *гнахъ* — ко второй. По мнению Миклошича (Vergleichende Grammatik, B. II, § 241), в некоторых преходящих: *красу́ах*, *мину́ах*, встречаемых большей частью в позднейших старославянских памятниках, лежит тема настоящего времени, а не видоизменение второй темы **-ова-** в **-уа-**.

К сказанному остается прибавить несколько подробностей.

§ 2. РАЗЛИЧИЕ АОРИСТА И ПРЕХОДЯЩЕГО

Относительно различия аориста и преходящего. В нескольких сербских глаголах (настоящее время, оба прошедших простых и повелительное наклонение) приставляется **д** (из **да** = **дѣ**) частию прямо к корню (зна-д), частью к теме (им-а-д, шие-д, хтје-д) (у Вуича *зна̀ђах* — *зна̏дох*, *и́мађох* — *имадо́х*). И в этих глаголах преходящее время сближается по ударению с настоящим, отличаясь от аори-

[1] Однако *ло̀мљах* (*ло̀мити* — *ло̀мим*), *до̀јах* (*до̀јити* — *до̀јӣм*), *ло̀жах* (*ло̀жити* — *ло̀жӣм*), *у̏чах* (*у̏чити* — *у̏чӣм*).

ста *зна́дем — зна́дијах* (по Мажураничу; у Даничича *зна̀дијах*), *зна̏дох — зна̏ти* (= повелительному наклонению *зна̏ди*); *има́дēм — има́дијāх* (так Мажуранич; у Караджича *има̀дијах*). У Даничича (Облици, 109) *и́мадијах — и́маћах, и́мадох* (ймах, ймати), *смје́дох — смјѐдијах*; *мнѝдијах* (так Караджич и Даничич), аорист *мнѝх*, как *мнѝти*; другая форма преходящего времени *мња̑х, хтје̏дох* (*хтје̏ти*), *шћадијах* (Д а н и ч и ч, Облици српскога језика).

Для аориста у Мажуранича п р а в и л о: все глаголы, имеющие на каком-либо слоге в неопределенной форме менее тяжелое или острое ударения, изменяют их во 2-м и 3-м лице единственного числа аориста в более тяжкое и облеченное, которые правильно переходят на предыдущий слог, если таковой имеется, в виде менее тяжкого (Slovnica hèrvatska, § 182). Согласно с этим правилом находим у Даничича: *плѐтох* — 2—3-е лицо *пле̏те, плѐтосмо — плѐтосте — плѐтоше*; *грѐбох — гре̏бе*; *пѐкох — пе̏че*; *жа̏њах* (*жа̏нēм*); *же̏њох — же̏њем*; *ве́зох — ве̏зе, тонѝх — то̏ну*; *но̀сих — но̏си*; но не согласно с изложенным правилом *ку́повах* — 2—3-е лицо *ку̏пова*, ибо усиленное ударение на втором слоге должно перейти на первый слог в виде `, а не ``, что и находим у Мажуранича аналогично с *гово̀рих — гово̀ри — гово̀рисмо*; *проко̀пах* (*ко̀пах*) — *про̀копа* (*ко̏па*) — *про̀копасмо*; *понѐсох* (*нѐсох*) — *по̀несе* (*не̏се*) — *поне́сосмо*. Далее у Даничича: *пѝсах* — 2-е и 3-е лицо *пи́са, у̀мјех — у̀мје, чува̀х — чу̀ва* вместо ожидаемых *пи̏са, у̏мје, чу̏ва*.

Несмотря на эти частные разногласия, усиление ударения во 2-м и 3-м лице единственного числа аориста не подлежит сомнению, по крайней мере в некоторых разрядах; и в церковнославянской русской редакции доныне аористы некоторых глаголов имеют во 2-м и 3-м лице единственного числа ударение на слоге, предшествующем тому, на котором стоит ударение в остальных лицах того же времени. Так, в следующих:

II, 1, а: *идо́хъ — и́де* (*сни́де, изы́де, прии́де, пре́йде*), но *приидо́хомъ* (*идо́сте — идо́ша*); *обрѣто́хъ — обрѣте*(*ся*), *приобрѣте, срѣте — срѣто́хомъ*; *отверзо́хъ — отве́рзе — отверзо́ша, возмого́хъ*; *не мо́же, не возмо́же, верго́хъ, испрове́рже, пове́рже, сверго́ша, сѣдо́хъ — сѣде, всѣде, сѣдо́ша, лѣзо́хъ — взлѣзе*[1].

---

[1] Формы *сѣде* и *лѣзе* приведены здесь потому, что остальные лица аориста этих глаголов имеют другое ударение (*сѣдо́ша, лѣзо́ша*), отклоняясь таким образом, от правила, что аорист вообще удерживает

Во многих других глаголах подобного строения этих переходов нет: *спасе́, понесе́, возведе́, потрясе́ ся, рече́, возложе́, паде́ ся, облече́ ся, прозябе́, оживе́.* Аористы от глаголов I разряда, образованные одинаково с вышеприведенным, тоже сохраняют постоянное ударение на гласной временного характера: *снѣдо́хъ — снѣде́, дадо́хъ — предаде́.*

Из II, 1, б заметим редкий случай — *на́чатъ* (3-е лицо единственного числа аориста), обыкновенно *нача́тъ*. В односложных формах аориста, как настоящего времени и других, как мы уже видели, движение ударения внутри простого слова заменяется переносом ударения на предлог.

Из II, 1, в — *у́мре* (постоянно), *измро́ша* и пр., но *простре́ — простро́ша.*

Из IV разряда: *постиго́хъ — пости́же; воскресо́ша — воскре́се, воздвиго́ша — воздви́же, (вскисо́ша) — вски́се, померко́ша — поме́рче, (издхо́ша) — и́здше, га́сше,* однако *потопе́* и др.; вместо *усѣкнухъ — усѣкну* можно было бы ожидать *усѣкну́хъ — усѣкну́*, но *косну́ся, мину́* и др.

В остальных разрядах (III, V, VI) ударение аориста (не исключая 2-го и 3-го лица единственного числа) согласуется с ударением неопределенного наклонения.

§ 3. УДАРЕНИЕ АОРИСТА В БОЛГАРСКОМ

Немногое, известное нам об ударении аориста в болгарском, состоит в следующем.

Подвижности ударения в болгарском аористе нет. Переносу ударения во 2-м и 3-м лице единственного числа на предшествующий слог в церковнославянском (и старорусском), — respective усилению ударения, — в тех же лицах в сербском соответствует в болгарском постоянное ударение во всех лицах аориста на слоге, предшествующем временному характеру; притом не во всех тех глаголах, где усиленное ударение в сербском.

В глаголах II, 1, а: настоящее время *бодѫ́*, аорист *бо́дох — бо́де, бо́дохмо — бо́дохте — бо́дох*; преходящее (с ударением настоящего времени) *бодѣях — бодѣше, бодѣхми — бодѣхте — бодѣх; ведѫ́, идѫ́,* аорист *да́дох — да́дохте, изве́-*

ударение неопределенного наклонения (*сѣсти, лѣзти*). В исправленной псалтыри читаем: «Иже не йде на совѣтъ нечестивых и на седище губителей не сѣде».

де, заве́де; *предѫ́ — пре́дох*; *рекѫ́*, аорист *обре́че* (обещал); *сѣкѫ́ — насѣ́че*; *пекѫ́*, аорист *пе́кох — пе́че* (опече́ — Бессонов, Болгарские песни, 117); *четѫ́ — проче́тох*; *влѣкѫ́ сѧ — привлѣ́че* (ibid.); *плетѫ́ — пле́тох*; *несѫ́ — доне́сох — доне́се*.

Сюда же относятся аористы двух глаголов I разряда, в болгарском, кроме 1-го лица настоящего времени, перешедших во II разряд, при *ꙗм*, *ѣде́ш — ѣде́*, *ѣде́м — ѣде́те — ꙗдѫ́т*, аорист *ꙗ́дох — ꙗ́дохте*.

При *дам — даде́ш — даде́*, *даде́м — даде́те — дадѫ́т* аорист *да́дох — да́де* (пода́де). Ударение аориста здесь очевидно отлично от ударения настоящего времени, как тому и быть следует [1], но оно, за исключением *пре́дох*, *сѣ́кох*, *ꙗ́дох*, *да́дох*, *на́йдох*, не сравниваемо с неопределенным наклонением *да́ти* (так как корень другой), отлично и от ударения, предполагаемого и в потерянном неопределенном наклонении, и в этом мы видим позднейшее и исключительно болгарское явление. Первоначально в болгарском должно было быть такое ударение аориста, как в сербском, именно *бодо́хъ* (согласно с неопределенным наклонением *бости́* с неударяемым коренным слогом) — *бо́де*. Затем ударение 2-го и 3-го лица распространилось на прочие лица. Образцы аориста других разрядов: II, 2: *перѫ́ — пра́х*, *берѫ́ — бра́х*, *дерѫ́ — дра́х*; *зовѫ́ — зва́х*, *ковѫ́ — кова́х*; III, 1: *ко́лѭ — кла́х*, *по́рѭ — пра́х* (порю); III, 2: *ма́ѭ* (verweile) — *ма́јах*; IV: ударение в аористе постоянно на корне; V, 1: *връ́тѭ — връта́х*; *гръмѭ — гръмѣ́х*; *изгоря́х* (но западное *подго́рѣ* — Бессонов, Болгарские песни, II, 36); V, 2: ударение на характере ѣ: *пожлътѣ́*, *разболѣ́ сѧ*; V, 3: согласно с ударением настоящего времени — *поцви́ли* (настоящее время *цви́лѣ*), *изва́ди* (*изва́дѭ*), *чи́ни* (*чи́нѭ*), *ско́чи* (*ско́чѭ*).

---

[1] Исключаются *и́дох* = *и́дѫ* (ибо *ви́дѭ*, *ви́двх*); *похвали́ — похвалѣ*; *съгрѣши́х — съгрѣшѣ* — V, 4; *разигра́ся* (*игра́ѭ*); *кади́хѫ* (*кадѣ*), *крои́х* (*кроѭ*). Болгарское *дойдо́х* (ни аорист, ни преходящее. N. B. ударение; у Бессонова — Болгарские песни, II, 46) — аорист *поведе́ — заведе́*, *даде́* (аорист * осѣдла́*).

VI. ПРИЧАСТИЯ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

§ 1. ПРИЧАСТИЯ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ НА *-ЛЪ*

Причастия эти разделяются на: 1) имеющие одинаковые ударения во всех трех родах и двух числах и 2) имеющие ударение различное.

1) Неизменно сохраняют ударение неопределенной формы причастия от глаголов III, 2 $\left(\frac{\text{-je-}}{\text{-а-}}\right)$; IV, 2 $\left(\frac{\text{-не-}}{\text{-ну-}}\right)$; V и VI. Из разряда IV сюда не подходят IV, 1 — глаголы, лишенные характера в некоторых формах второй темы. Между ними встречаются еще, хотя изредка, глаголы, от коих причастия имеют подвижное ударение (*досéћи* = *сȅћи* — *сȅгао*— *сѐгла* = малорусскому *дóсягтú* (сягнý) — *дося́г* — *досяглá*). Исключаются : односложные во втором образце, III, 2, б — *стлать*, *здать*; один глагол V разряда — *родúть*, от коего: *родúл* — *родилá* — *родúло*, *родúли*. Между всеми глаголами III, 2—VI разрядов общее то, что в старинном языке (до потери глухих звуков) во всех их вторая тема двухсложная. Глаголы, как *мстить*, *тмить*, которые представляются исключениями с точки зрения современного языка, в старинном — вовсе не исключения *мьстú-ти*, *тьмú-ти*.

Относительно постоянства ударения во всех родах и числах причастия на **-лъ** изложенное правило, безусловно, годится и для сербского; относительно согласия ударения с ударением неопределенной формы — с некоторыми, впрочем сомнительными, ограничениями. Ср. *кȁјати* — *кȁјао* — *кȁјала* — *кȁјало*; *пúсати* — *пúсао* — *пúсала* — *пúсало*; *тѐнути* — *тѐнуо* — *тѐнула* — *тѐнуло*; *вӥдјети* — *вӥдјео* — *вӥдјела* — *видјело*; *ѝмјети* — *ѝмио* — *ѝмјела* — *ѝмјело*; *нѐсити* — *нѐсио* — *нѐсила* — *нѐсило*; *чýвати* — *чýвао* — *чýвала* — *чýвало*; однако, по Даничичу, *купѐвати* — *кӳповао* — *кӳповала* — *кӳповало*, хотя, по Мажураничу, по-видимому, вернее, т. е. древнее: *купȍвао* — *купѐвала* — *купѐвало* — *купѐвали*.

2) Остальные разряды (I — III, 1 и IV, 1) имеют то общее, что (за исключением нескольких глаголов II, 2: *стонáть*, *сосáть* и пр.) и в древнем языке их тема односложна. Русские полногласные глаголы, как *стерéчь*, *терéть*, *колóть*, предполагают односложные формы: **стрѣ-**, **трѣ-**,

кла- и уравниваются в тоническом отношении с односложными глаголами, как существительные *бо́ров, бе́рег* (*=бра̑в, бре̑г = брӥјег*) с *дру́г* (*дру̑г*) и пр. Можно бы сказать, что вторая тема в разрядах I, II, III, 1 и IV, 1 не имеет характерной гласной, но этому мешают глаголы II, 2 (*рва́ти, бра́ти*), в коих тема, хотя уже в очень древнее время была односложна, но тем не менее имеет по всей вероятности гласную характера **-а-**.

По отношению к причастию **-лъ** разряды эти заключают следующие различия.

а) Глаголы образцов *вести́, мочь* (= мочи́), т. е. имеющие в русском ударение на окончании **-ти́**, в сербском ‵ или ′ на корне, в женском и среднем роде единственного числа и во множественном числе причастия **-лъ** в русском переносят ударение на окончание (*вел — вела́ — вело́, вели́*), в сербском усиливают ударение неопределенной формы в мужском роде единственного числа и оставляют его неизменным в остальных формах: *плѐсти — пле̏о — плѐла — плѐло*; *мѐсти — ме̏о — мѐла — мѐло*; *грѐпсти — гре̏бао— грѐбла — грѐбло* (и по этому образцу *гњѐсти, нѐсти, тѐпсти* и др.); *мо̀ћи — мо̏гао — мо̀гла — мо̀гло*; *лѐћи — ле̏гао— лѐгла — лѐгло*; *рѐћи — ре̏као — рѐкла — рѐкло.*

В русском *шёл — шла́ — шло́* = сербскому *шао —шла̀— шло̀* в сущности равно по ударению предыдущим формам, что становится очевидным, как скоро ударение ̏ переходит в виде ‵ на предшествующий слог: *ӥшао — ӥшла — ӥшло — ӥшли* = малорусским *йшо́в — йшла́*; *до̀шао — до̀шла*; *ве̏зти* (*ве̏з — ве̏зао — ве̏зла — ве̏зло = вез — везла́ — везло́*); *ра̏сти — ра̑стао — ра̀сла — ра̀сло* и, таким образом, *трѐсти, мѐсти* (*мѧсти*), *дӱбсти, скӱбсти, зѐбсти.* В малорусском отлично и от сербского *ску́бла,* потому что отлична уже неопределенная форма *ску́бти.* Великорусское *зя́бла* не от *зябсти́*, а от *зя́бнуть* (в малорусском сюда *рів — ревла́ — ревло́* от *ревти́*).

Из глаголов IV, 1, б сюда относятся три малорусских глагола: *тягти́ — тягну́ — тя́г — тягла́ — тягло́ — тягли́*; *простя́г — простягла́ — простягло́, сягти́ — сягну́*; *догя́г — досягла́ — досягло́*; *одягти́ — одягну́ — одя́г — одягла́ — одягло́.* В великорусском литературном нет ни одного из них. В сербском тоже лишь очень немногие этого образца имеют в неопределенной форме менее тяжкое или острое на корне. Из них *лѐћи, рѐћи* с причастиями (*ле̏гао — лѐгла — лѐгло*; *ре̏као — рѐкла — рѐкло*) могут вовсе не от-

носиться к IV разряду, потому что имеют настоящее время не только *лёгнём*, *рёкнём*, но и согласно с русским *лёжём*, *рёчём* (последнее отлично по ударению от русского). Затем остальные несколько глаголов *запрећи* — *запрёгнём*; *досећи* — *досёгнём*; *маћи* — *мăкнём*; *улећи се* — *ўлёкнё се* (sich senken), *прислећи* — *прислекнём* (уступить), *натаћи* — *натакнём*, в коих причастие на **-лъ** может иметь ударение *прёгао* — *прёгла* = *пряг* — *прягла́* и т. п. В славянских наречиях эти формы не отмечены, кроме *паткао* (= *тăкао*) — *патакла*.

Причастиям образца *вёл* — *вела́* — *вело́* — *вели́* соответствуют по ударению прилагательные неопределенные, как *бел* — *бела́* — *бело́* — *белы́*, *высо́к* — *высока́* — *высоко́* — *высоки́* = сербским *бијел* — *бијела* — *бијело*; *висок* — *висока* — *високо*.

б) Глаголы с ударением на корне неопределенной формы представляют по отношению к ударению причастий на **-лъ** два различия:

аа) Следующие глаголы в литературном языке переносят ударение только на окончание женского рода по образцу *был* — *была́* — *бы́ло* — *бы́ли* (см. Востоков, Русская грамматика, § 187, примечание 2): *дать*, *жить*, *быть*, *плыть*, *слыть*, *клясть*, *брать*, *звать*, *рвать*, *прать*, *ждать*, *бить*, *лить*, *пить*; *стлать*, *здать* (*зижду*), *роди́ть*.

Некоторые из этих глаголов по сложении с предлогами (кроме **вы́** — постоянное ударение в глаголах совершенных) переносят ударение на предлог в мужском и среднем роде единственного и множественного числа причастия: *до́дал* — *пе́редал* — *пе́редало* — *пе́редали* — *передала́* (не́ жил — не жила́, не́ был) — *додала́*, *про́лил*, *до́лил*, *о́тлил* *про́жил*, *по́плыл*, *при́был* — *при́было* — *при́были* — *прибыла́*, *долила́* и пр., *со́здал* — *со́здало* — *со́здали* — *создала́*.

Таким же изменениям подвергаются причастия предложных глаголов **-я́ть**, **-ча́ть**, **мере́ть** и **пере́ть**, из коих первые два неупотребительны без предлога, а два последние без предлога имеют в причастии **-лъ** неподвижное ударение: *на́чал*, *за́нял*, *ро́знял* — *ро́зняло* — *ро́зняли*, *на́чал*, *у́мер*, *о́тмер* — *о́тмерло* — *о́тмерли* — *отмерла́*. Соединяясь с возвратным местоимением **ся**, причастия эти в литературном русском переносят ударение на **ся**, а в остальных формах — на окончания перед **ся**: *дался́*, *удался́*, *прижился́*, *полился́*, *влился́*, *начался́*, *заперся́*, *звался́*, *назвался́*, *дождался́*,

бралсй, *родилсй*, женский род — **ась(ся)**, средний род **ось(ся)**, множественное число **-йсь(ся)**.

В малорусском: *брав*, *звав*, *прав*, *iрвав*, *ждав*, *слав*, *родив*, *умéр* — *умéрла* («Анхиз з горілочки умéр» — Котляревский, 31); *одпéр* («Щоб бог душі свій рай одпéр»— ibid.) — сохраняют то же ударение в женском, среднем роде и множественном числе. Остальные глаголы изменяют в причастии ударение по образцу: *вів* — *вела́* — *веló* — *вели́*, именно: *даló* — *дали́*, *жиló* — *жили́*, *буló* — *були́*; *плиló*, *кляló*, *узяló*, *почаló*, *лиló*, *виló*, *пиló*. Кроме этих глаголов, в малорусском сюда относятся: *заня́в* — *заняла́*— *заняló*, *утя́в* — *утяла́* — *утяló* — *утяли́*; *нап'я́в* — *нап'яла́* — *нап'яló*; *наду́в* — *надула́* — *надуló* («надула́сь» — Гребенка, 12), на предлог здесь в малорусском ударение не переносится: *забра́в*, *поча́в*, *пропи́в* и пр. Не переносится и на **ся**: *поча́вся*, *уда́вся* и пр.

Малорусское наречие здесь новее великорусского, что видно из сравнения с сербским, где, по Мажураничу (Slovnica hèrvatska, § 183), имеются двадцать два глагола, коих причастия **-л** имеют в женском роде на предпоследнем слоге острое ʹ (= русскому ударению на последнем -ла́), а в среднем роде и множественном числе на том же слоге. Таковы: *да̏ти* — *да̏о* — *да́ла* — *да̑ло* — *да̑ли*, **-е**, **-а** и по этому образцу: *бра̏ти*, *пра̏ти*, *спа̏ти*, *зва̏ти*, *жга̏ти*, *че̏ти* — *че̏о* — *че́ла* — *че̑ло* — *че̑ла*, **-е**, **-а** и по этому: *jе̏ти* (*у̏з-ети*), *пе̑ти*, *же̑ти* (*жъм*), *би̏ти* (*быть*) — *би̑о* — *би́ла* — *би́ло* — *би̑ли*, **-е**, **-а** и по этому *гњи̏ти*, *ви̏ти*, *ни̏ти* — *ни̑о* (= *неслъ*), *ниjе́ла* — *ниjе́ло* — *ниjе́ли*, **-е**, **-а** и по этому *дра̏ти*, *ждр̏ти*, *пр̏ти*, *стр̏ти*, *вр̏ти*, разумеется, не в этой форме, в коей приводит их Мажуранич и от коей у него же самого причастия: *тр̑ъо* — *тр̀ла* — *тр̀ло*, *у̀мръо* — *умр̀ла* — *умр̑ло* (= Даничич *мр̏ъо* — *мр̀ла* — *мр̀ло*) от формы с **-риjе**: *мриjѐти* и пр.

Проверить вполне эти показания нечем, так как Караджич лишь изредка отмечает ударения причастий; но есть основания думать, что многие из приведенных форм в других сербских говорах ударяются не так. Так, у Даничича: *бра̏о* — *бра̀ла* — *бра̀ло*, что по-русски было бы *брала́* — *браló*; у Караджича *по̀ниjети* — *по̑ниo* (согласно с Мажураничем), *по̑ниjела* (а не *понjѐла*) и, вероятно, *по̑ниjело*.

Однако в существовании в сербском языке замеченного Мажураничем типа акцентуации причастия на **-лъ**, подтверждающего глубокую древность соответствующих явле-

ний в великорусском, сомневаться нельзя: у Караджича находим от *би̏ти* (быть) *би̏о — би́ла — би̏ло*, что, за исключением краткости коренного слога в *би̏о*, зависящей от неопределенной формы *би̏ти*, соответствует акцентуации прилагательных, как *дра̑г* (до́рог), *дра́га* (дорога́). Средний род, оставшийся как мужской, *дра̑го* (до́рого) и т. п.

бб) Многочисленные остальные глаголы I, II, III, 1, IV, 1, имеющие ударение на корне неопределенной формы, удерживают это ударение и во всех формах причастий на **-лъ**. В сербском этому соответствует постоянное ̏ на корне: *пре̏сти*, *стри̏ћи*, *би̏о* (*би̏ти*), *бри̏о*, *кри̏о*, *ми̏о*, *ши̏о*, *ти̏о*, *дје̏о*, *смје̏о*, *спје̏о*, *чу̏о*, *зна̏о*. См.: Востоков, Русская грамматика, 255.

Кла́ла, *па́ла*, *пря́ла*, *гры́зла*, малорусское *па́сла* (но в литературном *спасти́ — спа́с — спасла́ — спасло́ — спасли́*), малорусские *бі́гла*, *стри́гла*, *сі́кла* (так по-малорусски, но в великорусском неопределенное наклонение может иметь ударение и на суффиксе, и поэтому может быть местами *секла́*) и глаголы II, 1, а с ударением на корне в настоящем времени: *кра́ла*, *ле́зла*; сюда *была́* (не от той темы, что *бу́ду*); *ду́ла* (*дму* — в малорусском *надула́сь*), *жа́ла* (жму), *жа́ла* (жну), *я́ла* (в книжном языке без предлога и с предлогами **из**, **об**, **от**, **при** без эвфонического **н** — Востоков, Русская грамматика, 255), *м'я́ла*, *ме́рла* (без предлога), *пе́рла* (без предлога), *те́рла*, *просте́рла*; малорусское *заде́рла*; малорусское *поже́рла* (земля); *гна́ла*, *сра́ла*, *соса́ла*, *вра́ла*, *тка́ла*, *ма́ла*, *жра́ла*, *стона́ла*, *би́ла*, *ши́ла*, *вопи́ла* и все глаголы III, 1, а с ударением на корне в настоящем времени и неопределенной форме (*зна́ла* и пр.), все глаголы III, 1, б (*моло́ла*), все глаголы IV, 1, за исключением трех приведенных выше малорусских.

Причастия эти, за исключением *мер*, *тер*, *пер*, о коих было упомянуто выше, не переносят ударения ни на предлог (кроме **вы**, стоящего в этом отношении особняком), ни на возвратное местоимение в мужском роде.

В сербском (как штокавском, так и чакавском) русскому ударению на корне и в причастии, как в неопределенной форме соответствует постоянное ударение ̏ на корне же: *пре̏о — пре̏ла*; *сре̏о = сри̏о — сре̏ла* (встре́ла), *стри̏гао — стри̏гла*; *сје̏о = си̏о — сје̏ла*, *би̏о* (*би̏ти*), *бри̏о*, *кри̏о*, *ми̏о*, *ши̏о*, *ти̏о*, *дје̏о*, *смје̏о*, *спје̏о*, *чу̏о*, *зна̏о*. Отклоняются в сербском глаголы II, 1, в, в причастии переносящие ударение на предлог и в таких случаях, где в русском постоянное:

дриjèти (*др̏ти*), *др̏ъо—др̏ла—др̏ло*; *прòдриjети* (прòдрēти)—*прőдрър — прőдрла* (sic — Караджич, Вуич), хотя из *др̏ла* должно выйти *прóдрла*; *прòждриjети* (*прőждрети*) — *прòждръо — прőждрла* (как выше), *зàприjети — зäпръо — зäпрла — зäпрло*, *прòстриjети — прõстрем — прõстръо — прõстрла.*

Болгарский. Что в болгарском некогда переносилось ударение на окончание женского и среднего рода в тех же случаях, приблизительно, как в русском и чакавском, — в том удостоверяет акцентуация прилагательных, как *цѣлъ — цѣлá — цѣлó*, и незначительные следы такого же ударения в причастиях **-лъ**: *билú* (Бессонов, Болгарские песни, II, 37; ср. малорусское *булú*), *порасло́* (ibid., I, 89). *Плел — плелá — плелó — плелú*; *рекл — реклá — реклó — реклú*. В большинстве случаев осно́вная подвижность ударения потеряна: *проклéла*, *взéла*, *завéло — завѣли*, *занéсло*, *нáшла*, *отúшла*, *нáгнила*, *рéкла*.

Из следующих примеров можно заключить, что тоническое различие второй темы от первой потеряно вместе с неопределенным наклонением и что причастие на **-лъ** по ударению уподоблено первой теме: *пúсал — пúсала — пúсало* (*писáть — писáл*; болгарское *пúшѫ*; сербское *пúсати*); *дáвала* (сербское *дáвати*, *дâjēм*, *дâвāм*; болгарское *дáвам*); *жéнила* (болгарское *жéнѭ*; сербское *жèнити — жȅнūм*); *лю́била* (болгарское *лю́бѭ*, *лю́бѭ*; сербское *љу̏бити — љу̏бūм*); *хрáнила* (болгарское *хрáнѭ*; сербское *хрáнити — хрâнūм*); *похóдила* (болгарское *хóдѭ*; сербское *хòдити — хȍдūм*); *вóдила* (болгарское *вóдѭ*; сербское *вòдити — вȍдūм*); *стóрила* (болгарское *стóрѭ*; сербское *твòрити — твòрūм*, но *за-твòрити*); *пофáлила* (болгарское *фáлѭ*; сербское *хвáлити — хвâлūм*); *окѫ́пала* (болгарское *кѫ́пѭ*, вероятно, и *кѫ́пам*; сербское *ку́пати — ку̑пāм*).

Однако в песнях, изданных Бессоновым: *будúла* (болгарское *бýдѭ*), *сърдúла* (*сърдѭ*), *позгодúлъ сѧ*, *годúла* и *сгýдила* (болгарское *годѭ*), *проговорúло* — I, 89 и *отговорúла*. Согласно с русским ударением причастий от глаголов: *лежѣлъ — лежѣла* (= *-я́ла*; болгарское *лежѫ*) *връвѣлъ* (*връвѭ*), *изврътѣлъ* (*врътѭ*), *родúла* (*родѭ*), *разболѣлъ сѧ*, *болѣла*; *оголѣлъ*; *закопáла* (*копáѭ*), *игрáло* (*игрáѭ*). Однако у Бессонова *фанѫ́ла*, *стигнѫ́ла*, между тем как мне не встречалось форм настоящего времени с ударением на характере: форма *видѣлъ* — Бессонов, Бол-

гарские песни, II, 63 — вместо *вйдѣлъ*, предполагаемого русским и сербским, лишена всякого исторического оправдания (*испйсувал*, *прáвило*, *нáклало*, *дýмалъ*, *слýшѣлъ*, *глéдалъ*).

§ 2. ПРИЧАСТИЯ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ СТРАДАТЕЛЬНЫЕ

Форма эта производится от темы неопределенного наклонения, но, если это возможно, не сохраняет ударения этой темы, а передвигает его на предыдущий слог. Такое передвижение невозможно, если уже в самом неопределенном наклонении (беспредложном) ударение стоит на первом слоге (*дѣ́лать — дѣ́лан*); перенос ударения с коренного слога причастия на проклитику имеет место здесь, как и в других случаях, только в формах односложных (кроме конечного ера).

Исключений из приведенного правила довольно много. Здесь укажем на самое крупное: глаголы VI разряда, б на -ыва, -ива и соответствующие им по значению и ударению малорусские на -ова, -ева и в причастиях страдательных, как во всех остальных формах, имеют ударение на слоге, предшествующем характеру.

Глаголы без характера во второй теме с корнем на согласную и с ударением на суффиксе. В малорусском с переносом ударения по указанному выше правилу и с постоянным ударением во всех родах и числах: *вéдена — вéдено*, *мéтена — мéтено*, *плéтено*, *вéзено*, *нéсено*, *скрéбено*, *запря́жено*, *спря́жено* (assatum), *пéчено*, *тóвчено*, *волóчено*. От *берегтú*, *стерегтú* было бы *берéжено*, *стерéжено*.

В определенных формах причастия ударение то же, но в прилагательных той же формы — на гласной суффикса: *плетéный*, *пряжéный* (горох), *печéный*, *товчéный*, *стережéный*, *бережéный*.

Такое ударение неопределенной формы причастия, как *плéтен*, *нéсен*, не есть исключительно малорусское. У Востокова (Русская грамматика) в необластных спряжениях находим беспредложные причастия *пéчен*, *скрéбен* и при них как употребительные только с предлогом: *печéн*, *скребéн* (*испечéн*, *соскребéн*).

Другие неопределенные причастия того же образца, по Востокову, имеют (в литературном, который здесь равен великорусскому) в мужском роде единственного числа ударение на гласной суффикса, в женском, среднем роде и множественном числе переносят ударение на окончание по образцу прилагательных, как *бел — белá — белó — белы́*, и причастия на -**л**, как *плёл — плелá — плелó — плели́*, *ведён — веденá — веденó — ведены́*, *плетён — плетенá — плетенó — плетены́*. Несомненно таково ударение в *соблюдён*, *обретён*, *прочтён*, *погребён*, *бережён*, *изречён*, *жжён*; но я сомневаюсь, чтобы формы *ведён — веденá — веденó — ведены́*, *плетён*, *метён*, *везён*, *несён*, *пряжён*, *толчён* — были исключительно употребительные в великорусском. По крайней мере мое ухо привыкло к выражениям, как «коса заплéтена», «вещи перевéзены», «перенéсены», «лóшади запря́жены».

В определенной форме в литературном языке причастия страдательные принимают второе неорганическое -**н**-: *погребённый*, *ведённый*, *плетённый*, *несённый*, *жжённый*, *потолчённый* (Павский, Филологические наблюдения. Третье рассуждение, 120). Прилагательные удерживают одно **н** и то же ударение, как в малорусском: *плетёный*.

Для сербского языка Мажуранич ставит следующее правило: глаголы (первообразные) с корнем на согласную, если имеют на корне менее тяжкое ударение (*плéсти*, *пѐћи*), удерживают его и в причастиях прошедшего времени страдательных именительного падежа мужского рода на том же слоге, а в остальных родах и падежах подвигают на следующий слог: *пѐчен — печѐна — печѐно* и пр. Глаголы, имеющие в корне острое ударение (*ту́ћи*), в именительном падеже единственного числа мужского рода причастия изменяют ʹ в ˋ (менее тяжкое) и в остальных родах и падежах подвигают это последнее ударение на один слог к концу: *тѝчен — тучѐна* и пр. (Slovnica hèrvatska, § 185). Мажуранич, стр. 88: *мѐтен*, *плѐтен*, *трѐсен*, *вѐзен*, *грѐбен*, *ску́бен*, *тѐпен*, *жѐжен*, *тѝчен*, *вѝчен*, но — может быть, по описке, — *пе̏чен* (болгарское *печéн*).

Согласно с этим у Даничича (Облици српскога језика) *плѐтен — плетéна — плетéно*; *грѐбен — гребéна — гребéно*; *пѐчен—печéна—печéно*; у Караджича (Српски рјечник) *жѐжен — жежѐна — жежѐно*; определенное: *жѐжени̅ — жѐжена̅ — жѐжено̅*, но у Даничича от *вéсти — вéзе̄м* (pingere acu) *вéзен — вéзена — вéзено*; у Вуича (Српска граматика)

ту́чен — ту́чена — ту́чено не согласно с правилом Мажуранича. Как бы ни было, сербские *пле́тен — плете́на — плете́но* предполагают то же ударение *плетѐн — плетенȁ — плетенȍ*, а определенное *жѐжени — жѐжена — жѐжено* с неподвижным ударением предполагает *жжѐни — жжѐна—жжѐно*. То и другое находим в великорусском.

При *и-ти́* — не от темы ид без характерной гласной первой темы — причастие *и́ден* (*на́йден, про́йден — про́йдена — про́йдено*; сербское *на́ђен*). От *мочи*, равного предыдущему в тоническом отношении, — книжное *изнеможе́н — изнеможена́ — изнеможено́*. Сербское *по́можен* (Mažuranić, Slovnica hèrvatska, 88) указывает на *мо̏жен*.

Глаголы III, 1, б $\left(\frac{\text{-je-}}{\text{-н-}}\right)$ — *моло́ть — мо́лот, коло́ть — ко́лот, поло́ть — по́лот, поро́ть — по́рот, боро́ть — бо́рот*. В сербском иначе образовано *мље́вен* (*мљѐти— мѐље̄м*; вероятно, и от *пљѐти — плиjѐве̄м — пље́вен*).

Глаголы II, 2, а $\left(\frac{\text{-je-}}{\text{-ѣ- + -a-}}\right)$. По образцу *кова́ть* (*кова́ти*) — *ко́ван, ло́ман, сно́ван, бле́ван, пле́ван, кле́ван — кле́вана — кле́вано*. В сербском согласно с русским относительно ударения, но с другим суффиксом — *ко̏ва̄т* (Даничић, Облици српскога језика, 117) и отлично от русского *кѐва̄н — кова́на — кова́но* (Mažuranić, Slovnica hèrvatska, § 186).

В древности акцентуации *кѐва̄н* (= основному *ко́ва̄н*) можно так же сомневаться, как и в *купѐва̄н — купова́на*, которые Мажуранич подводит под одно правило с *кѐва̄н*. Болгарское *ко́ван* — множественное число *обко́вани*.

Глаголы II, 2, б. По образцу *чеса́ть — че́сан, полоска́ть — полоска́н* идут: *кле́пан, кре́сан, гла́дан, о́ран, то́птан, и́скан, ка́чан, па́хан, ни́зан, ли́ван, пи́сан, щи́пан, вя́зан, сви́стан*, но *клевѐтан* и некоторые другие; стлан и слан (от *стлать — стелю́* и *слать — шлю*) вследствие односложности переносят ударение на предлог: *про́стлан — про́стлана — про́стлано, по́слан*.

Сербские согласно с русским усиляют ударение неопределенного наклонения ˊ в ˆ, ˋ в ˵: *пи́сати — пи̑сан — пи̑сат* (Даничић, Облици српскога језика, 112), *глѐдати — гло̏дан*, и по этому образцу сербские *чѐсан, крѐсан, тѐсан, зо̏бан, ка̏зан, ли́зан, ве́зан*. Глаголы III, 2, и: *дава́ть — да́ван*, сербские *да́вати — да̑ван*.

Глаголы IV: *обману́ть — обма́нут, тяну́ть — тя́нут, помяну́ть — помя́нут.* В малорусском хотя эти глаголы могут принимать и другой суффикс причастий прошедшего времени страдательных, но ударение — то же: *обма́нено, затя́гнено, помя́нуто, простя́гнутий — простя́гнений, пове́рнутий — пове́рнений, зго́рнутий — зго́рнений. Гнуть, мкнуть* и *ткнуть* по односложности переносят ударение на предлог: *со́гнут — со́гнута — со́гнуто.* Малорусские *зі́гнутий, за́мкнутий — за́мкнений, за́ткнутий.*

Такой перенос ударения в причастиях страдательных имеет место не в одних только глаголах с подвижным ударением в настоящем, но и в глаголах, сохраняющих в настоящем времени постоянное ударение на характере: *взбо́лтнут, сви́хнут, колы́хнут, оку́(н)нут, обма́нут, всполо́снутый, вспу́гнутый, отры́гнутый, засти́гнутый, подстре́кнутый, встря́хнутый, то́лкнутый, заче́ркнутый, подче́ркнутый, ше́пнутый.*

Усиление ударения есть и в сербском: *га̀нути — га̏нēм — га̏нут; зд̀внути—зо̏внēм—зо̏внут; гр̀нути—гр̏нут; ма́кнути—ма̂кнут, вр̀нути—вр̏нут—повр̏нут, досе́гнути—до̏сēгнут, зави́нути — за̏винут.* Немногие глаголы, отбрасывающие в причастиях страдательных характер -**н**- (формы исключительно письменной и архаической), колеблются между неподвижным ударением на корне и подвижным; два глагола с ударением на характере в неопределенном наклонении (*гнуть* и *тяну́ть*) образуют причастия (кроме упомянутых выше форм) *согбе́н — согбе́на — согбе́но — согбе́ны, протяже́н — протяже́на — протяже́но — протяже́ны,* определенные на -**енный** и пр.; форма *успе́н* выводится из существительного *успе́ние*; глаголы с ударением на корне — *отто́ржен* и *отторже́н, отве́ржен,* но *воздви́жен* (*воздви́жение*) и **движе́н* (*движе́ние*), сербское *ди̏жен.*

Впрочем не всегда можно заключать об ударении причастия по ударению существительного на -**ие**, образованного от причастия. Ср. *пи́сан — писа́ние, кова́нье, колотье́.* У Востокова и Даля *коло́тье. Чи́тан — чита́ние, ве́лен — веле́нье, лю́блен — любле́нье, вое́ван — воева́нье* (Востоков, Русская грамматика, 88).

Причастия от тем на -**ну**- с усиленною конечною гласною архаические, большею частью употребляющиеся только в определенной форме, все ударяют гласную суффикса е: *отринове́н, *манове́н* (старое), *вдохнове́н, обыкнове́н, усекнове́н, повинове́н* (*повиновение*), *преткнове́н, помянове́н* (*помяновение*), *поползнове́н* (*поползновение*), *мгнове́н* (*мгнове-*

ние), *миновéн* (*миновение*), *дуновéн* (*дуновение*), *помановéн* (*помановение*) (Павский, Филологические наблюдения. Третье рассуждение, § 54).

Глаголы V, 1 $\left(\frac{\text{-и-}}{\text{-ѣ-}}\right)$. По образцу *держáть — дéржан, вертéть — вéрчен* идут: *тéрплен, смóтрен* и все глаголы с неподвижным ударением на характере в обеих темах: *лéжан, сúжен, гля́жен, стóян, мóлчан, зрéн* (ýзрен), **мчáн* (*прóмчан*), *дéржан*.

Сербское. При *др̏жати — др̏жӣм* причастие *држа̏н* и *др̏жат*. Болгарское. При *дръжѫ́ — дръжáн, вржтѫ — вржтѣн*.

Глаголы V, 1 $\left(\frac{\text{-и-}}{\text{-и-}}\right)$. Глаголы, имеющие в настоящем времени только подвижное ударение, в причастии прошедшего времени страдательном переносят ударение неопределенного наклонения на предыдущий слог: *хвалю́ — хвáлишь — хвалúть — хвáлен*. Глаголы, имеющие в настоящем времени и подвижное и постоянное ударение на характере, имеют в причастии или только ударение предшествующего образца (*садúть — сáдишь — сáжен*), или двоякое: *чéрчен — чéрчена — чéрчено* или *черчéн — черченá — черченó*. Отпричастные прилагательные имеют ударение постоянно на глагольном суффиксе: *посажёный отец, дарёный, варёный, прощёный, клеёный, чинёный, кроиёный, сушёный, тушёный, сучёный, белёный*.

В сербском ` неопределенного наклонения в причастиях изменяется в ``, ´ в ^, если в настоящем времени то же ударение (= русскому подвижному ударению): *во̏ђен, го̏жен, но̀шен, мо̀чен, хо̀ђен, во̀ђен* и пр., *во̂жен, мо̂љен, пу̏штен, кр̏штен, ло̏мљен, до̏јен, ло̂жен, у̏чен, тро̏шен, тво̀рен, бро̏ђен, хра̏њен, му̏ћен, ба̂чен* (бáцити), *љу̂бљен*.

Болгарские примеры мало говорят, так как хотя в причастии ударение на том месте, где ему быть следует, судя по русскому и сербскому, но и в настоящем времени глаголов, соответствующих русским с подвижным ударением, в болгарском ударение тоже большей частью на корне: так, при *залóжен, накóплен, хрáнѥн, бéлен, кáнен* (приглашен), *заклю́чен* глаголы *залóжа, хрáня* и пр. При *напóѥн*, однако, *поѭ*; при *кроѭ — кроѥ́н*.

Русские глаголы $\frac{\text{-и-}}{\text{-и-}}$, имеющие и в настоящем времени

и в неопределенном наклонении ударение на характерной гласной, и в причастиях страдательных ударяют в именительном падеже единственного и множественного числа гласную перед суффиксом, а в женском, среднем роде и множественном числе — окончание: *прощён — прощена́ — прощены́*; *лишён*, *смирён*, *побеждён*, *воспрещён*, *пленён*, *покорён*, *ободрён*, *наводнён*, *навощён*, *раздвоён*, *раздроблён*, *углублён*, *погружён*, *запылён*, *усыплён*, *проторён*, *пленён*, *покорён*, *ободрён*, *наводнён*, *повторён*, *обременён*, *одушевлён*, *усыновлён*.

Глаголы, заимствованные из церковнославянского с **ра**, **ла**, имеют ударение только на характере и согласно с этим причастия — на **-ён**, **-ена́**, **-ено́** (*возвращён*, *приглашён*, *ограждён*, *позлащён*, *сокращён*, *наслаждён*, *охлаждён*, *сохранён*, *омрачён*, *осрамлён*), между тем соответствующие им русские глаголы имеют или подвижное, или постоянное ударение на корне и в причастиях страдательных тоже на корне (*позоло́чен* и пр.).

В малорусском приведенные глаголы с ударением на характере или неупотребительны вовсе, или не имеют причастий, однако от малоросса, мало знакомого с литературным языком, можно услышать: *просве́щена*, *побе́ждена*, *поко́рена*, *усыно́влен* и т. п., так как вообще ударение **-ён**, **-ена́**, **-ено́** почти чуждо малорусскому.

В сербском русскому *лишён — лишена́ — лишено́ — лишены́* — соответствуют причастия от глаголов с постоянным менее тяжким ударением на слоге перед характером: *бро̀јити — бро̀јӣм — бро̀јен — бројѐна — бројѐно*; множественное число *бројѐни — бројѐне — бројѐна*. По этому образцу: *чѝњен*, *гно̀јен*, *дво̀рен*, *гово̀рен* (= великорусскому *говорён*, но малорусское *гово́риш — гово́рено*), *ло̀вљен* (*ло́вити — ло̀вӣм* отлично от русского *лови́ть — ло́влен*), *ло̀жен* (*ло̀жити — ло̀жӣм* отлично от русского), *пого̀ђен*, *ро̀ђен* (и согласно с этим определенное *рођéни — рођена́ — рођено́*, хотя *ро́дити — ро̏дӣм*, как в русском), *со̀љен*, (*со̀лити — со̀лӣм* отлично от русского *со́лим*), *у́чен* (*у́чити — у́чим* отлично от русского) и др. (см.: Mažuranić, Slovnica hèrvatska, § 187).

В болгарском встречаются причастия, как *позлатéн*, но с неподвижным ударением женского рода *позлатéна*.

Глаголы V, 4, а $\frac{\text{-ае-}}{\text{-а-}}$ с ударением на **-а-** характера в настоящем времени и неопределенной форме в причастиях

страдательных переносят ударение на предыдущий слог: *бóлтан*, *бормóтан*, *брéхан*, *бы́ван*, *вáлян*, *вáян*, *вéрстан*, *ви́дан*, *вéнчан*, *брóсан*, *и́гран*, *кáтан*, *кóпан*, *кýсан*, *лóман*, *мáран*, *мéнян*, *мéшан*, *пи́тан*, *пы́тан*, *стрéлян*, *сéдлан*, *ýздан*, *хвáтан*, *хлéбан*, *чи́тан*, *и́згнан*, *колýпан*, *пслы́хан*, *крóмсан*, *мáкан*, *мáхан*, *пелéнан*, *пýган*, *пя́тнан*, *сáжан*, *стрóган*, *тáскан*, *тéрзан*, *трéпан*, *шáтан*, *шéптан*. Немногие прилагательные отпричастные имеют ударение на -**а**- характера: *благоухáнный*, *желáнный*.

В сербском глаголы образца: *пи́тати* — *пи̑та̄м* (ʹ и ̑) усиляют ударение и в причастиях: *пи̑тан*. Таковы: *бáцати*, *би́вати*, *дáвати*, *кýпати*, *кýсати*, *лáмати*, *миjѐњати*, *миjѐшати*, *стрáдати*, *шти́пати*, *вáљати* и др. (M a ž u r a n i ć, Slovnica hèrvatska, § 186, 2). Таким же образом усиляют ударение и те, в коих в настоящем времени и неопределенном наклонении стоит на слоге перед характером ̀ : *кòпати* — *кòпа̄м* — *ко̏пан*, *рачỳнати* — *рачỳнам* — *рȁчунан*. Таковы: *и̏грати*, *мòтати*, *орỳжати*, *сѐдлати* и др. (M a ž u r a n i ć, ibid., § 187, 2).

В болгарском *игрáѭ*, — вероятно, *и́гран*.

Глаголы VI, а на -**овá**-, -**евá**- в неопределенной форме в причастии переносят ударение на предыдущий слог -**óва**-, -**áва**-: *балóван*, *боронóван*, *вербóван*, *воéван*, *волнóван*, *колдóван*, *межéван*, *толкóван* и пр. Так и в малорусском.

На этом основании следовало бы ожидать в сербском (штокавском) *кỳпован*, *дȁрован*. Так действительно и говорят некоторые (M a ž u r a n i ć, Slovnica hèrvatska, § 187, 2), но у Даничича (Облици српскога језика) только одна форма: *ку̏пова̄н* — *ку̏пова̄на* — *ку̏пова̄но*, а Мажуранич более верным считает третье ударение: *купòван* — *купòвана* — *купòвано*, *дарòван* — *даровáна* — *даровáно* — согласно с ударением неопределенного наклонения. Как вторая, так и третья акцентуация, кажется, новее первой. Акцентуация глагола *купòвати*, по Даничичу, вообще представляет много странного. Согласно с русским настоящее время *кỳпуjе̄м*, повелительное наклонение *кỳпӯj*, деепричастие настоящего времени *кỳпуjӯћи*, деепричастие прошедшего времени *купòва̄вши*, *купòва̄в*, неопределенная форма *купòвати*. Но в аористе при 1-м лице *купòвах* 2—3-е лицо *ку̏пова* вместо ожидаемого *кỳпова*, преходящее *ку̏повах* вместо ожидаемого (согласно с настоящим временем) *кỳповах*, причастие прошедшего времени *ку̏повао* вместо ожидаемого (и действительно встречаемого у Даничича) *купо̏вао*, нако-

нец, причастие прошедшего времени страдательное *ку̏пован* вместо *ку̀пован*. Ни одно из этих отклонений не может быть объяснено только штокавским стремлением подвигать ударение к началу слова. Принимаемая Мажураничем акцентуация *купо̀ван* отклоняется от правила об усилении ударения в страдательном причастии.

Правило Мажуранича, что аорист согласуется относительно ударения с неопределенной формой, не вполне прилагается к церковнославянскому. В последнем некоторые глаголы разряда II, 1 с ударением на корне в неопределенной форме следуют образцу имеющих в неопределенной форме ударение на суффиксе: *сѣдо́ша*, *влѣзо́ша* (*сѣсти*, *лѣзти*).

Преходящее ни в одном из наречий не переносит ударения во 2-м и 3-м лице единственного числа, respect не усиляет ударения в штокавском; в этом последнем *плѐтиjаше*, *вѐзиjаше*, *грѐбиjаше*, *пѐциjаше*, *ку̏пиjаше*, *у̏миjаше* (*умѣ*) с тем же ударением, как и в 1-м и прочих лицах преходящего и как в настоящем времени и согласно с церковнославянским и предполагаемым древнерусским: *плетѣаше*, *плетѣяше*, *умѣяше*.

Там, где, по Даничичу, ударение преходящего отлично от неопределенной формы и согласно с настоящим временем в церковнославянском и, вероятно, в древнерусском,— правило, которое Мажуранич выставляет и для сербского, именно, что преходящее следует ударению неопределенного наклонения. Сравни штокавское преходящее по Даничичу: *то̏њах* (*то̏не̄м* — *то̀нути*), *ме̏љах* (*ме̏ље̄м*), *но̏шах* (*но̏сӣм* — *но̀сити*), *во̏ђах* (*во̏дӣм* — *во̏дити*), *во̏жах* (*во̏зӣм*— *во̀зити*), *мо̏љах* (*мо̏лӣм* — *мо̀лити*), *про̏шах* (*про̏сӣм* — *про̀сити*), *хра̏њах* (*хра̏нӣм* — *хра̀нити*), *му̏ћах* (*му́тити* — *му̏тӣм*), *љу̏бљах* (*љу̏бити* — *љу̏бӣм*), *чу̏ва̄х* (*чу̏ва̄м* — *чу̀вати*), *пӣсах* (*пӣше̄м* — *пи́сати*) — с формами у Мажуранича, как *љу́бљах*, *бра́њах* (*бра́нити* — *бра̏нӣм*), *пи́тах* (*пи́тати* — *пи́та̄м*), и церковнославянскими *моля́ше*, *храня́ше*, *крича́ше* и пр.

Выставленная Даничичем форма преходящего *ку̏пова̄х*— *ку̏пова̄ше*, не согласная ни с неопределенным наклонением *купо̀вати*, ни с настоящим временем *ку̏пуjе̄м*, согласная только с *ку̏повао* и *ку̏повам*, могла произойти из *ку̀повах* (согласно с настоящим временем, хотя не от темы настоящего времени). У Мажуранича согласно с русским *купо̀вах* — *купо̀ва̄ше* — *купо̀вао*, но *купо̀ва̄н*.

Где в сербском настоящее время и неопределенное наклонение имеют одинаковое ударение, там и преходящее (по Мажураничу и Даничичу) имеет такое же: *чу̏jа̄х* (*чу̏jе̄м — чу̏ти*), *вѝђах* (*вѝдӣм — вѝдjети*), *чѐпах* (*чѐпати — чѐпам*), *др̀жах* (*др̀жӣм — др̀жати*), *сла̏вљах* (*сла̏вити*), *дѐjах* (*дѐjити*), *у̏чах* (*у̏чити*), *ка̏jах* (*ка̏jе̄м — ка̏jати*).

В болгарском преходящее, по-видимому, согласуется по ударению с настоящим временем: *бодѣх — бодѣше — бодѣхме — бодѣхте — бодѣху* (*бодѫ́*), *сѣчѣх* (*сѣкѫ́*), *стрижѣх* (*стригѫ́*), *вътѣх* (*вътѫ́*), *пиа́х* (*пиѭ*), *сѣдѣх — сѣдѣше* (*сѣдѭ*), *дръжѣх*, но *шѝjах* (*шѝѭ*), *ѝдѣх* (*ѝдѫ*), *пѝшех* (*пѝшѫ*), *хо́дѣше* (*хо́дѭ*), *ро́нѣше* (*ро́нѭ*), *мо́лѣше* (*мо́лѭ*), *свѝрѣше* (*свѝрѭ*), *цвѝлѣше* (*цвѝлѭ*), *ду́маше*, *ка́раше* (*ду́мам*, *ка́рам*), *хва́таше*, *стѝгаше*, *купу́вах — купу́ваше*, *пѝсувах*, *мѝѧше*(*мы*), *ста́вяше*, *стрѣлѣхѫ*, *грѣѧше*, *по́ѧше* (*поѭ*), *зо́бѧше* (*зобѭ*), *колиха́ше*, *зарѫ́чѣше*, *чу́ѣше сѧ*, *вѝѣше* (*вить*), *бѝѣше*, *тъпчѣше* (*тъпчѭ*), *цъвтѣхѫ*, *влѣче́ше*, *горѣхѫ*, *жьнѣхѫ* (Б е с с о н о в, Болгарские песни, I, 118), *стоѧ́хѫ*.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I

Не могут принадлежать ни к какому разряду [глаголы] с характером -а- в неопределенном наклонении, потому что они также лишены этого характера, как и *млѣти*. Ср. русское *моло-ть*, *боро-ть*.

Великорусское и малорусское *колю́ — ко́лешь — колѝ*, *ко́лючи*, *коло́л* (малорусское *коло́в*) — *коло́ла* и пр., *коло́вши*, *ко́лот* (малорусское *ко́лотий*), *коло́ть* (малорусское *коло́ти*).

Разница между великорусским и малорусским, кроме отмеченного в скобках, только в произношении **ле**, **е**, **и**. Отклоняется от образца глагол *молоть*: в первой теме *мелю́ — мелѝ — ме́лючи*; во второй — *моло́ти* и пр.

Ударение в неопределенном наклонении соответствует сербскому: *кла̏ти*, *мље̏ти*; в настоящем времени — за исключением 1-го лица: в сербском уже в 1-м лице *ко̏ље̄м*, *ме̏ље̄м*. Повелительное наклонение должно бы быть *ко̏љи*, *ме̏љи*, *пље̏ти*, но *плиjѐве̄м*.

II

Глаголы на **-ну-** (Почему начинательный суффикс sc только в некоторых временах — P o t t, Etymologische Forschungen, 627. Обратить внимание на переход **н** в **нѣ** и на разницу. M i k l o s i c h, Vergleichende Grammatik, в. II, 433, где ошибочно...).

Некогда характер **-н-** принадлежал только первой теме (настоящее время, повелительное наклонение, причастие настоящего времени и imperfekt); вторая тема (аорист, причастие прошедшего времени, 1-е и 2-е неопределенное наклонение) вовсе лишена была характера.

Во всех славянских наречиях вторая тема постепенно уступала и уступает место первой. В сербском она сохраняется в большем числе случаев, чем в древних наречиях, не исключая и старославянского.

Именно [здесь] есть значительное число глаголов, удержавших бесхарактерный корень в аористе или в причастиях настоящего времени, или в причастиях прошедшего времени страдательных, или неопределенном наклонении, или в двух-трех, или всех этих формах вместе: *пäсти*(*пäнути*) — *пäднēм*; *сјȅсти* (и *сјȅднути*) — *сјȅдох* — *сјȅо*— *сӥо* — *сјȅднēм*; *срȅсти* и *срȅтох*, *срȅо* = *срӥо* — *срȅла*, *срȅтнēм* (и *срȅтēм*); *кре́нути* (тронуть, поворотить) — *окре́тох* (и *окре́тнух*) — *крêнēм*; *гр̏нути* — *гр̏нēм* — *гр̏тох*; *ки́нути*— *кӣнēм* — *ски́дох*; *ỳгрезнути* — *ỳгрезнēм* — *ỳгрезох* (и *ỳгрезнух*); *прѝвићи се* — *прѝвикох се* — *прѝвикао се*, *прѝвикнēм се* и *прѝвикнути се* — привыкнуть. Литовское nuksti, nukti — исчезать, погибать; *смр̏знути* — *смр̏зох*; *пòбјећи* (*бјȅгнути*) — *бјêгох* — *бје́гао* — *бјȅгнем*; *дӥћи* (двинуть) — *дӥгнути* — *дӥгох* — *дӥгао* — *дӥгнēм*; *вр̏ћи* — *вр̏гох* — *вр̏гао*— *вр̏гнēм*; *досе́ћи* (*сȅгнути се*) — *сȅгох* — *сȅгао* — *сѐгла* — *сȅгнēм се*, *лѐћи* — *лѐгох* — *лȅгао* — *лȅгла* — *лȅгнēм* (и *лȅжēм*); *стӥћи* — *стӥгох* — *стӥгао* — *стӥгнēм*; *тр̏гнути* — *тр̏гнēм* — *тр̏гох* — *тр̏гао*; *за́мћи* (замкнути) — *зӓмкнēм* — *зӓмкох* — *зӓмкао* или *смӓћи* — *смӓкнēм* (принять; отодвинуть); *òбићи се* (привыкнуть) — *òбикох се* — *ȍбикао се* — *òбикнем се*; *ỳмући* (и *ỳмукнути*) — *ỳмукох* — *ỳмукао* — *ỳмукнēм*; *клȅћи* — *клȅкнути* — *клȅкла* — *клȅкао* — *клȅкнēм*; *клӥћи* (клӥкнути)— *клӥкох* — *клӓкао* — *клӥкнēм*; *улѐћи се* (*улѐкнути се*, уклониться) — *ỳлекнē се*; *мȁћи* (мȁкнути) — *мӓкнēм* — *нӓмакох*; *смр̏ћи се* (смр̏кнути се) — *смр̏кло се* — *смр̏кнē се*; *нӥћи* (нӥкнути) — *нӥкох* — *нӥкао́* — *нӥкнēм* (progermino); *нӱ̏ћи* (нӱ̏кнути) — *нỳкох* — *нӱ̏кнēм* (взводить ру-

жье); *цр̏ħи* (цр̏кнути) — *цр̏кох* — *цр̏као* — *цр̏кнēм* (лопнуть, треснуть; пропасть); *пр̏снути* — *пр̏ском* (*пр̏скнух*) — *пр̏скао* — *пр̏сла* (*пр̏снуо* — *пр̏снула*) — *пр̏снēм* (лопнуть, треснуть); *тӥснути* — *тӥскох* (*тӥснух*) — *стӥскао* —*стӥсла*; *свӥснути* — *свӥскох* — *свӥскао* — *свӥсла* (лопнуть, треснуть); *издàхнути* — *издàхох* (и *издàхнух*); *усàхнути* — *усàхох* (*усàхнух*) — *усàхла* — *усàхло* (*усàхнуло*) — *ỳсахнēм*; *пòгинути* — *пòгибох*; *ста̏ти* — *ста́том* — *ста̏нēм*; *дјѐсти* (*òдети*) — *дјѐнēм* и *дјѐдēм*.

Изредка попадаются и причастия страдательные от чистого корня: *поприджен*, *раскиден*, *стиснен* (Миклошич). Рядом с этим есть и спряжение, в котором -н- проходит через все формы, что отчасти видно из отмеченного в скобках. Старославянское здесь новее в том отношении, что хотя в нем глаголы этого класса с корнем на согласную иногда образуют от чистого корня оба аориста (*двигъ* — *двиговѣ* — *двигомъ* и *двигохъ*), причастие прошедшего времени (*двиглъ*), причастие прошедшего времени страдательное (*движенъ*), но только весьма немногие лишены характера и в неопределенном наклонении: таковы, между прочим, *ста́ти* — *ста́нѫ* и некоторые др. (M i k l o s i c h, Vergleichende Grammatik, B. III, 131).

В польском многие глаголы из рассматриваемых не имеют характера в деепричастии прошедшего времени и в причастии на -лъ или только в тех формах этого причастия, которые были бы прилагательными, если бы имели -нѫ- (gwiznął, gwizła — ibid., 504). Сверх этого некоторые глаголы не имеют -нѫ- и в неопределенном наклонении: *ciec*— *cieknę* и менее употребительное ciekę, lec (от ledz) — legł— legnę (лягу), biec — biegł — biegnę (реже разноспрягаемые, как в русском biegu — bieżysz), prząć — zaprzągł — zaprzęgnę, rzec — rzeknę — peky; lęc — lęgł — lęgnę (реже lągł), grząść — ugrzązł — grzęznę.

Все эти глаголы и в настоящем времени принадлежали некогда только к классу *пеку*. Сколько известно, единственные во всех славянских наречиях примеры обратного перехода представляют польские giąć и spocząć. Эти поздние образцы возникают в силу ошибочной аналогии с глаголами, как *жѧти*: если при żnę неопределенное наклонение ząć, то gnę (гънѫ из гъбнѫ, pocznę (по-чи-нѫ̆), откуда и **почьнѫ*)— giąć, spocząć. В чешском и словацком от глаголов с корнем на согласную и с характером -и- в неопределенном наклонении до настоящего времени употреби-

тельны бесхарактерные формы, как trh, trhši, trhsě, trhl (словацкое tuhol) — tržem, но они вытесняются формами с -**ну**-: tuhnuo — tuhnul — tuhnut. В старинном языке встречается и несколько глаголов неопределенного наклонения без -**ну**-: leci (новое lehnouti), dosici (= dosahnouti) — dosahnu, zapřici (zapřahnouti) — zapřahnu, употребляющихся и теперь (H a t t a l a, Srovnávací mluvnice, 282).

Блеснуть, пискнуть, тиснуть, плеснуть, плюснуть, полоснуть, сверкнуть, трес476нуть, дернуть, двинуть, брызнуть, тронуть, продрогнуть, дрягнуть, лягнуть, мерзнуть, прыгнуть, пугнуть, ругнуть, стегнуть.

Великорусское *зя́бну* (мерз) — *зя́бни* (зябнешь) — *зя́бнучи — зя́бши — (о)зя́б — (о)зя́бла — зя́бнуть*; *дви́нувши— дви́нул — дви́нут.*

Не имеют характера -**ну**- в деепричастиях прошедшего времени и причастиях на -**лъ** только глаголы предложные с корнем на согласную, не опускаемую перед -**н**-, и с ударением на корне: *погиб — погибши, озяб, окреп, прилип, осип, ослеп, охрип, поблек, обрюзг, отполз, привык, оглох, продрог, издох, опух, засох, достиг, иссяк, притих, потух, зачах, повис, увяз, погас, погряз, прокис, воскрес, замерз, исчез.* Без предлога: *ки́снул, ме́рзнул* и пр.

В этих глаголах и некоторых других формы на -**нувши**, -**нул** менее или вовсе неупотребительны.

Из глаголов, опускающих согласную перед -**н**-, очень немногие (у Павского только два) не имеют характера в упомянутых формах; *(за)вя́вши, завя́л* при *вя́ну* (корень **вѧд**); *засты́вши — засты́л — сты́ну* (корень **стыд, студ**); *поги́б* имеет при себе не *ги́нуть*, которое тоже употребительно, а *ги́бнуть.*

Остальные с корнем на гласную или опускающие согласную имеют только -**нувши**, -**нул**: *гря́нул* (гром), *пря́нул* (пред), *гля́нул* (глед), *ки́нул* (кид), *тро́нул* (трог), *трѣ́снул* (трѣск), *ка́нул* (кан), *сви́снул* (свист). По этим образцам — два глагола с корнями на гласную: *ду́нул, ри́нул* (*су́нул, клю́нул,* в коих нет нужды предполагать опущение **в**), и все с ударением на -**ну**-, все равно, опускают ли они согласную перед -**н**- или нет: *гьнул* (гьб), *прильну́л* (льн), *усну́л* (сън), *утону́л* (тон), *тяну́л* (славянский корень *тѧг*, неорганически образованный из *тан*, санскритское *тано̂ти* из *тан-но̂ти*, тянешь, растягиваешь), *верну́л* (врьт), *окуну́л* (кун); *помяну́л* (мѧ, мьн), *толкну́л* и т. п. *Усо́пший, уто́пший* — архаизмы, сохраненные книжным путем.

Неопределенное наклонение не имеет характера только в двух глаголах: *стать — ставши — стал — стану, деть — девши — дел — дену.*

Причастий прошедшего времени страдательных без характера (как *согбен, движен*) в живом языке не заметно, а есть образованные от них архаические и книжные формы: *движение, протяженный — протяжение, восторженный, достижение*; народная: *привычный.*

Заимствованы из церковнославянского книжные формы, предполагающие причастия на **-новенъ**: *дуновение, усекновение.*

Сокращают **-и** в **-ь** в повелительном наклонении по образцу *глянь* глаголы на гласную ударяемую (*стань, дунь, плюнь*) и на одну согласную, опускаемую перед **-н-**, если ударение на коренной гласной (*вянь*, но *свисни, трѣсни*).

Из того, что опущение характера **-ну-** в известных формах возможно только в глаголах с ударением на корне, не следует, что все глаголы с ударением на характере **-ну-** новее тех, которые имеют ударение на корне. Однако эти последние образуются только от чистых корней с основною или ослабленной гласной (*сóхнуть, глóхнуть* — церковнославянское *съх, глѫх*), между тем, как между первыми есть и глаголы, в коих характер **-н-** присоединяется к другому классовому характеру: *рванýть, зѣвнýть* (от *зѣвáю*, в коем **а** опущено, а эвфоническое **в** осталось), *махнýть* (**х** — эвфоническое **в** *махáю* = (*по*)*мавáть, вихнýть*, малорусское *вихáти*), *колебать, качать*, корень **ви-** — польское wywijać (шевельнуть, гульнуть).

Малорусское *мéрзну — мéрзни — мéрзнули* (*мерзши*) — *мéрзнучи* — (*з*)*мéрзши — мéрзла, глянувши — глянув—глянь, пригóрнутий.*

«Він, як муха в зіму, слиз» (К о т л я р е в с к и й, 32), «Из-за гори два соколи лене́» (Гродненская губ., Кобринский у., село Озяты — Сборн. Сев.-зап. кр., 16) = *летать*; Сокол говорит: «Ой лісу, лісу... Через тебе лену, крыльцем не тену, Крыльцем не тену (корень тен-), пирцем не рухну» (ibid., 87). *Поглинуть* (глотать) (Черниговская губ.: здесь **ы** и **и** различны).

-И в повелительном наклонении сокращается при тех же условиях, как и в великорусском *уплúнь, полúнь* (из *полетнú, поленú*) и «прилені́» (М е т л и н с к и й, 60), *захолóнь, в'янь, стань, дінь* и т. п.

Неизменность характера -**ну**- в деепричастии прошедшего времени и в причастии на **лъ**-: *згиб*, *прилип*, *осліп*, *охрип*, *привик*, *здох*, *смерклось*, *змок*, *замовк*, *запах*, *засох*, *затих*, *затух—затухне*, *в'яз*, *гас*, *пас*, *крес*, *мерз*, *щез*, *зав'яз*, (*за*)*холов* (холонув), *застиг* (корень **стид**), *простяг* и *протяг*, *одя́гшись* — *одягся* (одягну), *поблід* — *поблідла*, *став*, *плив* («Плив, плив, плив він, що аж обридло, І море так йому огидло, Що...» — Котляревский, 8).

Не имеют -**ну**- в неопределенном наклонении *тягти́—тягну́*, *заме́рзти* — *заме́рзну*, *сти́гти—сти́гну* (стид), *одягти́* — *одягну́*, *ста́ти* — *ста́ну*, *ді́ти* — *ді́ну*, *досягти́* — *досягну́*, *здо́хти* — *здо́хну*, *зустрі́ти* — *зустрі́ну*.

УДАРЕНИЕ В СКЛОНЕНИИ

УДАРЕНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

I. СКЛОНЕНИЕ 1-е

§ 1. ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА

1. Малорусским и великорусским существительным односложным в именительном падеже, сохраняющим ударение на первом слоге в родительном падеже единственного числа, соответствуют сербские:

а) С ^ в именительном падеже единственного числа сохраняющие то же ударение в родительном падеже: *сӣн — сӣна, дӯб — дӯба.*

б) С ^ в именительном падеже и с ‵‵ на первом слоге в родительном падеже: *бо̑к — бо̏ка, гно̑ј — гно̏ја.*

в) С ‵‵ на том же слоге в именительном и родительном падеже: *бра̏т — бра̏та.*

· Сюда следует отнести русские двухсложные полногласные существительные, коим соответствуют сербские односложные.

Эти двухсложные служат чуть ли не единственным доказательством, что в русском была некогда разница между ^ и ‵‵. Словам с ^ соответствуют русские с ударением на первом слоге (*вла̑с, гла̑д, гла̑с, жле̑б, кла̑с, сла̑д, хла̑д, вра̑г* (ошибочно у Лавровского *вра̏г*), *вра̑н, вра̑т, гра̑д, пра̑х, сра̑м, бре̑г, бре̑ст*), а сербским с ‵‵ — русские с ударением на втором слоге (*вла̏х, гра̏х, мра̏з, пра̏м, пра̏г*).

2. Малорусским и великорусским двухсложным с одинаковым ударением в именительном и родительном падеже единственного числа соответствуют:

а) Сербские с ^ на первом слоге и второю беглою гласною: *бӯбон — бӯбна.*

аа) Сербские с ^ на первом слоге и второю постоянною гласною: *та̑бор*.

б) С ̏ на первом слоге и второю гласною беглою: *вје̏тар — вје̏тра*.

бб) с ̏ на первом слоге и второю гласною постоянною: *го̏луб*.

в) С ̏ на первом слоге в именительном падеже и ^ на первом слоге в родительном падеже и второю беглою гласною: *ста̏рац — ста̑рца*.

г) С ̀ на первом слоге в именительном и родительном падеже: *јѐлен*.

д) С ′ на первом слоге: *за́клад, за́кон, за́лив, за́лог*.

В первых трех случаях русское ударение на первом слоге, во вторых — на втором.

3. Образцы многосложных с одинаковым ударением в именительном и родительном падеже: *та̀тарин, госпо̀дин, црно̀горац, вла́далац — вла́даоца*.

Русским с ударением в родительном падеже на конце соответствуют:

Односложные:

а) ^ в именительном падеже, ′ в родительном падеже: *дво̑р — дво́ра*.

аа) ^ в именительном падеже, ̀ в родительном падеже: *во̑л — во̀ла*.

б) ̏ в именительном падеже, ̀ в родительном падеже: *сно̏п — сно̀па*.

Двухсложные:

а) ̀ на первом слоге в именительном и родительном падеже: *о̀гањ — о̀гња*.

б) ̀ на первом слоге в именительном падеже и ′ в родительном падеже: *о̀вас — о́вса*.

в) ̀ на первом слоге в именительном падеже и на втором слоге в родительном падеже: *жѝвот — живо̀та*.

г) ̀ на первом слоге в именительном падеже и ′ на втором в родительном падеже: *ру̀кав — рука́ва*.

д) ′ на первом слоге и в именительном и в родительном падеже: *пе́так — пе́тка*.

В русском полногласные слова этого разряда (т. е. имеющие ′ в сербском на первом слоге), по-видимому, отличаются от имеющих в сербском ̀: ср. *гла́сак — кла́сак, ла́дак* (холодок), *прѝтак, вла́так* (волото́к); *вла́сац, бра́вац, гра́дац, вра́нац, вра́бац, ждриjѐбац* и с другой — *гра̀шак* (от *гра̏х*) — *горо́шек*. Такого различения не следовало бы

ожидать, потому что по правилу сербскому ` на первом слоге и сербскому ʹ на первом должно бы одинаково соответствовать русское ударение на втором.

Однако *грȁшак = горóшек* не есть единственный случай удержания в русском производном слове ударения на том же слоге, на котором оно стояло, и изменения в сербском этого ударения (ˮ) на менее тяжкое (`): ср. *брѐзица, клàдица, крàвица, мрѐжица, трѐшњица, брѐзов, грàов, крàстов, трѐшњов.*

Многосложные:

а) На втором слоге в именительном падеже `, а на третьем в родительном падеже ʹ (ср. выше г): *госпòдар — господáра.*

§ 2. ЗВАТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

Малорусское народное, сохранившее в единственном числе звательный падеж, сберегло и свойственное этому падежу ударение. В санскрите звательный падеж всех трех чисел имеет ударение на первом слоге, переносит на него ударение, если в именительном и других падежах оно стояло на втором слоге или на следующих. Так, именительный падеж единственного числа *пита̂', ма̄та̂',* звательный *пúтар, мâ'тар*; именительный падеж множественного числа *питáрас, матáрас,* звательный *пúтарас, мâ'тарас.*

Остатки подобного явления сохранились и в греческом; ср. звательный падеж πάτερ, μῆτερ с винительным πατέρα, μητέρα (санскритское *питáрам, матáрам*).

В сербском для ударения в звательном падеже следующие правила:

а) Слова с ̑ или ˮ на первом слоге в родительном падеже в звательном этого ударения не меняют.

б) Имеющие в родительном падеже единственного числа ʹ или ` на первом слоге в звательном падеже изменяют ʹ на ̑, ` на ˮ; *кра̑љ — крàља* — звательный падеж *крàљу,* именительный падеж множественного числа *крáљи* — звательный *кра̑љи*; *јéлен — јéлени,* звательный падеж *јѐлене* (так по Мажураничу, у Даничича *јѐлене*); множественное число и именительный падеж и звательный *јѐлени*; *пȍп — пóпа — пȍпе,* именительный падеж множественного числа *пóпи* (звательный не знаю); *óтац — òца—*

оче, множественное число именительный падеж *оци* (звательный не знаю); *орло — орла* (звательный падеж должен быть *орле*).

в) Имеющие в родительном падеже единственного числа ʹ на втором слоге получают в звательном падеже единственного и множественного числа более тяжкое ударение (ʺ) на первом: *ра̄ч — орáча*, звательный падеж *о̏ра̄чу*, именительный падеж множественного числа *орáчи*, звательный падеж *о̏ра̄чи*.

г) Имеющие в родительном падеже единственного числа ʹ на третьем слоге в звательном падеже получают менее тяжкое (ˋ) на первом: *погàђа̄ч — погађáча*, звательный падеж *пòгађачу*. Не можем решить, есть ли штокавское ударение звательного падежа **в**) и **г**) исконное, или же оно позднейший результат свойственного этому наречию стремления передвигать ударение к началу слова. По-чаковскому должно быть вместо штокавского *ора̄ч — орáча, госпòда̄р — господáра*, как по-русски *орáч — орачä, господáр — господарä*.

Будет ли и при таком ударении родительного в звательном падеже ударение стоять на первом слоге?

В малорусском все имеющие в родительном падеже единственного числа ударение на последнем слоге в звательном переносят это ударение на п р е д п о с л е д н и й. Дальше ударение не заходит: *корóлю, пóпе, óтче, óрле, сокóле* (и *сóколе* — от *сóкiл*), *солóв ю, богáтирю, богáчу, козáче, молóдче, шинкáрю, ковáлю, Сíрку, чередни́че*. Исключения: *си́ночку, пáночку* (если от *синóчок, панóчок*).

При других условиях ударение в звательном падеже на том же месте и, по-видимому, то же, что в именительном падеже. Во множественном числе разница между именительным и звательным падежами потеряна.

§ 3. ПРЕДЛОЖНЫЙ ПАДЕЖ ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА

а) Разница с великорусским в таких случаях, как *на двóрi*.

б) В малорусском предложный падеж на -у отличается ударением от подобно-звучного дательного или родительного: 1) во всех односложных в именительном падеже единственного числа; 2) в двухсложных с ударением в именительном падеже на первом слоге. В двухсложных с ударением на втором (*горóд*). [В] имеющих ударение на втором, а

равно (и в тех, которые имеют ударение на первом) — в словах с суффиксами **-ко**, **-ик**, **-ок** ударение не изменяется: *у Дунáю, у зáмку, у бáтьку*.

Трехсложные с неизменным ударением в предложном падеже в других падежах не изменяют ударения, и в этом великорусский язык отличается в этих случаях от малорусского не ударением самим по себе, а тем, что имеет окончание -у с ударением там, где малорусский имеет -і без ударения (малорусское *увéчері*, великорусское *ввечерý*, малорусское *у гóроді*, великорусское областное *в городý*) и -ѣ неударяемое там, где в малорусском -у неударяемое: малорусское *у вінóчку*, великорусское *в венóчкѣ*.

Перенесению ударения на -у в предложном падеже в сербском соответствует частью ослабление ударения ̑ на ́ , ̏ на ̀ (в односложных в именительном падеже единственного числа и в двухсложных со второю беглою), частью его ослабление и перенесение на следующий слог (в двухсложных без беглой гласной).

Явления этого не заметно:

а) В односложных с неизменным более тяжким ударением в именительном и родительном падеже: *брȁт — брȁта — брȁту*.

б) В тех, которые уже в родительном падеже единственного числа имеют ́ , а не ̀: *нȏж — нóжа, рȏб — рóба; jѐлен — jéлена, ѐрач — орáча*; предложный падеж *jéлену, орáчу*.

Зато в о д н о с л о ж н ы х:

а) Во многих, имеющих в именительном и родительном падеже ̑ : *стȃдо — стáда*, предложный падеж *стàду*; *гнȏj — гнȍjа*, предложный падеж *гнòjу*.

б) Во многих, изменяющих в родительном падеже ̑ на ̏ , а в звательном падеже на ̀: *дȏм— дȍма*, предложный падеж *дòму*.

В д в у х с л о ж н ы х:

в) В некоторых с ̏ в именительном и родительном падеже, но со второю беглою гласною: *вȍсак — вȍска*, предложный падеж *вóску*.

г) В некоторых с ̏ в именительном и родительном падеже и без беглой гласной: *гȍвор — гȍвора*, предложный падеж *говòру*; *рȁзум*, предложный падеж *разýму, слȕчаj — случájу*.

О м н о г о с л о ж н ы х ничего не скажем.

Ясно, стало быть, что русское перенесение ударения на -у в предложном падеже имеет доисторические основания.

§ 4. ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА

В малорусском ударение переносится на последний слог, т. е. на окончание -**и**.

а) Во всех, имеющих ударение на конце в родительном падеже единственного числа (*очеретá, бур'янú, козакú* — великорусское и литературное *казáки*). Исключений мало: общерусские *кінь — коня́* — именительный падеж множественного числа *кóні* — родительный *кóней — кóнями — кіньми — кóнях*; исключительно малорусское *грóш — грóша — грóшу, по грóшу, грóші — грóшей — грóшам — грішми — у грóшіх, грóшах. Штанú*, но *у штáнях*; *час — часá* и *чáсу*, но *чáси* (=времена: «у останні чáси», «за давніх чáсів» — К в. - О с н., I, 85); *пісóк — піскý — піски— піскíв — піскáм* и пр.; *васúльки* (растение) не есть неправильность: именительный падеж единственного числа *васúльок—васúлька—васúльочок*; *молодéць—молодця́—молодцí*, но «дóбрі молóдці», «хлóпці молóдці»; *гребéць — гребця́ — гребцí* и *грéбці*; *рукавéць — рукавця́*: «Я вúшию, вималюю милому рукáвці» (рифма: «пья́льці» — М е т л и н с к и й, 20). Ср. «Ой вишию... рукáвця» (рифма: «пья́льця» — ibid., 21).

«Аж човнú на морі тряслись» (К о т л я р е в с к и й, 28); «Вертілись чóвни, мов дурні» (ibid.,); «швидко поробивши чóвни» (ibid., 1); «човнú Троянські» (ibid., 45); ibid., 46: «чóвни» (одним словом — по требованию размера), «човнíв» (ibid., 47).

б) Во всех остальных с ударением на первом слоге в родительном падеже. Исключения — частью только малорусские, частью — общие, частью только великорусские.

И с к л ю ч и т е л ь н о м а л о р у с с к и е: *бóки* — «в бóки» (Г р е б е н к а, 13); «з трех бóків» (К у л и ш, I, 279); *гóдів п'ятнадцять*; *дзвóни, жáрти* — «жáртів» (М е т л и н с к и й, 49; К в. - О с н., I, 56); *кумú* и *у кýми, кýмами* (мужской род); *рóків зо два*; «п'ять плýгів» (Г р еб е н к а, 27); «зеленії лýги» (К у л и ш, II, 99); «скáрби» (ibid., I, 225); «підняли снóпи» (К в. - О с н., I, 133); «рóги» (К у л и ш, I, 306) (виставив рóги); «пáни» (ibid., I, 136 — обыкновенно *панú*); *ýси — ýсам — в ýсах.*

О б щ и е м а л о р у с с к и е с в е л и к о р у с с к им и: *на віки—віків, рáки—рáків, зýби—зубів, звірі*—«звірів» (К у л и ш, II, 31, но ibid., 32 «звірí»); *гóсті — гостéй.*

Исключительно великорусские *бо́ги* (малорусское *богй*), *дру́ги*, *све́ты*, *че́рти* (малорусское правильно и по окончанию: *чортй*), *во́лки*, *во́ды*, *го́ды*, *ро́ды*, *тру́пы* (может быть, так и в малорусском), *до́ми*, *гро́мы*, *до́лы* и др.

в) Во всех двухсложных с постоянным ударением на первом слоге: *городй*, *ба́тько — батькй*, *кремені* (*кре́мінь—кре́міня*).

Исключаются в малорусском: аа) Многие на **-ик**: *віники*, *во́лики*, *гро́шики*, *до́щики*, *ко́ники*, *бу́блики*, *му́цики*, *цу́цики*, *дзво́ники*, *столйки*, *ко́шики*, *пря́ники*. Так и в великорусском. Однако в малорусском *пра́ник — праникй*, *мйсник — мисникй*, *візнйк — візникй*.

бб) Многие на **-ець**: *бра́тець*, *хло́пець — хло́пці*, *пра́нці*, *ла́нець — ла́нці*, *па́лець*. Так и в великорусском, но в малорусском «ста́рці» (К в. - О с н., I, 78) и *старці*.

вв) Некоторые на **-ок** с постоянным ударением на первом: *за́мки*, *ту́рки*. Так и в великорусском. *Про́мінь* — «про́міні» (К в. - О с н., I, 30), *по́води*, *со́боль*—звательный падеж *со́болю*; «со́болі» (М е т л и н с к и й, 322, Шклов.).

Правило под **в**) для великорусского совсем не годится, потому что в нем перенос ударения на окончание именительного падежа множественного числа **-и** (а не собирательное **-а**, **-ья**) есть исключение: *го́луби*, а не как по-малорусски *голубй*.

Не переносится ударение на окончание именительного падежа множественного числа в малорусском:

а) Во всех двухсложных с постоянным ударением на втором слоге. Ср. *го́род — городй*, но *горо́д — горо́ди*; *ячмі́нь — ячме́ню — ячмені*.

б) Во всех трех- и четырехсложных с постоянным ударением: *суходо́ли*, *огіро́чки*, *барві́ночки*.

Таким образом, если не брать во внимание исключений, везде, где в малорусском не переносится ударение на окончание именительного падежа множественного числа, там не переносится оно и в великорусском, но не наоборот. Великорусский ставит ударение на **-а́** в окончании собирательных, исключая имена на **-ин**, **-анин**, **-арин**; иногда **-ья** (*зятья́*, *кумовья́*). Где в малорусском есть эти окончания, там и они принимают на себя ударение.

Другие падежи множественного числа вообще сохраняют ударение именительного падежа множественного числа. Для родительного падежа множественного числа исключение: великорусское *во́лка*, но *волко́в*.

В сербском не видно оснований русским переходам ударений в именительном падеже множественного числа и вообще во множественном числе. Сербохорватское изменение ударения в родительном падеже множественного числа во всех тех случаях, где усиливается ударение единственного числа (*о̀тац — о̀ца*, родительный падеж множественного числа *о̏та̂ца*), не подходит к русскому (*отца́ — отцо́в*), не говоря уже о различии окончаний.

II. СКЛОНЕНИЕ 2-е

1. Русским двухсложным с неизменным ударением на первом слоге во всем единственном числе соответствуют сербские:

а) с ^ на первом слоге: *ме̑со*.

б) с \`\` на первом слоге: *по̏ле*.

К этому разряду принадлежат: сербские трехсложные с **иje**, происшедшим из разложения **ѣ** (си̏jено = се̑но = сѣно) и русские трехсложные полногласные (с **оро**, **оло**, **ере**, происшедшим из разложения **ра**, **ла**, **рѣ**) с ударением на первом или втором слоге: сербские *бла̑го*, *зла̑то*, *дре̑во*, *цри̏jево* (у Караджича *цриjѐво = цре́во*), *бла̏то*. Русскому переходу ударения на втором слоге во множественном числе соответствует сербское изменение ^ в ′ и \`\` в \`: *си̏jено = се̑но = сѣно = сíно*, но множественное число *сиjѐна = се́на = сiна́*; *по̏ље = по́ле*, множественное число *по̀ља* (родительный падеж *по́ља̄*, дательный-творительный-предложный *по̀љима*) = *поля́* и т. д.

Не можем сказать, составляет ли этот переход правило в сербском, так как в Словаре Караджича переходы ударения в этих именах не отмечены. Верно только, что есть имена, не изменяющие ударения: *бр̑до* — множественное число *бр̑да* — родительный падеж *бр̑да̂*.

Так и в малорусском рядом с *жита́*, *жнива́*, *дива́*, *хутра́*, *проса́* встречаем *пу́та* («На коники пу́та» — песня), *ли́ка*, *свя́та*. *Боло́то* (бла́то) должно бы иметь *болота́*, но в песне — *боло́та* рифмуется с *воро́та*; *де́рево* (дре́во) должно бы иметь *дерева́*, но употребительнее и в малорусском собирательная форма *дере́в'я*. Великорусское *дрова́* оправдывается сербским *др̀ва* — родительный падеж *др̑ва*, а малорусское *дро́ва* — народное. *О́ко*, *у́хо* имеют согласно с сербским *о́чи*, *у́ши* (сербское *о̏ко*, *у̏хо*, множественное число

ӯши, родительный падеж *ӯшā* (= *ушéй*) — *ӯшиjу*; *ȍчā* — *ȍчиjӯ*). *Перéвесла, бéльма.*

2. а) Русским трехсложным с ударением на первом слоге соответствуют сербские с ̏ на первом слоге: *jȅзеро, прȁвило, кȍљиво* (кутья на похоронах). Изменяет ли в сербском слово *jȅзеро* свое ударение во множественном числе — не знаю. Великорусское и малорусское *озéра*, малорусское *кóлесо*, великорусское *колесó*; множественное число, вероятно, и в малорусском — *колéса*: в сербском нет соответствующей формы. Великорусское *воротá* соответствует сербскому *врáта*, а малорусскому *ворóта* — нет.

б) Русским трехсложным с ударением на втором слоге = сербские трехсложные с ̀ на первом: *кòљено, кòпито, òрудциjе, òрӯжjе, кòрито*. Сербский родительный падеж множественного числа *кȍљена, кȍрита* не находит соответствия в русском: *коры́т, колéн* (*кори́т — колíн*).

в) Русским трехсложным с ударением на третьем слоге: *помелó*.

3. Русским двухсложным с ударением на втором слоге соответствуют сербские:

а) с ́ на первом слоге: *ви́но*.

б) с ̀ на первом слоге: *сèло*.

Сюда относятся сербские трехсложные с **иjе** из **ѣ** (*ждриjèло* = малорусскому *жерелó*) и русские трехсложные полногласные: *длjèто* = *длéто*; великорусские *долотó, плáтно, млéко, срéбро*.

Русскому переходу ударения во множественном числе на первом слоге соответствует сербское усиление ́ в ̑ (*гóвно* — множественное число *гȏвна*) и ̀ в ̏: *бèдро* — множественное число *бȅдра* — родительный падеж *бȅдāрā*. В сербском этот переход, по-видимому, довольно распространен.

Малорусскому множественному числу *черéсла, полóтна* должно бы соответствовать в сербском изменение ̀ в ̏, но так ли это? Малорусское *жерелá*? Русское *плечé*, великорусское *плечó* — множественное число *плéчи*, сербское *плèħе — плȅħи*.

В звательном падеже единственного числа ни сербские, ни русские ударения не усиливают и не изменяют, потому что звательного падежа в средних именах нет и не было.

III. СКЛОНЕНИЕ 3-е

§ 1. СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ С НЕИЗМЕННЫМ УДАРЕНИЕМ В ЕДИНСТВЕННОМ ЧИСЛЕ

1. Двухсложным русским с неизменным в единственном числе ударением на первом слоге соответствуют сербские:

а) сербские с ^ на первом слоге: *пра̑вда*,

б) сербские с ̏ на первом слоге: *ри̏ба*.

Сюда же русские трехсложные полногласные с ударением на втором = сербским: *вла̏га, кла̏да, сла̏ма, вра̏на, дра̏га* (= *долина*, но первоначально одно с нашим *доро́га*), *кра̏ва, кра̏ста, пле̏ва* (= *поло́ва*), *бре̏за, мре̏жа*; *сторо́жа* = сербскому *стра̑жа*; *чере́шня*.

В сербском единственное в именах а) и б) изменение ударения имеет место в родительном падеже множественного числа: *ди̏ња* — родительный падеж множественного числа *ди̑ња̄*, *ви̏шња* — родительный падеж множественного числа *ви̏шања, пље̏тва* — *пље̏та̄ва̄*. По двум последним образцам изменяются имена, имеющие перед конечным -а стечение согласных.

В малорусском переносят ударение на второй и третий слог во множественном числе:

а) Весьма немногие с одной согласною перед -а: *ба́ба* — *баби́* — *ба́б* — *баба́м* — *баба́ми* — *баба́х*; *сви́та* — «у свита́х» (Кв. - Осн., I, 114).

б) Многие с двумя и тремя согласными перед окончанием именительного падежа единственного числа: *скі́рта* — *скирти́, пла́хта* — *плахти́* — *плахо́т* — *плахта́м* — *плахта́ми* — *плахта́х* (но *кри́хта*, множественное число *кри́хти* — «кри́хот» (Кв. - Осн., I, 71); *це́рква* — *церкви́* — *церко́в*; *кро́ква* — *крокви́*; *мо́рква*; *ша́бля* — *шаблі́* — *шабе́ль* — *шабля́м* — *шабля́х*; *пісні* — *пісе́нь* и пр.; *відьми́* — *відьо́м*, но «ві́дем» (Кулиш, II, 42); *балки́, баньки́, брівки́, дошки́*, «до шапо́к квітки́» (Кв. - Осн., I, 9); *ворожки́, дорожки́, скриньки́* (см. ниже трехсложные с ударением на предпоследнем); *качки́, люльки́, голки́, жертки́, низки́, миски́, ложки́, діжки́, гречки́, стрічки́, хустки́, шпильки́, жінки́, тріски́, скалки́, віжки́, сватки́, піски́* — *піска́ми, мамки́, няньки́*.

Однако: «хма́рки» (Кв. - Осн., II, 8); «ни́ток» (ibid., I, 34); *ду́мки, дру́жки* (от *дру́жка*; от *дру́жко* — *дружки́*), *ла́ски, ря́ски*; как будет от *пу́тря, пе́тря, се́рга, че́рга*,

гребля, капля, кропля, сопля, правда, довбня, вишня, (вишень); *служба, прозьба, грозьба, вовна? Лайка, бійка, сварка, спорка*, «суча дочка» (Котляревский, I), *тканка* («тканку» — Метлинский, 266). *Сукня — суконь.*

Это изменение исключительно малорусское и не находит оправдания ни в великорусском, ни в сербском.

2. Трехсложные с постоянным ударением на первом слоге соответствуют сербским:

а) с ̑ на первом слоге: *цр̑квица*;

б) с ̏ на первом слоге: *jȁгода, књȉжица* (п. b. — *ягід*).

Сюда относятся малорусские, не находящие соответствия в сербском.

Немногие трехсложные на **-ина**: *дівчина* (и *дівчина*), *рибчина, царина, Брянщина* («Брянщини» — Кулиш, I, 56), *панщина*.

Часть имен на **-иця**: *терниця, орлиця* (сербское *гр̏лиця*), *винница* (Беринда, стр. 14), *гірниця* («гірницях» — Кулиш, I, 15), *п'яниця, палиця, буквиця* (pirum), *китиця, стрелиця* («стрелицю»: жидкий, узкий? лесок — Кулиш, I, 105), *улиця, ратиця* (копыто вола).

Часть имен на **-ка** с предыдущею согласною несмягченною: *в'язанка, схованка, крашанка, писанка, складанка, сакавка* (Беринда, стр. 151), *сажавка, ящурка* (Беринда, стр. 274: *ящорка*), *церковка, кроковка, морковка, табелька, бурульки*, «мотузки» (Кв.-Осн., I, 8); *матірка* (cannabis), *мотузками* (ibid., 179), *вигадка, знахурка, ластівка, ляхівка* — род узора; все трехсложные на **-очка, -ечка** от перечисленных выше на **-ка** и вообще все трехсложные на **-очка, -ечка**, образованные из двухсложных от первообразных на **-а**, какое бы ни было ударение этих последних: *зоря — зірочка, бджола — бджілочка* и т. д.

Все трехсложные на **-онька, -енька, -інька**: *брівонька, гіронька, кізонька, зіронька, рученька, ніженька, матінька, утінька, п'ятінька.*

Все эти на **-ка, -очка, -ечка, -онька, -енька, -інька** отличаются от соответствующих великорусских тем, что в именительном падеже множественного числа принимают ударение на **и** и оставляют это ударение на том же месте в остальных падежах: *хусточки, ніжечки, слізоньками* (однако: «іграшки» — Кв.-Осн., I, 7).

3. Четырех- и пятисложные с посто-

янным ударением на третьем слоге от конца. В малорусском:

а) Часть имен на -**иця**: *шйбениця, потйлиця, метéлиця, помййниця, ожелéдиця, гололéдиця, оковóтиця* («околóтиці»: околиця — Кулиш, II, 42).

б) Часть имен на -**ина**, особенно предполагающих прилагательные на -**ський**, -**цький**: *розвідина, одвідина*, ср. сербское *дòмовина*, «хуртóвина» (Гребенка, 21), *колїївщина, кумівщина* («кумівщини» — Кулиш, I, 56), *Москóвщина, хмельнйщина, козáччина, Німéччина, Турéччина, вишйванка*.

в) Все четырех- и пятисложные на -**очка**, -**ечка**, -**онька**, -**енька**, -**інька** от трехсложных с ударением на предпоследнем: *голýбочка, неділечка, громáдонька, порáдонька, черéшенька, голýбонька, субітонька, неділенька, матýсенька, жалібнйченька, дитйночка*.

Однако: *деревéнька, конопéлька, головéнька, земéлька, потебéнька, витребéньки* («Кислиці, ягоди, коржі і всякі разні витребеньки» — Котляревский, 39) сюда не идут, потому что образованы от имен с ударением на конце. Точно так же и все от имен с ударением на третьем слоге от конца. Эти последние сохраняют ударение своих первообразных: *мáтіночка, вишйваночка*. Все указанные под **б**) редко встречаются во множественном числе и, по-видимому, отличаются от соответствующих трехсложных тем, что не переносят ударения на последний слог в именительном падеже во множественном числе: «з галýшечкамй» (Кв.-Осн., I, 50), *черéшеньки*.

4. Русским трехсложным с ударением на втором слоге = сербские:

а) с ´ на первом слоге: *вáрница*,

б) с ´ на первом и ⁀ на втором слоге, т. е. вторым долгим: *Јáдра̄нка*,

в) с ` на первом слоге и вторым коротким: *мàслина*,

г) с ` на первом и вторым долгим: *мàслӣнка*,

д) с ̏ [на первом] и вторым долгим: *кȕећа̄рка, цȕга̄нка*. В русском следовало бы ожидать ударения на первом слоге. Сербские изменения ударения в родительном падеже множественного числа (*мâслӣна̄*) не находят соответствия в русском.

В малорусском сюда относятся:

а) трехсложные с одною согласною перед -**а**: *легéня, собáка, кімнáта* (великорусское *кóмната*), *зозýля, недýга*

(«од неду́ги» — Кв.-Осн., I, 24), *надія, олія, грома́да, пора́да, госпо́да* («просимо до госпо́ди» — ibid., I, 52), *тара́ня,*

б) на -**уха**: *брехýха, свекрýха, макýха,*

в) -**уся**: *матýся, тітýся, Марýся, Настýся, Ганнýся,*

г) -**аха**: *біда́ха*, четырехсложное: *бідола́ха,*

д) -**ака**: *ужа́ка, маня́ка* (приведение), «друзя́ка» (Кв.-Осн., I, 3), «коля́ка» (ibid., 15); четырехсложные: *розбиша́ка, харцизя́ка,*

е) -**ука**, -**уга** — трех- и четырехсложные: *змію́ка, гадю́ка, звірю́ка, падлю́ка, волоцю́га, злодю́га*, «ланцю́га» (ругательное — Метлинский, 263); *п'яню́га, татарю́га, козарю́га*, но *дідуга́,*

ж) часть имен на -**иха**: *Морози́ха, Грици́ха, Харчи́ха, Коновчи́ха* (от предполагаемого *Коновко́?* потому что от *коно́вка* было бы *Коно́вчиха*, а от *Коновче́нко* — *Коновче́нчиха*); -**ота**: *жіно́та, свино́та, нудо́та, скорбо́та, тісно́та, робо́та*, «играшки та пусто́та» (Кв.-Осн., I, 7); «не рад своїй лихо́ті» (Котляревский, 39). Ср. *Покро́ва* («С Покро́ви» — Кв.-Осн., I, 66), *дітвора́*. Сербское *ра̀бота.*

з) на -**иця**, за исключением имеющих ударение на третьем слоге от конца, трех- и четырехсложные: *удови́ця* (откуда *Удови́ченко*), *грімни́ця, гребови́ця, дійни́ця*, «плахт дрібни́ця», *дурни́ця, жарівни́ця, зови́ця, капли́ця, копи́ця, косови́ця, крини́ця, ладівни́ця, ледащи́ця, мняснúці* (мясоед), *пивни́ця, різни́ця, сири́ця, скрипи́ця, спідни́ця, світли́ця, стадни́ця* («у стадницю» — Метлинский, 74), *сестри́ця, тели́ця, драни́ця, паляни́ця, пашни́ця;*

и) большая часть имен на -**ина**. Суффикс этот здесь именно сохраняет преимущественное значение выделения из рода одного из многих: *годи́на, дити́на, дуби́на* (значение собирательное), *дівчи́на, доли́на, базари́нка* (. . .), *били́на, волоси́на*, «щовечери́нки» (Метлинский, 109), *домови́на, драби́на, дружи́на* (= друг: «чоловіче мій, дружи́но моя» — песня), *жупани́на, зерни́на, кали́на, кедри́на* (как материал), *клени́на, ключи́на* (тоже), *круши́на* (зілллячко), *ліси́на* (хворостина), *лучи́на, люди́на* (один человек или женщина), *мали́на, ожи́на* (растение), *опанчи́на, оружи́на, пери́на, пили́на, пояси́на, роди́на* (один из родни и родня: «сестро мила, роди́на сердечна», «вся роди́на»; великорусское *ро́дина* — место рождения), *рибчи́на, роди́ни, рябú́на, рядни́на, свити́на, сироти́на, тичи́на, трави́на,*

Украïна (великорусское *Украйна*), *хворостúна*, *хлопчúна*, *хмелúна*, *хрестúни*, *часúна*, *челядúна* (одно из челяди), *чистúна* (між травами?), *чужúна* (чужой человек, чужие люди; *чужинá* — чужая сторона), *чумачúна*, *яблунúна*, *ялúна*, *третúна*, *дев'ятúна*, *полусорочúни*, *сорочúни* («справляти» — К в. - О с н.) «заставщúни» (залог — К у л и ш, I, 206);

-иня — *княгúня*,

-изна — *дідúзна* («дідúзни» — К у л и ш, I, 65),

-ка — с предыдущею согласною (плахта): *калúтка* з грішми, *чернітка*, *синятка*, «коси плести у дрібýшки», *видéлка*, «світúлка» (К в. - О с н., I, 50), *серпáнка* («серпанкою» — М е т л и н с к и й, 304, Остер.); *болячкú*, *веровкú* (уже Б е р и н д а, стр. 15, 17), *жидівкú*, *оболонкú*, *скоркú*, *плювкú* (ibid., 65), *мурашкú*, *комашкú*, *подушкú*, *скиндячкú*, *могилкú*; но «Шовковиі вервéчки» (М е т л и н с к и й, 4 — *вервь*).

§ 2. СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ С ИЗМЕНЧИВЫМ УДАРЕНИЕМ

В великорусском и малорусском только имена с ударением на последнем слоге в именительном падеже единственного числа могут перемещать это ударение; в других падежах они распадаются на два разряда.

К первому — такие, которые отодвигают ударение на предпоследний слог; в малорусском в звательном падеже единственного числа и именительном падеже множественного, а в великорусском — только в именительном падеже множественного числа.

Ко второму — такие, которые сверх этого отодвигают ударение и в винительном падеже единственного числа.

По именительному падежу единственного числа ни в русском, ни в сербском нельзя отличить одного разряда от другого.

В сербском к п е р в о м у р а з р я д у принадлежат:

Двухсложные:

а) *Свúња — свúњу — свȋњо — свȋње.*

б) *змѝја — змѝју — змӣјо — змӣје.*

Т р е х с л о ж н ы е, изменяющие ударение только в звательном падеже единственного числа, но не в винительном, не изменяют и в именительном падеже множественного числа: *красòта — красòту, кра̏сото, кра̏соте.*

Ко второму разряду:

Двухсложные: а) *дӱша — дӱшу — дӱшо — дӱше*, б) *вȍда — вȍду — вȍдо — вȍде.*

Трехсложные: *сирȍта — сӥроту — сӥрото — сӥроте.*

В малорусском, кроме соответствующих перечисленным сербским, относятся:

К первому разряду:

а) Двухсложные: *бровá — бровý — брóви*; *вагá, війнá, діжá, дочкá, журбá, ізбá, купá, пеня́* — «пеню́» (Кв.-Осн., I, 77); *рудá — рудý* (кровь), *червá*; неупотребительное во множественном числе «ляхвá» (Кулиш, I, 167), *драхвá, красá* («краси» — Метлинский, 152), *сумá* (печаль — Гребенка, 22); *стерня́, сагá* (западня — безвыходные заливы по реке), *скалá, лускá, кутя́* (множественное число *кýті?*), *лукá* (множественное число *лýки?*), *ордá, петля́, ропá, струнá, сурмá* (труба — Беринда, стр. 153), *суддя́, тумá* (полутатарин, перевертень), *удовá, уздá, Сулá.*

Трех- и четырехсложные: *сиротá — сиротý* — звательный падеж *сирóто?* — множественное число *сӥроти? Ковбасá — ковбасý — ковбáси, лободá — лободý — лобȍди?* Неупотребительное во множественном числе *жидовá, татарвá, попадя́ — попадю́ — попáді*; *яринá — ярӥни.* Вероятно, на этот образец: «гущинá» (Кулиш, I, 297), «новинá» (ibid., 217); «панщинá» (ibid., 291) — обычно *пáнщина*; *старшинá*, «бистринá» (Гребенка, 20), *рядовинá* (известного рода толстое полотно), *в старовинý, яровинá.*

По второму разряду: *веснá — вéсну — вéсно, губá, дéсна, копá, корá, норá, порá*, «рікá» (Метлинский, 342; Кулиш, I, 319 — «ріко»), *соснá, сем'я́ — в сéм'ю*, но «сéм'я» (Метлинский, 281); «у.. сéм'ї» (ibid.), *ступá* (винительный падеж — *стýпу*), *трунá* (*трунý?*), *тугá, щокá.* Сюда же трехсложные полногласные: *борознá, сковородá, пеленá.*

Трех- и четырехсложные: *слободá — слóбоду, Покровá* — «Покрóву» (Кулиш, I, 63), *простиня́ — простúню, сулія́ — сулію.*

Кажется, не ошибемся, если скажем, что в русском, особенно в великорусском, с течением времени несколько уменьшилось число слов, изменяющих ударение в винительном падеже единственного числа. Так, сербские *ӥгла*,

ѝгра, мѐђа, мѐла (*омела́*), *мѐтла*, винительный падеж *ѝглу* и пр., в великорусском имеем *иглу́* и пр.; сербское *мàгла, р̏ђа* (двухсложные) не может иметь ударения на первом слоге, в великорусском (*мгла́, ржа́*), но могли бы иметь в малорусском, но не имеют (*імглу́, іржу́*); в малорусском в словах: *ро́су*, «смо́лу» (Кулиш, I, 308), *ве́сну, ве́рбу* (и *вербу́*), *ве́рству* (и *верству́*), *ло́зу, Де́сну, се́м'ю, со́сну, рі́ку*, а в великорусском *росу́* и пр.

В некоторых словах ударение, изменчивое в сербском, стало постоянным на первом слоге: сербские *слу̏жба, дру̏жба, му̏ха* (винительный падеж *слу̏жбу* и пр.), *ср́на, то́рба* (именительный падеж множественного числа *ср̏не, то̏рбе*) — в русском *слу́жба*.

Ср. еще сербские на **-ина** и **-ота**.

Великорусский и малорусский в других падежах множественного числа, кроме именительного, частью сходятся (*нога́м — нога́ми, брова́ми, стола́ми, меча́ми*, но *се́страми, жо́нами* и т. д.); частью расходятся, причем малорусский удерживает правильное ударение на первом слоге: *го́рам — го́рами — го́рах, ду́шами* — «ду́шах» (Кулиш, II, 42); «у ло́зах» (ibid., I, 135); *на стру́нах*, «гу́бами» (грибами — Кв.-Осн., I, 89); «пья̀тами» (Кулиш, I, 202, 227) и *п'ята́ми, рі́ками, пчо́лами*.

Некоторые трехсложные имеют в великорусском ударение на последнем, в малорусском — на предпоследнем: *німо́та* (немцы), *дітво́ра* (великорусское *детвора́*), *жіно́та, нудо́та*, «пусто́та» (Кв.-Осн., I, 7), *тісно́та, скорбо́та*. Сербский согласно с великорусским в именительном падеже единственного числа и сходных с ним по ударению *добрòта, красòта, љепòта, тjеснòћа*, звательный падеж *дȍброто* и пр. Малорусское *робо́та*, великорусское *рабо́та* согласны с сербским *рàбота*.

Некоторые малорусские отклоняются от правила в предложном падеже единственного числа: *у Мо́скві*, «На тебе десь туман у Ли́тві навели» (Гребенка, 29) — польское?

Не изменяют в именительном падеже множественного числа: *жнія́ — жнії́* — «жнія́ми» (Метлинский, 322); *рілля́ — рілля́ми* — «ріллі́» (Кв.-Осн., II, 7).

IV. СКЛОНЕНИЕ 4-е

И в великорусском, и в малорусском ударение родительного падежа единственного числа во всех именах этого склонения такое же, как в именительном падеже единственного числа. В сербском этому соответствует или неизменное ударение, или изменение ^ на ̏. Русским односложным соответствуют такие же сербские.

а) В именительном падеже единственного числа ^, в родительном падеже ̏, в предложном падеже ̀: *бр̑в*, *ва̑ш* — родительный падеж *ва̏ши* (великорусское *вóшь* — *вши́*; малорусское *вôш*— *вôшi*), *кр̑в* — *кр̏ви* — предложный падеж *кр̀ви*, *ко̑ст* — *ко̏сти* — предложный падеж *ко̀сти*, *но̑ћ* — *но̏ћи* — предложный падеж *но̀ћи*, *пе̑ћ* — *пе̏ћи* — предложный падеж *пѐћи*, *ри̑јеч* — предложный падеж *ријѐчи*, *со̑* — *со̏ли* — предложный падеж *со̀ли*, *ча̑ст* (честь) — *ча̏сти* — предложный падеж *ча̀сти*. По Мажураничу, ^ в именительном падеже единственного числа в предложном падеже изменяется только в ̀, т. е. сохраняется долгота слога: *бр̀ви*, *ђу̀ди*, *ла̀жи*. По отношению к русскому языку это все равно.

б) В именительном и родительном падеже единственного числа ̏, в предложном падеже ̀: *дла̏н* (мужской род), *мје̏д*, *ни̏т*, *ра̏т*, *см̏рт*.

Изменение ударения в предложном падеже единственного числа оставило следы в великорусском и малорусском. Малорусское: *у ночí*, *у печí*, *вíсь*? Великорусское *в груди́*, *кости́*, *части́*, *меди́*, *на рели́*. Малорусское *ярь* имеет в именительном падеже множественного числа *ярí* («колись були ярí та пшениці» — песня), чему не находим соответствия в сербском.

В сербском в родительном падеже множественного числа на коренном слоге ударение острое (′), если этот слог долгий (*ра̑ж* — *ра́жи* (*ра̏жи*), Караджич: *р̑ж* — *р̏жи*), и менее тяжкое (̀), если он короткий: *ва̑ш* — *ва̏ши*, родительный падеж множественного числа *ва̀ши* и *ва̀шиjу*, *ко̑ст* — *ко̏сти*, родительный падеж множественного числа *ко̀стӣ* — *ко̀стиjу*, *но̑ћ* — *но̏ћи*, родительный падеж *но̀ћи*, *ри̑jеч*, родительный падеж множественного числа *риjѐчи* (речи). В великорусском и малорусском этому соответствует ударение на **-ей**: *груде́й*, *осте́й*, *косте́й*, *мише́й*, *куре́й* (малорусское), *гусе́й*, *пече́й*, *ноче́й*, *сіне́й*, *двере́й*.

При этом великорусский сохраняет ударение на втором слоге, во всех остальных на последнем, кроме имени-

тельного падежа, а малорусский, по-видимому, нет, по крайней мере — не везде: «о́стями» (К у л и ш, I, 309); *у гру́дях, сінях, сіньми*, но — как в великорусском — *двермú*.

Русским двухсложным с ударением в именительном падеже единственного числа на первом слоге соответствуют сербские с ударением ‶ на первом: *бȍлест, гȍлиjен, жȁлост, jȅсен, кȍкош, мȉлост, пȍмоћ, рȁдост, свjȅтлост, стȁрост, ȍбласт, чȅљад*.

Ср. малорусское *гу́сінь, до́бич, зáвіть* («чоботи з золотою зáвіттю на закаблуках чи задках» — строчка), *по́відь* (половодие), *по́стать* («жита по́стать заняти»), *про́даж, ле́дарь, по́гань, ку́піль* (Б е р и н д а, стр. 290), *щи́рість, до́брість* и все на **-щі** в именительном падеже множественного числа (хвáстощі); *мáкотерть, о́желедь* («Била о́желедь» — Г р е б е н к а, 31). В малорусском неправильно *ро́скіш*, родительный падеж *ро́скоші*, родительный падеж множественного числа «роско́шів» (К у л и ш, I, 240), *роско́шей, у роско́шах*. «Не труни́ на чужой пролуби́» (Д а л ь, 675).

Сербские без различия долготы или краткости второго слога в именительном падеже единственного числа, в предложном падеже единственного числа имеют на нем ̀ (менее тяжкое): *болѐсти, жалòсти, милòсти, помòћи, радòсти*. Однако: *голиjѐни*. По Мажураничу, согласно с этим последним примером, в предложном падеже на втором слоге стоит ́, если он долгий, и ̀, если короткий: *у облáсти*, но *заповиjѐди, у немòћи, памѐти*. В русском почти нет ничего соответствующего. Единственно известное нам исключение — малорусское в *осенú*.

Сербские в родительном падеже изменяют ударение, как в предложном падеже единственного числа: *кокòши, голиjѐни, облàсти, болѐсти*. В русском этого нет.

Русским с ударением на втором слоге (малорусские «метíль» — М е т л и н с к и й, 185; *кро́вать* и *кровáть, постíль, верстáть, печáть*) должны соответствовать сербские с ̀ на первом слоге, судя по *пѐчат* (мужской род), *пòстеља*. В русском они во всех падежах единственного и множественного числа сохраняют ударение. Исключаются малорусские *корого́в, це́рков* — во множественном числе *корогвú, церквú*.

В Домострое: «посѣевъ всякіе сѣмена» (78); «а сѣмена бы всякіе у собя водить» (79).

УДАРЕНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

§ 1. ОДНОСЛОЖНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Образец 1-й: а) Великорусские *бе́л — бела́ — бело́*; *бе́лый — бе́лая — бе́лое.*

б) *До́рог* (основная форма — односложная) — *дорога́ — до́рого, дорого́й — дорога́я — дорого́е.*

Соответствующие сербские прилагательные в мужском роде принадлежат к одному разряду с теми односложными существительными, которые в родительном падеже единственного числа не изменяют ударения именительного падежа: *жу̑т* — родительный падеж *жу̑та* — дательный *жу̑ту*. Именительный падеж множественного числа *жу̑ти* и т. д. Склоняются, как *гла̑с — гла̑са* и т. д. Так в хорватском, по Мажураничу (Slovnica hèrvatska, 16, 50), исключая *бȉјел, го́л, цр̑н, дȍбар*, имеющие родительный падеж *бијѐла, го̀ла, цр̑на, до̀бра.*

По Даничичу, *жу̑т* изменяется в мужском роде, как *плу̑г — плу́га*; *но̑ж — но́жа*; *жу̑т* — родительный падеж *жу́та* — дательный - предложный *жу́ту* — творительный *жу́тијем*. Множественное число именительный падеж *жу́ти* — родительный падеж *жу́тијех* и т. д. По этому образцу *жȋв, лȉјеп, бȉјел* и многие подобные этому соответствующе изменяют ударение, встречаемое в великорусских былинах: *добра́ коня, молода́ Добрыни* (Mažuranić, Slovnica hèrvatska, 51, примечание).

В женском роде великорусскому переносу ударения на окончание по правилу соответствует штокавское изменение ̑ в ́ на первом слоге и чакавская долгота без ударения на первом и ̏ на втором: *бȉјел — бијѐла, дра̑г — дра́га, жу̑т — жу́та.*

По Мажураничу, *жу́та* изменяет в винительном-звательном падеже единственного числа и во всем множественном числе ́ на ̑ (жу́та — жу̑ту — жу̑та — жу̑те — жу̑тах). По Даничичу, изменения этого нет: *жу́ту — жу́те, вру̑ħ*, женский род *вру́ħа — вру́ħу*, множественное число *вру́ħе.*

В среднем роде в великорусском большею частью ударение такое же, как в мужском роде именительном падеже, т. е. на первом слоге, а не на втором, как в женском; отклонений, кажется, мало (*набело́, начерно́*, но «это че́рно, бе́ло»). Так и [в] малорусском, сохранившем неопределенную форму прилагательных среднего рода в наречиях. Согласно с этим находим у Мажуранича *жу̑т* —

жу́та — жу̑то, дра̑г — дра́га — дра̑го (и *дра́го*). Но в Словаре Караджича подобных примеров весьма мало: *дра̑г — дра́га — дра́го* и только как наречие *дра̑го, ма̑ло* (предполагаемое *ма̑о* или *ма̏о — ма́ла — ма́ло*, наречие *ма̑ло*), *љу̑т — љу́та*, наречие *љу̑то*, а по общему правилу ударение в среднем роде, как в женском и косвенных падежах мужского рода *жу̑т — жу́та — жу́то*.

Так как в русском, особенно великорусском, незаметно стремления подвигать ударение к началу слова, то следует думать, что русские прилагательные среднего рода и наречия — *мо́лодо, пу́сто, ча́сто* и пр. — сохранили более древнее ударение, чем сербские *мла́до, пу́сто*, которым должны бы соответствовать: *молодо́, пусто́*.

В определенной форме все сербские прилагательные (с немногими исключениями), имеющие в именительном падеже единственного числа мужского рода неопределенной ^, в женском роде и косвенных падежах, по Даничичу и Караджичу — ′, во всех падежах всех родов и чисел склонения определенного имеют на первом слоге ^: *би̑јел* (*бе̑л*) — *бијѐла — бијѐло, би̑јелӣ — би̑јела̄ — би̑јело̄; ма̑лӣ — ма̑ла̄ — ма̑ло̄; гру̑б — гру́ба — гру́бо — гру̑бӣ; жу̑т — жу́та — жу́то — жу̑то̄; љу̑т — љу́та—љу́то—љу̑тӣ; ри̑ђ — ри́ђа — ри́ђо — ри̑ђо̄; си̑њӣ — си̑ња̄ — си̑њо̄; тв р̑д — тв р́да — тв р́до — тв р̑до̄; ци̑јел — цијѐла — цијѐло — ци̑јелӣ* (*це̑ли*); *че̑ст — че̑ста̄ — че̑сто̄ — че̑стӣ* (*и че̑сти* — Даничић).

Так и во всех великорусских, соответствующих вышеприведенным: *бе́лый, ма́лый*, и в малорусских, за исключением *мали́й, тверди́й, части́й*. Но в большинстве случаев великорусские и малорусские имеют в определенном склонении ударение на конце (*святи́й, свято́й*, чему соответствует сербское — Караджич: *све̑т — све̑та — све̏тӣ*) и тем отклоняются от сербских *бр̑з — бр̑за — бр̑зо — бр̑зӣ* (великорусское *борзо́й* и, кажется, *бо́рзый*); *вра̑н — вра́на — вра́но — вра̑нӣ; глу̑х — глу́ха — глу́хо — глу̑хӣ; гњи̑л* (Караджич *гњи̏о*) — *гњи́ла — гњи́ло — гњи̑лӣ; гу̑ст — гу́ста — гу́сто — гу̑стӣ; жи̑в — жи́ва — жи́во — жи̑вӣ; кри̑в —кри́ва — кри́во — кри̑вӣ; кру̑т — кру́та — кру́то — кру̑тӣ; мла̑д — мла́да — мла́до — мла̑дӣ; ни̏јем — нијѐма — нијѐмо — ни̏јемӣ; пла̑в — пла́ва — пла́во — пла̑вӣ; пу̑ст — пу́ста — пу́сто — пу̑стӣ; ру̑д — ру́да — ру́до — ру̑дӣ; си̏јед — сијѐда — сијѐдо — си̏једӣ; сла̑н — сла́на — сла́но — сла̑нӣ; сли̏јеп — слијѐпа — слијѐпо — сли̏јепӣ; су̑х — су́ха—*

су́хо — сӯхӣ; *тӯђ — ту́ђа — ту́ђо — тӯђӣ*; *тӯп — ту́па — ту́по — тӯпӣ*; *хӯд — ху́да — ху́до — хӯдӣ*.

В великорусском в определенном склонении имеют ударение на первом слоге несколько прилагательных, в сербском сохраняющих ударение ̏ [1]: *дȍбар — дȍбра — дȍбро — дȍбрӣ*, наречие *дȍбро*; *вȅт* (*ветх*), определенное *вȅти*, *вјȅшт*, *дӯг* (однако в определенном, по Караджичу, *дӯгӣ*), *здрав* (здоро́вый), *кӯс* (малорусское *ку́ций*; однако, по Караджичу, *кӯс — ку́са — ку́со — кӯси*), *мӣо — мӣла — мӣло*; *нȍв* (определенное *нȍви* — Даничић), *мѐк* (мя́гок, однако, по Караджичу, *мѐки* = малорусскому *мнякий*), *пра̏в*, *прȍст* (малорусское *про́стий*, великорусское *просто́й*), *ра̏д*, *сӣв* (по Караджичу и по Мажураничу, *сӣв*),*сӣт*, *сла̏б*, *ста̏р* (Караджич *ста̄рӣ*), *та̏шт* (тощий), *тӣх*, *тӯст — тӯста— тӯсто* (по Мажураничу, *тӯст*), *цр̏н* (по Караджичу, *цр̑н — цр̑на — цр̑но — цр̑нӣ*). По-малорусски, однако, *новий*, *мнякий*, *слабий*, *старий*, *щий* («на ще́ серце»), *товстий*; малорусские *нова́*, *стара́*, хотя ничем не отличаются от великорусского *нова́*, но другого происхождения: малорусское *нова́* = *но́вая*, а великорусское — старинная неопределенная форма.

§ 2. ДВУХСЛОЖНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

1-й образец: великорусские *гла́док — гладка́ — гла́дко — гла́дкий*.

В соответствующих сербских в женском роде большею частью на первом слоге ́ (по одногласным известно), что соответствует русскому и чакавскому ударению на втором, но в мужском и среднем роде, по Мажураничу, согласно с великорусским, на первом слоге ̑, а по Караджичу — ́ (с некоторыми исключениями). Нельзя заподазривать ни того, ни другого. В определенном склонении, по Караджичу и Мажураничу, на первом слоге ̑, но рядом с этим, по свидетельству Даничича, и ́ на первом слоге в тех же словах: *бӣједан — бӣједна — бӣједно — бӣједнӣ*. Мажуранич: *гла̑дан — гла̑дна — гла̑дно* (Караджич, *гла́дан — гла́дна — гла́дно*) — *гла̑днӣ*; Мажуранич: *дӯжан — ду́жна — дӯжно* (Караджич, *ду́жан — ду́жна — ду́жно*), *дӣван — ди́вна — дӣвно*. Мажуранич: *жӣдак — жӣтка — жӣтко* (Караджич,

[1] В единственном числе, а в определенном склонении, по Даничичу, изменяют ̏ в ̑.

жйдак) — *жйткӣ* (и, по Даничичу, *жiтки*), *кра̑так* — *кра́тка* — *кра̑тко* (Караджич, *кра́так* — *кра́тка* — *кра́тко*) — *кра̑ткӣ* (и *кра́тки*, Даничич); судя по русскому, следовало бы ожидать *крӓтки*.

Караджич: *кра̑сан* — *кра́сна* — *кра́сно* — *кра̑снӣ*. Мажуранич: *та̑јан* — *та́јни*; *кру̑гал* (Мажуранич), *кру̑пан* — *кру̑пно* — *кру́пна* (Караджич, *кру́пан*) — *кру̑пнӣ* (и *кру̀пни*, Даничич), *му̑тан* — *му̑тно* — *му́тна* (Караджич, *му́тан*) — *му̑тнӣ*, *пра̑зан* — *пра̑зно* — *пра́зна* (Караджич, *пра́зан*) — *пра̑знӣ*, *при̏јесан* — *приjе́сно* — *приjе́сна* (Караджич, *приjѐсан*) — *при̏јеснӣ*, *ра̑ван* — *ра̑вно* — *ра́вна* (?) (Караджич, *ра́ван*) — *ра̑внӣ*, *ри̏једак* — *ријѐтко* — *ријѐтка* (Караджич, *ријѐдак*) — *ри̏јетки* (и, по Даничичу, *рѐтки*), *сви̏јетао* — *свијѐтла* — *свијѐтло* (по Караджичу), *сла̑ван* — *сла́вна* — *сла̑вно*, *стра̑щан* (?) (Караджич, *стра́шан* — *стра́шна* — *стра́шно* — *стра̑шни* и *стра̀шни* — Даничич), *ти̏јесан* — *тијѐсна* — *ти̏јесно* (Караджич, *тијѐсан*) — *ти̏јеснӣ*, Караджич: *та̑ман* (и *та́ман*) — *та́мна* — *та̑мно* — *та̑мни*, *тру̑дан*, *хла̑дан* (?) (Караджич, *хла́дан* — *хла̑днӣ*).

Как в некоторых из вышеприведенных и в следующих (в мужском неопределенном склонении на первом слоге), в сербском ударение не только в среднем роде, но и в женском такое же, как в мужском, хотя великорусским предполагается изменение в женском ̏ в ̀: *глӓдак* — *глӓтка* — *глӓтко*—*гла̀ткӣ* (и *глӓткӣ*—по Даничичу), *бйстар*, *дро̏бан*, *мр̏зак*, *по̏знӣ* и *по̀знӣ* (Даничич), *по̏снӣ* и *по̀снӣ* (Даничич), *вје̏ран*, *нйзак*, *слӓдак* — *слӓтки* и *сла̀ткӣ* (Даничич), *тӓнкӣ* и *та̀нкӣ* (Даничич), Мажуранич: *те̏жак* (Караджич, *те́жак*), Караджич: *те̑шкӣ* и *те̏шкӣ*, *у̏зак* — *у̏скӣ* и *у̀скӣ* (Даничич), *јӓсан*.

В малорусском старинное ударение на первом слоге в неопределенном склонении этих прилагательных сохранилось частью в мужских формах, какие остались (*сму́тен*, *сла́вен*), и в средних на -о, употребляемых в значении наречий.

В малорусском наречия от полногласных прилагательных (*го́лодно*, *ко́ротко*, *хо̀лодно*) согласны с приведенными Мажураничем формами: *гла̑дан* — *гла̑дно*, *кра̑так* — *кра̑тко* и предполагаемою нами *хла́дан* — *хла́дно*; великорусские *голодно́*, *коротко́*, *холодно́*.

В определенном склонении малорусское наречие в большей части случаев переносит ударение на второй слог. Таким образом, из двух русских наречий одно, малорусское,

предпочитает форму, соответствующую сербской с ` на первом слоге (малорусские *страшни́й*, *гладки́й*, сербские *гла̀ткӣ*, *стра̀шнӣ*), а другое — соответствующую сербской с ^ или ̏ (*стра́шный*, сербские *стра̂шни*, *гла̏тки*). Почему некоторые прилагательные в малорусском не переносят ударения на второй слог в определенном склонении, а другие переносят, сказать трудно.

К первым принадлежат: *бі́дний*, *кра́сний*, *прі́сний*, *рі́вний*, *сла́вний*, *те́мний*, *ві́рний*, *я́сний*, «грі́зний» (Метлинский, 148), *ки́слий*, *по́вний*, *пі́шний*, *рі́дний* (великорусское *родно́й*), все на **-ний**. Ко вторым: *мутни́й*, *рідки́й*, *страшни́й*, *тісни́й*, *гладки́й*, *тонки́й*, *тяжки́й*, *баски́й* (кінь), *близьки́й*, *бридки́й*, *важки́й*, *видки́й*, *гидки́й*, *гірки́й*, *гнучки́й*, *дурни́й* (великорусское *дурно́й*), *жарки́й* (великорусское *жа́ркий*), но существительное *жарко́е* (областное *жарко́й*), *курни́й*, *кріпки́й*, *низьки́й*, *нудни́й*, *палки́й* (*палка́я* робота), *трудни́й*, *пашни́й* («пашну́ рожу» — Метлинский, 96), *рясни́й*, *смутни́й*, *стидки́й*, *хутки́й*, *швидки́й*. Как первые, так и вторые имеют в наречии ударение на первом слоге (*стра́шно*, *ну́дно*, *пру́дко*, *ху́тко*, *шви́дко*). Но в среднем роде определенного склонения — на втором (*страшне́*, *хутке́*).

Женская форма на **-а**, по виду неопределенная, имеет ударение такое же, как определенная всех трех родов: *бі́дна*, *сла́вна*, *те́мна*, *пі́шна*, *рі́дка*, *по́вна* — как *бі́дний* и пр.; *гладка́*, *тісна́*, *рясна́* — как *гладки́й* и пр.

Из этого можно заключить, что не только те малорусские формы, которые отличны от великорусских по ударению (малорусские *сла́вна*, *те́мна*; великорусские *славна́*, *темна́*), но и сходны с великорусскими (*гладка́*, *тесна́*), произошли из стяжения определенного окончания **-ая**; поэтому-то первые из них (*сла́вна*) и отличаются от великорусских (*славна́*), что суть собственно формы определенные. Есть впрочем остатки настоящих неопределенных женских форм, например, в выражении «ясна́, красна́ у лузі калина» (песня) *красна́* не есть форма определенная, потому что в таком случае имела бы ударение на первом слоге: *кра́сний* — *кра́сная* — *кра́сна*.

2-й образец: *ве́сел* — *весела́* — *весело́*, наречие *ве́село*; *весе́лый*; сербские с неизменяемым ̏: *ве̏сео* — *ве̏села* — *ве̏село*, *то̏пао* — *то̏пла* — *то̏пло*, *ве̏ликӣ*. Великорусское наречие *тепло́*, малорусское *те́пло*. Великорусское *зе́лен* — *зелена́* — *зелено́*, наречие *зе́лено*; *зеле́ный*; малорусское на-

речие *зе̏лено*; *зеле́ний* отклоняется от сербского, который по ударению мужского рода неопределенного склонения относится к следующему образцу; *зѐлен — зелѐна — зелѐно — зѐленӣ*; малорусские *зеле́на, весе́ла* — согласно с вышесказанным — формы определенные.

Сербские *во̏дени* и *водѐни*; *зе̏мљани* и *земља̀ни*, *по̏штани* и *пошта̀ни*, *лѐдени* и *ледѐни*. Русский держится вторых форм: *водяно́й*; *водяни́й*; но сербское *ма̏сленӣ* (и *маслѐни*) = русскому *ма́сляный*.

3-й образец: *высо́к — высока́ — высоко́*; *высо́кий*. В сербском ˋ, переходящее с первого слога на второй: *ви̏сок — висо̀ка — висо̀ко*, наречие *висо̀ко*; *ви̏сокӣ*; *да̀лек*, наречие *далѐко*; *ду̏бок — дубо̀ка — дубо̀ко*; *ду̏бокӣ*; *жѐсток* (Мажуранич; Караджич — *жѐсток*; ср. великорусское *жесто́к* и *жёсток*); *цр̀вен — црвѐна — црвѐно*; *цр̀венӣ*, *ши̏рок — широ̀ка — широ̀ко*; *ши̏рокӣ*. Малорусские *висо́кий, дале́кий* и пр., но наречие отлично от сербского и великорусского и аналогично с *зе́лено*: *ви́соко* (и *висо́ко*), *зда́лека* (но *дале́ко*), *гли́боко*, *ши́роко*. Ср. «хо́роше» (Кв.-Осн., II, 4) (великорусское *хорошо́*); но *черво́но*. Малорусские *висо́ка, дале́ка* и пр. — формы определенные, отличны от великорусских неопределенных (*высока́, далека́*).

4-й образец: великорусские *бога́т — бога́та — бога́то*; *бога́тый*. В сербском неизменное ˋ на первом слоге: *бо̀гат — бо̀гата — бо̀гато, у̀бог, брѐстов, вѐзов, ду̀бов, јѐлов, клѐнов, о̀рлов* (и *о́рлов*). В малорусском, как и в великорусском *убо́гий — убо́го* и т. д., *бобро́вий, бае́ва* юпка, *вало́вий* (з валу), *грезето́вий, грушко́вий* («грушко́ва плахта» — с узором в виде груши), «море́ва запаска» (Кв.-Осн., I, 6); «В єдимашко́вому шушоні» (Котляревский, 134); *парче́вий, роже́вий, тисо́вий* («столи тесо́виї» — Метлинский, 170), *шкапо́ві* (чоботи), *шовко́вий* (великорусское *шёлков* и *шелко́в*), *юхто́вий, хмело́вий* (но *хмелова́я, горова́я*), *степови́й, тернови́й, низови́й, Дніпрови́й*, а с другой стороны — притяжательные личные от имен двухсложных на **-ъ** с ударением на первом или втором слоге: *ко́ропова луска, Іва́нів сад*; **-авий, -явий**: *ласка́вий, чорня́вий, біля́вий, руся́вий*; **-аний, -яний**: *ко́ваний* («ко́вана із смугами свайка»); *пога́ний* (сербское *по̀ган*), *різдвя́ний, рутвя́ний, рум'я́ний* (сербское *ру̀мен — румѐна — румѐно*; *ру̀менӣ*), *рядня́ний, слухня́ний*; **-иний**: *кози́ний, цапи́ний*; **-ачий, -ячий** от имен с ударением в именительном падеже единственного числа на конце: *свиня́чий* (но *ми́шачий* от *ми́ша*);

-атий: *космáтий, черчáтий*; **-астий, -истий**: *перíстий* (віл із смугами), *троїстий* (музика), *краплíстий, черчíстий* (чéрчик, «спідниця черчéстая, із самого чéрцю» — Метлинский, 58); **-ний**: *напільний* («Під напільним віконечком» — Метлинский, 275), *додíльний* («сорочка додільна — з тонкого полотна до самого долу»).

§ 3. ТРЕХСЛОЖНЫЕ И ЧЕТЫРЕХСЛОЖНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Трехсложные и четырехсложные прилагательные в именительном падеже единственного числа действительной или предполагаемой неопределенной формы:

а) С ударением на втором от конца слоге в именительном падеже мужского рода единственного числа определенной формы: **-óвий, -éвий**: *каламайкóвий, китаéвий, кришталéвий, празникóвий, рогозóвий, сап'янóвий, соболéвий, сугакóвий* («сугакóві» — Кулиш, I, 317), *тяжинóвий, яблунéвий, ярмаркóвий.* Ср. сербские *jасѐнов, сокòлов* = малорусским *ясенóвий, соколóвий*; но *jàсиков* = малорусскому *осúновий*; *jȁбуков, jȁворов* = малорусскому *яворóвий* (явóровий?); **-астий**: *попелáстий* (віл); **-ачий, -ячий**: *солов'я́чий*; **-ний**: *празнúчний*; **-цький**: *козáцький, дівóцький, чумáцький*; **-ний, -ній, -аний, -енний, -езний**: *китайчáний, бідáшний, тутéшній, остáнній, бóрошенний* (посудина), «нечувствéнний» (Кв.-Осн., I, 65), *навіжéний, пашéний* (яма), *письмéнний, скажéний* и «скáженний» (Кв.-Осн., I, 8), *тороплéний* («[вовк] підскочив, озирнувсь, мов тороплéний сів» — Гребенка, 31), *вточéнний, глибочéнний, здоровéнний, старéзний*;

-ивий: *милостúвий* (великорусское *мúлостивый*, сербское *мȉлостив*), *жалослúвий, жартовлúвий, уродлúвий* («на вигадки, танці — уродлúвий»);

-енький: *білéнький, благéнький, блідéнький, близéнький, бистрéнький, буйнéнький, бурéнький, важéнький, веселéнький, воронéнький, височéнький, вузéнький, глибочéнький, далечéнький, жалібнéнький, зеленéнький, коротéнький, легéнький, малéнький, милéнький, м'якéнький, повнéнький, низéнький, пізнéнький, прямéнький, ранéнький, сильнéнький, тихéнький, тонéнький.*

Все эти [слова] образованы от прилагательных, некогда, судя по великорусскому, изменявших ударение в неопределенном склонении (*мал — малá, высóк — высокá*); от прилагательных с ударением неизменным образуются прила-

гательные на **-енький** с ударением на слоге, предшествующем этому окончанию: *лу́ченький*. Первым малорусским на **-е́нький** соответствуют великорусские, изменяющие ударение по образцу *малёнек — ма́ленький*; вторые по ударению и в малорусском, и в великорусском сходны.

б) С ударением на третьем от конца слоге. Вышеупомянутые на **-енький** от прилагательных с постоянным ударением в предполагаемом или действительно неопределенном склонении: *безу́сенький, безхво́стенький, серди́тенький, кирпа́тенький, чорня́венький*, (однако *богате́нький*), *хреща́тенький, бі́льшенький, лу́ченький, ста́ршенький, ме́ньшенький*. С этими прилагательными сходны и по ударению существительные на **-онько, -енько** (*ба́тенько, зя́тенько*).

Все на **-есенький, -ісенький**: *повні́сенький, пряме́сенький, солоде́сенький, одні́сенький* («ні одні́сенького набою»), *прості́сенький*. Такое же ударение в соответствующем русском **-ёхонький, -ёшенький**;

-е́лезний, -ене́зний: *оттаке́лезний* («оттаке́лезні» — Кулиш, I, 162); *старене́зний*.

§ 4. УДАРЕНИЕ СРАВНИТЕЛЬНОЙ СТЕПЕНИ

Сербское ударение совершенно согласно с русским.

а) Все сербские прилагательные, образующие сравнительную степень по образцу старославянского *болий — больши* (основная предполагаемая форма окончания именительного падежа единственного числа мужского рода **-jac, -jaнс**), имеют перед окончанием сравнительной степени ударение ̏, каково бы ни было ударение и количество этого предшествующего окончанию слога в первообразных прилагательных: *бје̏љӣ, бр̏жӣ, дра̏жӣ, глу̏шӣ, гу̏шћӣ, жи̏вљӣ, жу̏ћи, кри̏вљи, кру̏ћи, љу̏ђи, мла̏ђи, ри̏ђи* (положительная степень определенной формы *рӣђи*), *сје̏ђи, су̏ши, ту̏пљи, тв̏рђи, ху̏ђи, цр̏њи, че̏шћи, ма̏љи* (во всех положительная степень по образцу *љӯт*, женский род *љу́та*, определенная форма *љӯтӣ*); *ду̏жӣ, ме̏кшӣ, ла̏кшӣ* (положительная степень, как *ду̑г, ду̏гӣ, ла̏к*), *кра̏ђи, рје̏ћи, тје̏ћи* (положительная степень *кра́так — кра́тка — кра́тко*; *кра̄ткӣ*), *гла̏ђи, на̏жи, мр̏жи, у̏жи, же̏жи* (положительная степень *гла̏дак*), ср. малорусские той же основной формы: *до́ший, кра́щий, моло́дший, коро́тший* и великорусские *до́льше, гла́же, моло́же, коро́че*.

б) Все сербские, имеющие в сравнительной степени **-иjи** (*стàриjи*, по старославянскому образцу *добр-ѣи*, *добрѣиши*; основная форма **-ӣjас**, **-ӣjанс**), имеют ` на слоге, предшествующем этому окончанию, все равно, каковы бы ни были по ударению и качеству слогов первообразные прилагательные: *слâван — слàвниjи*, *крỳпан — крỳпниjи*, *стâр — стàриjи*, *хйтар — хùтриjи*, *бòгат — богàтиjи*, *пâметан — памèтниjи*, *пòбожан — побòжниjи*, *зâдовољан — задòвољниjи*, *рâзуман — рàзумниjи*. Этому по правилу соответствует ударение на первом слоге самого окончания в малорусском (*славнíший*, *розумнíший*) и в великорусском (*славнée*, *славнéйший*). Для великорусского, по крайней мере письменного, исключением служат трех- и четырехсложные с постоянным ударением на втором от конца слоге или выше в положительной степени, сохраняющие это ударение и в сравнительной: *пáмятнее*, *нáбожнее*, *довóльнее*, *разýмнее*, *разýмнейший*, *покóрнейший*. В малорусском *покiрнíйший*, *моторнíйший*; однако — *письмéннійший*, *завзятíйший*.

СКЛОНЕНИЕ -Ъ, -Ь (ВАРИАНТЫ)

I ВАРИАНТ

Имена с одинаковым ударением в именительном, звательном, родительном, дательном, творительном падеже единственного числа.

Имена односложные в именительном падеже единственного числа (не считая конечных **-ъ**, **-ь**).

Примечание 1-е. Сюда же относятся русские полногласные двухсложные имена, так как их два коренных слога и по происхождению, и в тоническом отношении равняются одному основному.

С точки зрения русского языка эти односложные имена распадаются на два отдела.

А) Имена, сохраняющие ударение именительного падежа единственного числа в местном падеже единственного числа и во всем множественном числе, и Б) имена, переносящие ударение на окончание местного падежа единственного числа и на все или некоторые падежи множественного числа. В последних есть и подразделения.

§ 1. ИМЕНА С НЕИЗМЕННЫМ УДАРЕНИЕМ ВО ВСЕХ ПАДЕЖАХ

В литературном языке сюда принадлежат:

а) Имена, образованные от корня посредством суффикса **-ъ**, одного или с предыдущими **х**, **в**, частью с предлогами, не составляющими слога (**въ**, **съ**, **вз**), по значению — отвлеченные или же хотя и конкретные, но с явственным для общего сознания отвлеченным значением.

Акад. Грот называет эти имена «явно отглагольными» [1], имея в виду тот же средний уровень сознания говорящих литературным языком; но это название не совсем удачно, так как, например, производство *слух* от *слушать* ошибочно, а производство от глагола *слу-ти* вовсе не общеизвестно.

Таковы: *клад* (Востоков, Русская грамматика, § 184 б причисляет это слово к переносящим [ударение]), *склад* (в более отвлеченном значении сложения, строя, а также конкретном — места, где сложено: *скла́д — скла́ды— скла́дов*), но конкретно *склады́ — складо́в* (в азбуке), *вклад*, *гнет* (*в гнёте* — давлении, но *в гнету́* — о гнетущем предмете, например, тисках), *бред* (однако в просторечии — *в бреду́*), *толк* (*то́лки* — религиозные, пересуды, но *читать по толка́м* — по верхам), *вздох*, *ток* (*то́ки — то́ков* гальванические, но конкретное *на току́ — токи́ — токо́в* = расчищенное место), *сток*, *ввоз* (но *воз — возы́ — возо́в*), *слог* (но *лог — логи́* и *лого́в*), *свод*, *взвод*, *снос*, *взнос*, *сгон* (но *гон — в гону́*), *сброд* (но *брод — в броду́*), *срок*, *мор*, *сбор*, *вздор*, *спор*, *взор*, *сход*, *всход* (но *ход* имеет *на ходу́ — ходы́ — ходо́в* и *в хо́де*, — *в заднем хо́де экипажа*, — *хо́ды — хо́дов*), *рост*, *ков*, *кров*, *лов*, *вид* (*в ви́де того-то — ви́ды — ви́дов*, но наречное *ввиду́*), *крик*, *клик*, *иск*, *миг*, *сгиб*, *бег* (*в бе́ге — бе́ги — бе́гов* — отлично от наречия *на бегу́*) *спех*, *смех*, *слух*, *вкус*, *взгляд*.

Знак, *брак*, *визг*, *блеск*, *треск*, *вопль*, *тон*, *гнев*, *в ло́ме костей*, но *в лому́ ходит лошадь*, *ломы́ наемные*; *луг с дрязгом*. Ср. *ве́сы* (различные), *звук*, *стук*, *гук*, *стон*, *звон*, *сплав*, *лай*.

В некоторых из приведенных примеров явственно стремление языка отличить неподвижностью ударения значение отвлеченное (действие, состояние как предмет) от конкрет-

---

[1] Я. К. Грот, О некоторых законах русского ударения. II. О переходе ударения в склонении имен существительных, «Известия», 1860, т. VIII, вып. 5, стр. 362.

ного (предмет действующий или подлежащий действию). Но стремление это не выдерживается частью вследствие легкости перехода от первого значения ко второму вообще, частью в силу влияния народного языка на литературный. Просторечие настроено, так сказать, конкретно, оно склонно представлять и отвлеченное в форме конкретного. Ср., например, слово *лад* (соглашение, согласие, строй), *в ладу́— лады́ — ладо́в.*

б) Слова той же формы, со значением конкретным (потерявшие отвлеченное значение или, быть может, не имевшие его), но принадлежащие к области литературного языка и окрашенные тем самым свойственною этому языку отвлеченностью мысли; слова частью архаические, частью малоупотребительные в просторечии во множественном числе, как *га́ды, гра́ды* (grandines), *бе́ды* (*ов*), *ду́хи* (animae, daemones), но народное *духи́ — духо́в* (aromata), *зу́бры, кмёты, ла́ки, лу́ки, стя́ги* (знамена), *тру́пы, ста́ны* (но *на стану́ — станы́ — стано́в* ткацких), *со́ки* (народное *в соку́*), *хлёбы* (печеные, но *хлеба́ — хлебо́в* — segetes), *я́ды, ю́ги*; *уд, тук.*

в) Слова заимствованные. Таковы церковнославянские: *глад, глас, хлад, страж*; между тем как соответствующие им русские полногласные во множественном числе переносят ударение на окончание. Таковы иностранные: *ад, бобр, балл* (шар), *барс, биль, блок, бриг, вальс, газ, грум, бек, граф, гриф, док, дюк, мол, мул, мер, нерв, тигр, том, флаг, франт, хор, шкаф.*

Грот (loc. cit., 364) замечает, что «чем более они усвоены народом, тем легче они подвергаются переходу ударения, если только такому переходу не противятся другие, более сильные и постоянные законы языка». «Если первоначально-иностранное слово, употребительное и во множественном числе, гибко в произношении [т. е. имеет подвижное ударение—*А. П.*], то значит, что народ совершенно сжился с ним, вовсе забыл его происхождение». Это верно, хотя неверны примеры: *рубль — рубля́, врач — врача́.* Есть много других, как *стих — стиха́, дьяк — дьяка́, царь, поп, бас, бунт* (в значении связки: *бунты́ — бунто́в — бунта́м*, а в значении мятежа: *бу́нты*), *винт, вист, герб, грош, грунт.*

Наконец, сюда принадлежат слова, не подходящие ни под один из приведенных разрядов, конкретные, употребительные в просторечии: *рак — ра́ке — ра́ки — ра́ков, воло́х, холо́п, горо́х, моро́з* (полногласное с ударением на втором

слоге. Отличное малорусское *поромі́* — «на поромах» — Котляревский, 2).

В малорусском в общих чертах встречаем то же, что в литературном, только вследствие сравнительно меньшей письменной обработки меньше отвлеченных. С примерами под а) ср. малорусские *схо́ди*, «ско́ки» (Кв. - Осн., I, 83), *сміхи, гніви, зна́ки, о́хи* («Піднявся писк, стогнання, о́хи» — Котляревский, 222); *кри́ки* («Там чутні жалібниї кри́ки» — ibid., 87), *стра́хи, ·слу́хи*; с б) и г) ср. *га́ди, гра́ди, ра́ки, воло́хи, горо́хи моро́зи*. Малорусское «воїв» (*вої* — Котляревский, 210); «дмуть в рогі́» (ibid., 217); «Тріщали ко́сті, ре́бра, бо́ки» (ibid., 221); «під бо́ки» (ibid., 240). Сверх того в малорусском passim сохраняют постоянное ударение во множественном числе и такие слова, которые в литературном и великорусском во множественном числе уже в именительном или только в родительном и следующих падежах переносят ударение на окончание: «в бо́ки» (Гребенка, 13); «З трех (усіх) бо́ків» (Кулиш, I, 279); «ро́ги» (ibid., I, 306), но и *рогі́ — рогів*?, *ро́ки, ро́ків зо два* (часто), но и *рокі́в, дзво́ни* (постоянно) — *дзво́нів, дзво́нити, го́ди* (*годи́*), «го́дів з дев'ятнадцять» (Котляревский, 203), *го́ни, го́нів з двоє*; «зелениї лу́ги» (Кулиш, II, 99 и *лугі́ — лугі́в*); *у ку́ми* (но именительный падеж *куми́*), «кума́ми» (мужской род — ibid., I, 153), у́си — у́сами — в у́сах (но у Котляревского и «уса́ми»); да́ри («Енею да́ри одрядив» — Котляревский, 138; «мушу да́ри одрядити» — ibid., 275, но и *дари́*). С в) ср. заимствованные с польского *ска́рби — ска́рбів*; *жа́рти — жа́ртів*; *шлю́би*.

§ 2. ИМЕНА, ИЗМЕНЯЮЩИЕ УДАРЕНИЕ В МЕСТНОМ ПАДЕЖЕ И МНОЖЕСТВЕННОМ ЧИСЛЕ

а) Местный на -у: Перечисление см. Востоков, «Русская грамматика», 27. Это окончание местного падежа принимают исключительно имена неодушевленные и почти исключительно конкретные. В малорусском и имена одушевленные имеют в этом падеже -у, но неударяемое: *на во́вку*. Таким образом, окончание -ѣ (без ударения) в великорусском и -ѣ = -і, -у без ударения в малорусском свойственны отвлеченным и одушевленным, а -у́ в обоих наречиях — одушевленным.

б) По Востокову (Русская грамматика, § 184), следующие имена в литературном, частью имеющие местный падеж на -у или -ѣ, или только на -ѣ, во множественном числе переносят ударение на окончание только в родительном падеже и следующих и сохраняют ударение именительного падежа единственного числа и именительного падежа множественного числа.

С твердым окончанием — -б: *гроб*, *дуб*, *зуб*, *клуб*; -м: *гром*, *дом*; -н: *челн*; -л: *дол*; -р: *вор*, *ветр* (ветер); -д: *вид*, *год*, *град*, *род*; -т: *плут*, *мот*, *сорт*, *фунт*, *шут*; -с: *бес*, *трус*; -г: *бог*, *друг* (*дру́ги* — *друго́в* — в церковнославянском), *круг*, *слог*, *струг*; -к: *волк*, *век*, *жук*, *крюк*, *сок*; -х: *дух*, *цех*. С мягким окончанием: *червь*, *зверь*, *гвоздь*, *груздь*, *лю́ди* (*людéй*), *гость*, *чéрти* — *чертéй*, *тать*, *гусь*, *муж*.

Из этих имен некоторые мне известны только с постоянным ударением во всем множественном числе (*ви́ды* — *ви́дов* — *ви́дами* — *ви́дах*, *цех* — *цéхов*, *со́ки* — *со́ков*); другие с ударением на окончании во всем множественном числе (*шуты́*, *жуки́*, *крюки́*).

В малорусском уже в именительном падеже множественного числа переносят ударение на окончание: *гриб*, *дуб*, *вiтер*, *год*, *чорт* (*чорти́*), *бiс* (*бiси́*), *бог* — *богiв*, *вовк*, *муж*, кроме вышеупомянутых *жук*, *крюк*. Тем не менее перенос ударения на окончание, начиная с родительного падежа, есть явление общерусское, так как и в малорусском *зу́би* — *зубiв*, «чо́вни» (Котляревский, 28 bis., 46), хотя ibid., 45, 47: «човни́» и «човнiв»; *вiтри* — *вiтрiв* (*вiтри́*); *на вiки* — *вiкiв*; *звiрi* — *звiрiв*; *гво́зди* — *гвоздéй*, *лю́ди* — *людéй*.

в) По Востокову же, следующие имена переносят ударение во множественном числе на окончание, начиная с именительного падежа.

На губные: *клев* (*хлев*), *зоб*, *пуп*, *шкаф* (вернее *шка́фы*), *ком*, *корм*, *лом*, *сом*, *ям*; -н: *пан*, *стан*, *чин*, *чан*; -л, -р: *бал*, *вал*, *пол*, *бор*, *дар*, *жар*, *жир*, *мир*, *мiр*, *пар*, *пир*, *сыр*, *щур*; -д, -т: *зад*, *клад*, *лад*, *мед*, *перед*, *под*, *склад* (*склады́* — в азбуке), *пуд*, *ряд*, *сад*, *сот* (но, по Далю, множественное число *со́ты*, и это, если не единственно верное, то более известное ударение), *цвет*; -з, -с: *воз*, *раз*, *вес* (во множественном числе), *квас*, *нос*; -г, -к, -х: *бег*, *долг*, *мозг*, *стяг*, *торг*, *шаг*, *пук*, *шелк*, *верх*, *дух* (за́пах), *мех*, *пых*; -й: *бой*, *рай*, *слой*, *строй*, *чай*.

Такое перенесение ударения в соответствующих приведенным именах — есть господствующее в малорусском. Заключена ли какая-либо мысль в различии ударения между именами б) (*до́мы — домо́в — дома́м — дома́ми — дома́х*) и именами в) (*хлёвы — хлево́в* и пр.) или это есть явление чисто фонетическое? Если следовать правилу, что в языке исчезающее явление есть более давнее, то можно думать, что перенос ударения на окончание уже в именительном падеже множественного числа по времени происхождения позднее переноса ударения лишь на окончание родительного падежа множественного числа, так как последнее явление исчезает в малорусском. Оставив на время в стороне различие между именительным падежом множественного числа имен б) и в), рассматривая их как одну породу, мы замечаем в ней различие между ударением единственного числа, остающимся на корне, и множественного числа, переходящим на окончание.

Различие это, по всей вероятности, обозначает, с одной стороны, большую индивидуальность единственного числа, с другой — собирательность множественного.

Для выражения собирательности в именительном падеже множественного числа рассматриваемого склонения великорусский и литературный язык имеет особое окончание, именно ударяемое **-а́**, **-я́**, переносящее на себя ударение, стоящее в единственном числе, выше; но в остальных падежах имен, не принимающих особого суффикса для всего множественного числа (как *зу́б-ья — зу́б-ьев* и т. п.), собирательность может выражаться только ударением. Собирательное значение этого окончания не подлежит сомнению. В великорусском и литературном оно с очень немногочисленными исключениями имеет место в именах без этого окончания, сохраняющих ударение на корне (или первом слоге): *го́ды — года́* (см.: Востоков, Русская грамматика, § 29, 3 и Грот, О некоторых законах русского ударения. II. О переходе ударения в склонении имен существительных — в «Известиях», т. VIII, вып. 5, стр. 364—365). Так как в малорусском это окончание встречается весьма редко, но зато в этом наречии перенос на обыкновенное окончание именительного падежа множественного числа (**-и**) встречается в несравненно меньшем количестве слов, чем в литературном, между прочим именно в тех, которые в литературном имеют двоякое окончание именительного падежа множественного чи-

сла (на **-ы**, **-и** неударяемое и на **-а** ударяемое: *хліві́*, *городи́*, *пояси́*, *снігі́* и т. п.), то, при сходстве категорий, различаемых обоими наречиями, следует думать, что и здесь малорусское окончание **-и́** имеет тот же собирательный смысл, что и великорусское и литературное **-а́**.

Отсюда в свою очередь падает свет на значение ударения в именительном падеже множественного числа тех имен, которые уже в этом падеже переносят ударение на окончание. Большинству этих имен не свойственно собирательное окончание **-а**. Почему? Потому ли, что они не нуждаются в оттенке собирательности? Нет. Это можно было бы сказать только об именах отвлеченных, каковы приведенные выше имена с постоянным ударением во всем склонении.

Потому ли, что язык встречал при этом фонетические или тонические препятствия? Тоже нет. О фонетических препятствиях говорить нечего, так как отсутствие их очевидно. Тонические не могли бы помешать, так как есть же имена, принимающие окончание именительного падежа множественного числа на **-а́**, несмотря на то, что и другое правильное окончание этого падежа имеет на себе ударение: *кормы́*, *корма́*. Я полагаю, что язык не распространяет на все имена этого рода (т. е. односложные, имеющие ударение на окончании в именительном падеже множественного числа) вследствие того, что само по себе перенесение ударения на окончание служит для той же цели, что и окончание **-а**, т. е. для выражения собирательности, и что окончание *шелка́* при *шелки́* есть излишество, происшедшее от забвения смысла этой последней.

Тоническое препятствие к принятию собирательного **-а́** действительно встречается в именах, переносящих ударение на падежное окончание уже в родительном падеже единственного числа. Здесь именительный падеж множественного числа ничем бы не отличался от родительного падежа единственного числа. Поэтому только имена с ударяемым окончанием родительного падежа вовсе не принимают в именительном падеже множественного числа собирательного **-а́** (исключение *рукава́*, *обшлага́*). В малорусском принимают немногие, но замечательно как доказательство, что язык чувствует неудобство наружной тождественности именительного падежа множественного числа и родительного падежа единственного числа (в слове *рука́в* — родительный падеж *рукава́*, малорусский в именительном падеже множественного числа переставляет ударение: *рука́ва*).

Возвращаясь к именам б), спрашиваю: какой смысл могло иметь сохранение ударения на корне в именительном падеже множественного числа, между тем как в остальных падежах множественного числа ударение падает на падежные окончания: *зу́бы*, но *зубо́в — зуба́м — зуба́ми — зуба́х*. Конечно, причина может быть чисто фонетическая. Но, предположивши, что нет, легко можно объяснить это противопоставление именительного как наиболее индивидуализирующего прочим косвенным. Мы видели то же в местном падеже на **-у́** ударяемое при сравнении его с падежом на **-ѣ** и **-у** неударяемое.

II ВАРИАНТ

Имена с постоянным ударением в единственном числе, кроме местного падежа или и со включением его.

Для русского языка правило: если в родительном падеже единственного числа ударение остается на том же слоге, что в именительном падеже единственного числа, то оно остается и в дательном, творительном. За указатель ударения во всех этих падежах принимается родительный. Местный падеж по ударению в таких именах то согласуется с родительным, то переносит ударение на падежное окончание.

§ 1. А. ОДНОСЛОЖНЫЕ ИМЕНА, КАК *ДОМ — ДО́МА — ДО́МУ — ДО́МОМ*, МЕСТНЫЙ *ДО́МЕ — ДОМУ́*, И ДВУХСЛОЖНЫЕ ПОЛНОГЛАСНЫЕ ИМЕНА, КАК *ГО́ЛОД — ГО́ЛОДА* И *МОРО́З — МОРО́ЗА*

В сербском этим именам соответствуют односложные и двухсложные с беглою гласною, гласною неорганическою, т. е. эвфоническою, не существующею в основной славянской форме и в русском, например, сербское *пи́сак* = старославянскому и русскому *писк*; также двухсложные, коих двухсложность произошла от разложения **ѣ** на **ије** (*ври̏је*).

а) Именительный падеж с ударением ̑ на коренной гласной в именительном и родительном падеже единственного числа образца *вра̑г — вра̑га — вра̑гу — вра̑гом* = русскому *во́рог — во́рога* и пр. Таковы из числа общих русскому и сербскому: а) *вла̑с, вла̑т*, (волос, волот); *гла̑д, гла̑с, кла̑с, мла̑т* (молот), *сла̑д, хла̑д, чла̑н* (и *чле̑н* — с разным значением; ср. старославянское *члѣнъ*); *бра̑в* (боров),

врâг, врâн, врâт, грâд, мрâз, мрâк (мóрок), *прâг* (порóг), *прâх, сврâб, смрâд, срâм*; русскому *нóров* должно бы соответствовать *нрâв*, но у Караджича *нáрав*, с эвфоническим а в первом слоге, на коем мы бы ожидали встретить ˋ, а не ´; *бâн* (родительный падеж *бâна* и *бáна* = чакавское *ба̂на̏*; ср. *пан*), *дâр, знâк, зрâк* (луч), *кâл* (и *кȁо*, родительный падеж *кáла*. См. примечание 1), *квâс, пâс* (= сербскому *пȍјас*). Последняя форма, общая русскому и сербскому, так относится к *пас*, как русское *гóлос* к *глâс*, *рâст* (рост), *сâд, сплâв, стâн, цвâл* (и *цвȁо* — *цвâла*. См. примечание 1); *вûд, жûг* (cauterium, орудие для выжигания); *бŷк* (lacus cataractae strepitosus, великорусское *бук* — у мельницы); *лûк, лûс, клûк, пûр*; *дŷх* (*дŷха* — дуновение, но *дȕх* — *дỳха* — Geist, spiritus); *дрŷг, кљŷн* (клюв), *кŷм, слŷх, трŷп*; *трŷд* (*трŷда* = *трут*, отлично от *трŷд* = *труд*); *ŷд, вŷк* (волк); *дŷг* (долг), *сâт* (сот), *тр̑г* (товар); *тр̑н* (по Мажураничу, § 39: *тр̏н* — *тр̀на*), *чŷн* (челн), *цр̑в, сûн, згûб*; *бри̏јест* (брѣст, бéрест), *бри̏јег* (брѣг, бéрег), *жли̏јеб* (жлѣб, жóлоб); *ждри̏јеб* (жéреб, жрéбий), *цри̏јеп* (црѣп, чéреп), *би̏јес* (бѣс), *блêк* (balatus), *ви̏јек* (вѣк), *гни̏јев* (так по Мажураничу; у Караджича *гњȇв*); *сми̏јех* — *сми̏јеха* (по-южному, но по-восточному у Караджича и затем у Даничича: *смêх* — *смȅха*). Точно также: *ми̏јех* (вероятно, родительный падеж *ми̏јеха*, но по-восточному *мêх* — *мȅха*), *би̏јег* (*бêг* = fuga), *врûсак, дрôзак* (дрозд), *мôзак, пûсак, пљŷсак, трêсак, смûсао* (смысл); *зви̏јер* (звѣр), *ли̏јес* (лѣс), *ми̏јех* (мѣх), *сви̏јет* (свѣт), *сли̏јед* (слѣд), *сни̏јег* (снѣг), *сми̏јех* (смѣх), *три̏јасак* (с эвфоническим а, не изменяющим отношения к русскому *треск*), *ци̏јеп*; *звêк, кнêз, рêд, дŷб, зŷб, крŷг, кŷс* (кусать, вкус), *лŷб, лŷк* (отлично от *лȕк* — allium), *лŷг*, (*лŷга* — lucus отлично от *лŷг* — *лýга* cinis — *щелок*), *мŷж, прŷт, сŷд* (сосýд).

Есть впрочем немногие случаи несогласия с русским. Таковы сербские *грôзд, дрôзд* (*дрôзак*), *лûст*; *лûст* — по Караджичу и Мажураничу. *Дâн* — родительный падеж *дâна, ври̏јесак* (врѣсак) — род дуплистого растения (но звательный падеж *вȅреск*), *јêж, пŷк* (плък), *стûд, стŷб* (столб), *ср̑п, стрŷк* (caulis), сохраняющие ударение именительного падежа в родительном и сходных, между тем как соответствующие русские имена переносят ударение на окончание родительного падежа единственного числа. Так по Караджичу, но Мажуранич: *грȍзд* — родительный падеж *грòзда, дрȍзд* — *дрòзда* согласно с русским (Slovnica hèrvatska, § 39).

б) Имена с ^ на коренной гласной в именительном падеже единственного числа и с \\ на коренной гласной родительного и сходных с ним по ударению падежей (дательного, творительного).

О количественной разнице коренной гласной в именительном и родительном падежах см. примечание 1. В русском эта разница не отражается, т. е. ударение остается неподвижным.

Таковы в сербском склоняющиеся по образцу: *бо̑г — бо̏га — бо̏гу — бо̏гом*; *зма̑ј* (змей), *кра̑ј*, *ма̑х*, *стра̑х*, *ра̑ј*; *ме̑д* (*ме̏да*), *ча̑с*, *бо̑ј — бо̏ја* (по Мажураничу, отлично от русского *бо́ј — бо̀ја*), *бо̑к*, *бо̑р*, *бро̑д*, *во̑ј* (ряд при плетеньи плетня, от *ви-ти*), *гно̑ј*, *го̑ст*, *до̑м*, *збо̑ј* (куча, отдел стада, как сбитое), *збо̑р*, *зно̑ј*, *ко̑в* (абстрактное ков, кованье и орудие для ковки, оковка), *кро̑в*, *кро̑ј*, *ло̑в*, *ло̑ј*, *ро̑т*, *ро̑г*, *ро̑д*, *ро̑ј*, *ро̑к*, Мажуранич—*ро̏к* (срок), *сво̑ј* (*с-ви-ти*; водоворот), *ско̑к*, *со̑к* (succus), *сро̑к*, *стра̑х*, *хо̑д*; *ле̑д* (родительный падеж *ле̏да*, с ударением как в малорусском *лід — льо́ду*, но отличается от великорусского литературного *льда́*, *льду́*), *ро̑в* (родительный падеж *ро̏ва*, как в малорусском, но отлично от великорусского *рва́*. По Мажураничу, *ро̏в — ро̀ва*), *та̑ст — та̏ста* (согласно с русским *тесть — те́стя*, но отлично от *цтя́*, *тстя́*). По Мажураничу, сюда же и *гро̑м* — родительный падеж *гро̀ма*, согласно с русским, но, по Караджичу, *гро̑м — гро̀ма*, *во̑з* (*во̀за*, но у Караджича при этом слове с единственным значением воза, как меры навьюченного, родительный падеж не обозначен). Сербское *пра̑х — пра̏ха* согласно с русским только в именительном, а не в родительном падеже, где в соответствии с русским *по́роха* следовало бы ожидать *пра̑ха*. Отклоняются от русского: *да̑жд — да̏жда*, *мо̑ст — мо̏ста*, *пло̑д — пло̏да*, *по̑ст — по̏ста* (но у Мажуранича, § 39: *по̏ст — по̀ста*), *пло̑т — пло̏та* (плетень, русское *пло́та* или *плота́*?).

в) Имена с \\ в именительном, родительном и прочих падежах: *ра̏к — ра̏ка — ра̏ку* — звательный падеж *ра̏че — ра̏ком*. Таковы: *вла̏х* (воло́х), *гра̏х* (горо́х), *мра̏з* (моро́з), *пра̏г* (поро́г), *пра̏м* (поро́м); *бра̏т*, *га̏д*, *гра̏б*, *гра̏д* (grando), *жба̏н*, *ма̏х* (мах, взмах), *пла̏ч*, *ра̏к*, *ста̏д*, *спа̏с*, *кме̏т*, *жи̏д* (малорусский родительный падеж *жи́да*, но и *жида́*), *кли̏н*, *ко̏н* (русское *конь*), *лу̏к* (allium), *плу̏г*, *ју̏г*, *гр̏к* (грек), *кр̏ст*; *во̏сак*, *мо̏зак* (это слово у Караджича: *мо̏зак* и *мо̑зак* и поэтому правильно и выше), *ве̏пар* (вепрь), *Пе̏тар*; *ди̏м* (дым), *си̏р* (сыр), *ти̏н* (тын), *дје̏д*, *хље̏б*, *свје̏т* (consilium), *сре̏з*

(округ), *зглёд*, *зёт*; *ла̏н*, родительный падеж *ла̏на*, согласно с украинским *льон* — *льóну*, отлично от *лен* — *льна́*; при сербском *ла̏в* — *ла̏ва* — русское *льва́*. Ср. вышеприведенные *да̑н* — *да̑на* (дня), *та̏ст* — *та̏ста* (тестя), где на гласную из ъ, беглую в русском, падает ударение ̑ или ̏.

Различны ударения в сербском *ско̏т* (родительный падеж *ско̏та?*), *ца̏р* — *ца̏ра*, при коих в русском *скота́*, *царя́*, и наоборот: *ма̀к* — *ма̀ка*, *сво̏д* — *сво̀да*, при коих в русском с постоянным ударением: *ма́ку* — *ма́ком*, *сво́да*.

Сравнивая между собою имена под **а**, **б**, **в**, замечаем, что в числе первых (образец *вра̑г* — *вра̑га*) вовсе нет имен с коренным **о** (за исключением сомнительных *грозд*, *дрозд*); что таких имен нет и под **в** (образец *ра̏к* — *ра̏ка*), за исключением *ко̏н*, и что особенно наклонны к ударению гласной (по образцу **б** *бо̑г* — *бо̑га*) имена с **о** в корне.

В великорусском литературном от именительного, родительного, дательного, творительного падежей имен с постоянным ударением отклоняется местный падеж имен неодушевленных, принимающих в нем **-у́** (ударяемое). В малорусском хотя окончание местного падежа **-у**, **-ю** имеет место не только в неодушевленных, но и в одушевленных, но в последнем случае не принимает на себя ударения в именах, не изменяющих ударения в родительном падеже. Ср. *при па́ну*, *при ону́ку*, *на во́вку* с *у снігу́* и т. п. В сербском окончание **-ѣ** в местном падеже рассматриваемых имен совсем исчезло. (О хорватском, где оно отчасти сохранилось, см.: Miklosich, Vergleichende Grammatik, B. III, §424.) Имена же одушевленные и неодушевленные различаются в этом падеже тем, что первые сохраняют в нем ударение родительного падежа единственного числа и сходных с ним (не именительного, потому что в нем, как мы видели, основное ̏ может удлиняться в ̑), а вторые ослабляют ударение родительного падежа ̑ в ́, а ̏ в ̀. Такое ослабление равно чакавскому и русскому переносу ударения на окончание **-у**.

Таким образом, не изменяют ударения в местном падеже единственного числа:

Из имен **а**): *бра̑в*, *вра̑г*, *вра̑н*, *пра̑г*, *ба̑н* (по Караджичу), *дру̑г*, *зве̑р*, *ли̑с*, *ву̑к*, *кне̑з*, *си̑н* и др. Из имен **б**): Даничич предполагает неизменность ударения (ср. Српски акценти, 13), так как у Караджича изменения не отмечены: *зма̑ј* (родительный падеж *зма̏ја*, дательный и местный падеж *зма̏ју*) и по этому образцу *бо̑г*, *го̑ст*, *та̑ст*. Из имен

в): *бра̏т*, *дјѐд*, *зѐт*, *кмѐт*. Впрочем: *вла̏х — вла̏ха* имеет, по Даничичу, также *вла̏ху*.

Изменяют ударение в местном падеже:

Из имен **а**): *вра̑т — вра́ту* (великорусское *на вороту́*), *гра̑д — гра́ду* (областное великорусское *в городу́*), *мра̑к — мра́ку*, *брѐг — бре́гу* (*на берегу́*), *хла̑д — хла́ду*, *гла̑с — гла́су*, *цре̑п — цре́пу*, *да̑р — да́ру*, *са̑д — са́ду* (*в саду́*), *ста̑н — ста́ну*, *пи̑р — пи́ру* (на пиру́), *ду̑г — ду́гу* (в долгу́), *тр̑н — тр́ну*, *чу̑н — чу́ну*, *сви̑јет — свијѐту* (областное великорусское *на свету́*), *ви̑јек — вијѐку* (*на веку́*), *зу̑б — зу́бу* (*на зубу́*), *сни̑јег — снијѐгу*, *сми̑сао — у сми́сау*, *лу̑г — лу́гу* (*на лугу́*), *ре̑д — ре́ду* (*на ряду́*) и др. Из слов Даничича (Српски акценти) заключаю, что такое изменение в сербском свойственно **всем** неодушевленным этого образца.

Из имен **б**): *бо̑ј — бо̏ја — бо̀ју* — и, таким образом, *до̑м— до̀му*, *зно̑ј — зно̀ју*, *кро̑в — кро̀ву*, *ле̑д — лѐду* (малорусское *лід — льо́ду — на льоду́*), *ме̑д — мѐду*, *ло̑в — лѐву*, *ло̑ј — ло̀ју*, *но̑с — но̀су*, *ра̑ј — ра̀ју*, *ро̑г — ро̀гу*, *ро̑д — ро̀ду*, *хо̑д — хо̀ду* и, вероятно, все неодушевленные.

Относительно имен **в**) нельзя сказать того же. Даничич приводит только восемь имен этого разряда, в том числе одушевленное *вла̏х — вла̀ху* и неодушевленные *пра̑г — пра̀гу* (что по-русски было бы *поро́г — порогу́*), *пр̑ст — пр̀сту*, *ча̑с — ча̀су*, прибавляя, что, может быть, есть и еще такие слова, но он наверное не знает. Сюда и двухсложные с неорганическою беглою: *во̏сак — во̀ску*, *мо̏зак — мо̀зку*.

§ 2. Б. ИМЕНА ДВУХСЛОЖНЫЕ В ИМЕНИТЕЛЬНОМ ПАДЕЖЕ ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА

1. С ударением в русском языке на первом слоге (сюда не принадлежат причисленные к **А** существительные полногласные).

а) Со второю беглою гласною в русском и сербском. Им соответствуют в сербском:

аа) Имена с ^ на первом слоге: *бу̑бањ — бу̑бња* (бубен), *ла̑кат — ла̑кта* (локоть). Имена эти ничем не отличаются в настоящем времени от тех, в коих беглая гласная неорганическая и ^ на первом слоге, как приведенные выше под Аа): *вр̑сак* (*вр̑јесак*), *пи̑сак*, *пљу̑сак*, *тре̑сак*. Сюда же *жр̑вањ — жр̑вња* (по Мажураничу, *жр̏ван*) — перестановка

из *жр̑нав*, соответственно коему *жёрнов*, во избежание стечения согласных, имело второе **о** постоянное: *сӥјечањ* (январь) — *сӥјечња*, *ср̑пањ* — *ср̑пња* (июль), *тра̑вањ* — *тра̑вња* (апрель), *свӥбањ* — *свӥбња* (май), *лӥпањ* — *лӥпња* (май), *ру̏јан* — *ру̏јна* (сентябрь).

бб) Имена с ˵ на первом слоге в именительном и родительном падеже (и предложном): *гра̏шац* (*гра̏х*) (Ср. русские полногласные с ударением на втором **о**: *горо́шец*, *моро́зец*), *зна̏нац* — *зна̏нца* (знакомый), *је̏мац* — *је̏мца* (поручитель), *мӥтар*, *вла̏шац* (allium ascalonicum), *бра̏тац* — *бра̏ца* (брат), *хље̏бац* — *хље̏пца* (хљёб), *вје̏тар* (*ве̏тар*) — *вје̏тра*, *Пе̏тар* — *Пе̏тра* (= малорусскому *на Пе́тра*; ср. также родительный падеж *Пѐтра* = общерусскому *Петра́*); *вѐпар* — *вѐпра* (по Мажураничу, *ве́пар*), *смо̏ток* — *смо̏тка* (моток, смо́ток, клубок); ср. по ударению малорусские *сму́ток*, *жму́ток*, *взя́ток*. Общерусские *ку́бок*, *за́мок*; малорусское *ра́нок*. Малорусские *сви́ток*, *све́рток*, *сно́сок*, *ско́лок*, *скру́ток*, *смы́лок*, *сни́мок*, *спо́рок*, *сро́сток* и т. п. *Све̏жањ* — *све̏жња* (связка; ср. русское *свя́зень*, узник и многие на **-ень**, **-ьнь**: *бре́день*, *сги́бень*, *шво́рень*, *скла́день*, *сте́ржень*, *па́рень*, *ше́ршень*); *су̏жањ* — *су̏жња* (= связень, пленник из **съ** — **ѫз=вѧз**), *ка̏шаљ* — *ка̏шља*, *чѐшаљ* — *чѐшља* (и *чѐшља*, гребень), *у̏гаљ* — *у̏гља*, *у̏гар* — *у̏гра* (= угрин); *вӥжаю* (*вӥжал*, *выжел*, *выжлец*), *со̏рдао* (*со̏рдал*, свердел, сверло, бурав); сербские *у̏гао* (*у̏гал*), *у̏зао* (*у̏зал*) — родительный падеж *у̏гла*, *у̏зла* — отличны от русских *угла́*, *узла́*, *но̏кат* — *но̏кта* (ноготь). Сюда или к аа) (ла̄кат) относятся русские: *ко́готь*, *ла́поть*, *де́готь*, *ве́хоть*. Отклоняются, по Караджичу, *свѐкар* — родительный падеж *свѐкра*, но, по Мажураничу, *свѐкра* (Slovnica hèrvatska, § 41).

вв) Имена с ˵ на первом слоге в именительном падеже единственного числа и с ^ на том же слоге в родительном, дательном, творительном, звательном и местном падежах единственного числа: *ста̏рац* — родительный падеж *ста̑рца* — дательный *ста̑рцу* — творительный *ста̑рцем* — звательный *ста̑рче*. Вообще ^ остается во всех падежах множественного числа, где коренная гласная находится в среднем слоге (*ста̑рца* — винительный падеж *ста̑рце* — *ста̑рцама*), но в родительном падеже (*ста̏раца*) опять появляется ˵, потому что изменение ˵ на ^ есть следствие влияния среднего слога (respect позиции) и согласной, заключающей средний слог. Первоначально (до появления славянской позиции) имена, как *ста̏рац* — *ста̑рца*, вполне равны та-

ким, как *брȁтац — брȁ(т)ца*. О чем см. примечание 1.

По этому образцу: *сӣрац* (круг сыра), *Ђу̏рађ = Ђу̏рац* (Юрий), *ду̑лац — ду̑лца* (трубка, посредством которой надувается мех волынки; ср. относительно ударения *дýльце*), *жȁлац — жа̑лца* (жало; ср. *жáльце*), *пȁлац* (палец), *пӣлац* (пьяница), *тȁлац — тȁоца* (шаль, заложник), *клӣнац* (гвоздь, в русском отлично по ударению *клинéц*, но однако, в малорусском *клúнці*), *тȁнац* и несколько других, отличных по ударению от русских: *гр̏нац* (горнéц), *дȁнак* (денёк), *сȁнак* (от *сȁн — снȁ*), *сӣнак* (сынóк); *стȁнак* (пребывание, жилье), *jȁнац* (*áгнец* — согласно с русским во множественном числе *jа̑њци*); *млӣнац* (млынéц); *бȁjац — бȁjца* (реже из *бáн — бáец*), *збо̏jак* (*сбóен = не рослый, но как бы сбитый, коренастый вол), *зно̏jак* (зной), *крȁjац* (latus panni, конец или покромка); *у̏jац — у̑jца* (дядя, материн брат); *зглȁвак — зглā̑вка* (сустав; по-русски было бы «сголóвок»), *здрȁвац — здра̑вца* (рост; было бы «здорóвец»), *гȁвао* (*гȁвал — га̑вла*, гвоздь), *Пȁвао — Па̑вла*, *сӣвац — сӣвца* (сúвка), *у̏бао — у̑бла* (род колодца или водоема), *Бȁхаћ— Ба̑хћа* (собственное имя города), *др̏хат — др̑хта* (дрожь).

б) С о в т о р о ю п о с т о я н н о ю г л а с н о ю в русском и сербском.

аа) С ̑ на первом слоге: *до̑бош* (барабан; малорусское *дóбош* — барабанщик,) *ло̑гор* (лагерь), *ма̑jстор* (майстер, мáстер), *та̑бор*, *а̑нђео* и др. (см.: Д а н и ч и ћ, Српски акценти, 18).

бб) С ̑ на первом и на втором слоге (respect со второю гласною долгою без ударения): *бӣjеднӣк* (calumniator, ср. по форме русское *бѣдник* — увечный), *вӣjећнӣк* (советчик; ср. *вѣчник*), *зва̑нӣк* (званый гость; но русское было бы «*звáник*», судя по *звáница*), *ко̑нӣк* (всадник; конник), *пра̑знӣк*, *пу̑тнӣк* (ср. русские на **-ик** с ударением на первом слоге: *всáдник*, *пря́ник*, *перéдник*, малорусские *вúнник*, *бýдник*, *мúсник*, *стáдник*. Устраняю от сравнения уменьшительные с таким же ударением); *ку̑нто̑ш* (малорусское *кýнтуш*).

вв) С ударением ̏ на первом слоге: *брȁтић* (сын брата, племянник. По-русски было бы *брáтич*), *бу̏квич* (молодой бук), *врȁнић* (вороненск ср. фамилию *Ворóнич*), *жȁбић*, *мӣшић*, *плȅмић*, *влȁшић* и употребительное только во множественном числе *гӯшчићи* (гусляр) и др.; *гр̏хот* (громкий смех, хохот; *ср. грóхот*), *бȁхат* (топот), *дȅспот*; *ср̏бин*, *у̏грин*; *пȅпео*, *Ду̏нав* (отлично от русского), *ӣсток*, *о̏ток*, *прȁдjед*, *су̏сjед* (отлично от русского).

В родительном падеже единственного числа остается ударение именительного.

гг) С ударением \\ на первом слоге и с ^ на втором; это последнее теряется в непрямых падежах: *ђѐвѐр* — родительный падеж *дјѐвѐра* — дательный *дјѐверу*, винительный = родительному, звательный *дјѐвере*.

ђȁво (*ђȁвôл*), *грȅбêн* (*грȅбена*), *кȁмêн*, *крȅмêн*, *плȁмêн*, *прȁмêн*, *пр̏стêн*, *рȅмêн*, *стрȅмêн* (малорусское ударение *гре́бень* — *гре́беня*, *кре́мінь* — *кре́меня* оказывается более древним, чем великорусское *гребе́нь* — *гребня́*, *креме́нь* — *кремня́*. Впрочем у Даля — «гре́бень»; *јѐчмêн* отлично от великорусского и малорусского *ячме́нь*, *ячмі́нь*); *кȍријêн* — *кȍрêн* (малорусское *ко́рінь* — *ко́реня*), должно бы иметь во втором слоге только е, а не ије (которое не имеет здесь этимологического основания), а в родительном падеже должно бы сокращать вторую гласную; но у Караджича родительный падеж *кȍрêна* — *кȍријена*; *јȁсêн* — *јȁсена* (ясень, fraxinus); *бȕсêн* — *бȕсена* (дерн, caespes; ср. северновеликорусское *бусене́ц* — отава, молодая трава, — предполагающее *бу́сень*, как малорусские *кремінéць*, *камінéць*, *ремінéць* предполагают *кре́мень* и пр.); *ср̏шљêн* — *ср̏шљен* (шершень, vespa); *гȕштêр* (я́щер; ср. *гȕштерица* = я́щерица), *ȉвêр* (щепка; ср. *ȉверень* из *ȉвер*, как малорусское *я́корень* из *ко́рень*); *јȁвôр*, *мрȁмôр*, *сјȅвêр* (у Мажуранича *сӣјевер*); *вȅчêр* — *вȅчера*, *гȍвôр*, *стȍжêр* — *стȅжêр* (отлично от русского *стожáр*), *чȅмêр* (чемер? — чемерица); *Дȕнâј* — родительный падеж *Дȕнаја* (= *Дȕнâв* — отлично от русского), *ȍчӯх* (отчим), *ȕсôв* (снежный обвал), *гȍспôд* (отлично от русского), *чȍкôт* (винная лоза, чубук).

дд) Имена с \\ на первом слоге и вторым слогом с постоянною долгою, независимою от качества слога: *пȅħâк* — родительный и винительный падеж *пȅħâка* — дательный *пȅħâку* — звательный *пȅħâче* — творительный *пȅħâком*, во множественном числе именительный падеж *пȅħâци* — родительный *пȅħâка* — дательный-творительный-местный *пȅħацима* — винительный *пȅħâка* (?); *вȍздӯх*, *пȍглêд*, *ȍбôд*, *ȍмаш*. Сюда трехсложные с неорганическою беглою — *кȍрабљ* (id.), *прȉтӣсак* (жердь для защиты крыш от ветра), *зȁпâд*, *ȍблâк*, *ȍблӣк*, *ȍбрӯч*, *рȁзӯм*, *прȉстâв*, *прȉтӣсак*, *прȍвлâк* (маканая восковая свеча), *сȕмрâк*, *ȕзрâст* и др. (Ср. русские *вóздух*, *óстов*, *óбраз*, *при́знак*, *нáвык*, *пóчерк*, *пóгреб*, *пóзыв*, *нáпуск*, *пóпрыск*, *прóмысел*, *пóтрох*, *спóсоб*, *у́жас* и др. по крайней мере относительно ударения первого сло-

га); *гāврāн, гȍлӯб, ја̏стрēб* (*ја̏стријеб*), *тȅтрēб* (*тȅтријеб*), *лӣбӯд, мјȅсēц, пӣсāр, рӣбāр, Ла̏зāр, звȅнēт, клȅнēт, трȅсēт* (трясина), *трȅпēт, ша̏пāт, сȍпōт* (название нескольких ключей воды); *вӣтēз, пȅнēзи* (pluralis), *пȍјāс, слӯчāј* и др., между прочим отличные от русских по ударению, как *лӣшāј — лӣшаја, па̏ӯк; кȍкōш* (ср. *ко́чет*). Ср. русские *то́пот, ро́пот, скре́жет; грјȅшнӣк, љȅшнӣк.*

К **б)** принадлежат русские *бу́йвол* (в сербском *би́вō — би́вола*), *го́голь, и́дол, ку́пол, о́муль, со́боль, о́кунь, де́мон, ла́дон, ба́рин, во́ин,* (сербское *Во́ин* — собственное имя), *у́жин, фи́лин, са́ван, би́сер* (сербское *бѝсер*), *ко́зырь.*

в) С третьею постоянною гласною.

аа) с ˆ: Бāновић.

бб) *гр̏лӣчӣћ* и пр. Между этими именами много несоответствующих русским, как *а̏постол, бу̏гарин, прӣјатељ, ца̏ревић.*

вв) На первом слоге ˵, на третьем ˆ постоянное (кроме местного падежа): *му̏ченӣк.*

Во многих именах, относящихся сюда, в сербском, в русском стоит ударение на втором и третьем слоге: *Бȍгољӯб, лӣстопāд, љӯбомӣр, Ца̏ригрāд; на̏мастӣр, дȍговōр, на̏го́вōр, ра̏зговōр* (*гȍвōр*), *ȍбичāј*. В местном падеже ударение такое, которое соответствовало бы русскому на начальном слоге: *обича́ју, догово́ру* (Даничић, Српски акценти, 44—45).

Русские: *за́молотчик, на́косник, на́узник* (псковское, тверское), *на́сковородник, на́хлебник, не́пропуск, не́доросль.*

2. С ударением в русском на втором слоге.

а) С третьею гласною беглою.

аа) В сербском ʹ на первом слоге, с беглою долготою на втором имен с суффиксами **-ак (-ък), -ац (-ьць)**: *за́војак* — родительный падеж *за́вōјка, за́селак — за́сēлка, вла́далац — вла́даоца, да́валац — да́ваоца.*

бб) На первом слоге, на втором долготы не бывает: *на́вртак* — родительный падеж *на́вртка.*

вв) Ударение ˋ на первом слоге, на втором — беглая долгота: *пѐсавац* — родительный падеж *пѐсāвца* — дательный *пѐсāвцу — пѐсāвцем*, множественное число *пѐсāвци* — винительный падеж *пѐсāвце — пѐсāвцими; бѐсиљак* (малорусское *васи́льок*), *звјѐринац* (*лишај*; ср. *звери́нец*), *љѐниваӣ, мљѐзинац* (= *мѐзимац* — младший сын), *ѐкрајак* (segmentum), *пѐморац* (моряк), *тр̀говац, ѝривак, ѝторак* (ср. малорусское *вівто́рок*) и многие др. То же ударение оста-

ется на первом слоге во всех падежах, не исключая родительного падежа множественного числа.

гг) То же без беглой долготы на втором слоге: *жѐлудац* — *жѐлуца* (желудок), *пѐдметак* — *пѐдметка* (что подкладывается).

В русском всем под а) соответствует множество имен с суффиксами **-ок**, **-ец** и др., отчасти образованных от двухсложных имен с постоянным ударением на втором слоге: *запа́сец*, *сугре́вок*, *засте́нок*, *посторо́нок*, *напи́ток*, *кау́лок*, *кава́лок*, *обло́мок*, *обры́вок*, *одо́нок*, *оса́док*, *оско́лок*, *опо́ек*, *осо́сок*, *поча́ток*, *почи́нок* и многие др., *роди́мец*, *люби́мец*, *корми́лец*, *запоро́жец*.

б) С третьею гласною постоянною.

аа) С ̏ на первом слоге имен на **-анин**, **-ин**, **-овић**, **-евић**: *Дри̏њанин*, *кра̏љевић*.

бб) С ̀ на первом слоге: *и̏гуман*, *jѐврejин*, *ла̀тинин*, *сѐљанин*, *дво̀ранин* (неупотребляющееся в единственном числе, во множественном *дво̀рани*), *по̀очим*, *ро̀дитељ*, *свѐтитељ*. *спа̀ситељ*, *у̏читељ*, *хра̀нитељ*. Отклоняются имена составные: *Бо̏госав*, *Вла̀дисав*, *До̀бротвор* (ср. В. III, б, вв).

вв) ̀ на первом слоге, ̑ на втором: *а̀ра̑нђел*, *сѐна̑тор*.

гг) ̀ на первом, ̑ на втором и третьем: *по̀ко̑jни̑к*, *по̀сла̑ни̑к*, *про̀ти̑вни̑к*.

дд) ̀ на первом слоге и ̑ на третьем: *бѐздушни̑к*, *бѐзбожни̑к*, *бѐзушни̑к*, *гра̀ничȃр*, *на̀jемни̑к*, *свѐштени̑к*. Отклоняются составные: *вѝногра̑д*, *Ста̀нимѝр*.

ее) С ́ на первом слоге, ̑ на втором и третьем: *на́сто̑jни̑к*, *ра́ско̑вни̑к*.

3. С ударением в русском на третьем слоге.

Сюда могут относится имена с третьею гласною постоянною, так как имена с беглою ударяемою будут иметь уже подвижное ударение.

а) В сербском ́ на втором слоге — имена иностранные: *Коста́тин*.

б) ̀ на втором слоге: *властѐлин*, *госпо̀дин*, *погдо̀ступ*, *пушко̀мет*, *сиро̀мах*.

в) ̀ на втором и беглая долгота на третьем: *водо̀по̑j* — *водо̀поjа*.

Сюда в русском составные имена: *водопа́д*, *виногра́д*, *черносли́в*, *черносто́п*, *рудоко́п*, *скалозу́б*, *виноку́р*, *самова́р*, *самохва́л*, *самое́д*, *самогло́т*, *живогло́т*; *садоло́м*, *бурело́м*, *скорохо́д*, *парохо́д*, *водово́з*, *небоскло́н*, *самоду́р*, *самоту́г*, *листопа́д*, *свинопа́с*, *домосе́д*, *рудоме́т*, *хлебопе́к* и др.

М е с т н ы й   п а д е ж. Рассмотренные имена двухсложные в именительном падеже и с ударением на первом слоге все сохраняют первое по месту и соответствующее русскому ударению во всех падежах единственного числа, кроме местного.

И м е н а   с о   в т о р о ю   б е г л о ю   г л а с н о ю, общие русскому и сербскому с очень немногими исключениями. За исключение не считаем таких, в коих сербская беглая гласная не органична и которые на основании русских форм отнесены к односложным. Таковы *смйсао — смйслу, вȍсак — вдску, мȍзак — мдзку.*

Русскому переносу ударения на окончание местного падежа -у́, переносу очень редкому в рассматриваемых именах, например, *на ветру́* (на вéтре), *в дегтю́* (дёгте) соответствовало бы изменение ̑ на ', ̏ на ̀; *jāрак* (ров) — *jáрку, нȍкат — нòкту.*

И з   и м е н   с о   в т о р о ю   п о с т о я н н о ю   г л а с н о ю (трехсложных в местном падеже) изменяют ударение в местном только некоторые, переносящие на первую гласную ударение ̏. Неодушевленные имена образца Ебгг (*дjȅвēр — дjȅвера*) переносят в местном падеже ударение на второй слог о в виде ̀: *гȍвōр — говдру, грȅбēн — гребѐну, кȁмēн — камѐну, плȁмēн — пламѐну, пр̏стēн — прстѐну* (и еще пять имен у Даничича, Српски акценти, 33).

Имена Ббдд меняют ударение по тому же образцу; но так как вторая гласная в них постоянно долгая, то и в местном падеже на втором слоге стоит не ̀, а ': *ȍблāк — обла́ку; пȍглēд — погле́ду, пȍjāс — поjа́су, мjȅсēц — мjесе́цу, рȁзӯм — разу́му, слу̏чāj — случа́jу, вȁздӯх — ваздýху* и многие другие (по Даничичу, вероятно, кроме этих, более сорока).

В малорусском из двухсложных с ударением на первом слоге и постоянною второю гласною или вовсе нет таких, которые бы принимали в местном падеже -у́ (ударяемое), или очень мало.

Есть довольно таких, которые в этом падеже имеют -у, -ю неударяемое: *на ка́меню, на кóнику,* но *на поводу́, на острову́.*

В великорусском из сложных с предлогами местный падеж на -у, — по замечанию Грота[1], — в таких, кои без

[1] Я. К. Г р о т, О некоторых законах русского ударения. II. О переходе ударения в склонении имен существительных, стр. 362.

предлога не употребительны: *о́ткуп, по́греб*. Ср. *о́тпуск*. Прибавим: в принадлежащих просторечию.

Из беспредложных: *ве́чер*.

Имена с постоянным ударением на первом слоге.

Сербское ударение \`\` на первом слоге должно соответствовать русскому на том же слоге в следующих предложных.

В о з. По образцу *ва̏здӯх, ӱзра̑ст*: *во́сплах* (ярославское *тревога*), *во́зглас, во́сплеск*.

З а. Сербские *за̏па̑д, за̏глӯх* (die Betäubung), *за̏да̑х* (вонь), *за̏дӯх* (запах). Ср. русские: *за́берег* (лед у берега), *за́морозь* (областные *за́вор, за́мет, за́мор*), *за́плеск*.

Н а. *На́ймит, на́рост, на́сморк*.

О, о б. *О́берег* (охрана), *о́бморок, о́болок, о́бод, о́вод, о́блик, о́зыв, о́зык, о́мег, о́мут, о́скор* (гриб на коре дерева), *о́сик — о́сек* (полено), *о́труx* (отруби), *о́стров, о́хлуп* (крыша), *о́ход, о́чеп*.

О т дых, о́тпуск.

Р о́ с пуск.

П о́ греб, по́бег, по́лог, по́езд.

П р о́мысл, про́мор.

§ 3. ДВУХСЛОЖНЫЕ ИМЕНА С ПОСТОЯННЫМ УДАРЕНИЕМ НА ВТОРОМ СЛОГЕ В РУССКОМ

(Сюда не относятся имена со второю беглою гласною (*оте́ц — отца́*), так как в них ударение в родительном падеже хотя падает на второй по счету слог, но не на тот, что в именительном.)

а) С постоянным ударением ʻ на первом слоге в сербском: *за́вjет, за́зор, за́клон, за́кољ, за́твор, за́клад, за́кон, за́нос, за́рез, за́пис, за́лив, на́бор, на́гон, на́кат, на́мет, на́род, пре́во̑з* (*приjѐвоз*), *приjѐбоj, приjѐвjес, приjѐклад, приjѐкор, приjѐлаз, приjѐход, при́лог, при́рез, при́нос, про́рок, ра́згон, ра́здор, ра́злаз, ра́злог, ра́зор, ра́сад, со́сjед* (и *сӯсjед*), *су́срет, су́ток* (сумерки), *у́лом* и др., *ма́jдан, га́jтан* и некоторые другие, частью находящие соответствия в русском, частью отклоняющиеся по ударению, как имена на -еж (*гра́беж, дре́меж, ку́теж, ла́веж, лу́пеж, тр́пеж*), согласные с русским в именительном падеже, но отличные в косвенных (*гра́бежа*, русское *грабежа́*, что предполагает в чакавском *грабѐжа*).

б) С постоянным ударением ʼ на первом слоге и с ˆ на втором, если слог средний, и без ˆ, если прямой: *за́во̑j* —

за̏воја — за̏воју и т. д.; *за̏во̂ј, за̏по̂ј, на̏по̂ј, при̏бо̂ј, ра̏збо̂ј, ра̏здво̂ј, у̏бо̂ј*; имена на -ов (*ло̏пов* разбойник), не имеющие соответствия в русском.

в) С постоянным ` на первом слоге во всех падежах и вторым кратким в среднем слоге именительного падежа единственного числа: *и̏збор, и̏звор, и̏звоз, и̏врод, и̏скуп, о̀бјед, о̀ков, о̀тров, по̀гон, по̀кров, по̀лом, по̀мор, по̀род, по̀рок, у̏кор* и пр.; *по̀дбјел* — tussilago. *А̏рап, би̏љег* (*бѣлег*, знак), *ва̏ган* (деревянная миска или чаша, малорусское *ваган*), *је̏лен, ко̀вчег, ко̀жух, ле̏меш, ме̏двјед, ске̏рлет, чо̀век, бо̏лван, ду̏кат, о̀рах* (орех), *то̀вар, у̏нук*.

Образец склонения этих имен: *је̏лен — је̏лена — је̏лену — је̏леном*, звательный падеж, по Даничичу (Облици српского језика), также *је̏лене*, множественное число *је̏лени* — винительный падеж *је̏лене* — дательный-творительный-местный *је̏ленима*, родительный падеж, по Даничичу, *је̏ле̄на̂*, по Мажураничу, *је́ле̄на̄*.

В сербском сюда: *би̏сер* (русское *би́сер*), *во̀ин* (*во́ин*), *ка̀лпак* — родительный падеж *ка̀лпака* (русское *колпака́*), *ва̏ган* (малорусское, родительный падеж *вагана́*), *ле̏меш* (русское, родительный падеж *лемеша́*).

г) С постоянным ` на первом слоге и с ^ на втором среднем, без ^, если второй прямой: *по̀дбо̂ј* — родительный падеж *по̀дбоја* (пол в конюшне), *по̀ко̂ј — по̀која, по̀ло̂ј* (брод, поемное место), *са̀бо̂ј* (толпа, давка), *у̏бо̂ј* (побои).

Вероятно, замечает Даничич, в звательном падеже единственного и множественного числа изменяется ударение; но как?

В русском к 2) относятся, между прочим, множество имен сложных с предлогами.

§ 4. РУССКИЕ ИМЕНА ТРЕХСЛОЖНЫЕ (=ЧЕТЫРЕХСЛОЖНЫМ ПОЛНОГЛАСНЫМ) В ИМЕНИТЕЛЬНОМ ПАДЕЖЕ ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА

1. С ударением в русском на первом слоге.

а) С третьею гласною беглою.

аа) В сербском с ^ на первом слоге: *Ка̑рловац, Ђу̑рђевац* (ср. *Юрьевец, Киевец*) в тех падежах, где второй слог становится средним, там вторая гласная удлиняется: родительный падеж *Ђу̑рђе̄вца, Ђу̑рђе̄вцу*, местный падеж *Ђу̑рђевци*.

бб) С ̏ на первом слоге.

Не изменяющие ударения (кроме родительного падежа множественного числа): *па̏рожак — па̏рошка* (зуб у вил), *на̏влачак* (род шерстяной карпетки, ср. *на́волочка*), *па̏лучак* (лучок) и удлиняющие вторую гласную в среднем слоге: *па̏бирак — па̏бӣрка — па̏бӣрку* и пр.; *кра̏ставац* (огурец; было бы по-русски — *коро́ставец*), *ла̏комац* (*жадный*), *па̏ројак* (парой), *па̏сторак* (пасынок), *по̏менак* (упоминание), *пра̏порац* (звонок), *пр̏венац* (родительный падеж *пр̏ве̂нца — пр̏виjенца* = русскому *перва́к*, предводитель).

Постоянно сохраняющие долготу во втором слоге: *за̏во̄рањ* (притыка, заноза у ярма; ср. *шворень*), *за̏по̄рањ* (род запора у ворот или дверей), *ко̏вр̄тањ* (нечто согнутое в круг, например, коса), *о̏бр̄тањ* (род кольца для привязки лошадей) и др.

В русском ср. с **-ень** (**-ьнь**): *за́вален*ь, *за́вертень*, *за́гибень*, *за́мерень*, *за́ходень*, *за́болотень*, *на́верчень*, *на́грызень*, *на́кипень*, *на̀совень*, *на̀кожни*, *на́лужни*, *на́ручни*, *о́бводень*, *о́бертень*, *о́бодень*, *о́бочень*, *о́гибень*, *о́гробень*, *о́коротень*, *о́потень*, *о́пустень*, *о́хабень*, *о́хлопень*, *о́хлупень*, *о́пивень*, *о́тростень*, *су́парень*, *па́водень*, *па́узень*, *пе́ревертень*, *по́бочень*, *по́крестень*, *при́узень*, *у́вален*ь; **-ок**: *за́дворок*, *су́прядок*, *па́водок*, *па́глинок*, *па́сынок*, *при́дворок*.

ПРИЛОЖЕНИЯ

В славянских наречиях позднейшего периода, начало коего приблизительно определяется потерею глухих звуков на конце, приобрела весьма сильное влияние на звуки «славянская позиция», т. е. положение гласной перед согласной т о г о ж е с л о г а. Средний или обратный слоги производят долготу или за исчезновением ее сильнейшее ударение гласной; слог прямой содействует ее сокращению или опущению. Противоположность слогов прямых и обратных средним объясняет такие явления, как замена глухих гласных чистыми и их замещение в различных славянских наречиях дифтонгированною гласною: в малорусском (*во̂л — вола́, сі͡єм — семи́*), польском (wół — wołu), чешском и словацком. Сербский язык служит доказательством, что славянская позиция не только производит долготу гласной, но вместе с тем влияет и на ударение.

а) Влияние среднего слога отождествило основные гласные формулы а̑ = а̏а с основной гласной формул а́ (аа̀ —

в чакавском ȁȁ) и с кратким гласным ȁ. Так, *сни̏јег* — родительный падеж *сни̏јега* (снѣ̑г — снѣ̑га) имеет в именительном падеже единственного числа одинаковое ударение с *гри̏јех* (грѣ̑х); в этом последнем и ему подобных ударение подвинулось на первую половину долгой гласной единственно в силу позиции, образовавшейся после потери конечного ера, а до этого стояло на второй половине, что и обнаруживается в косвенных падежах, где ѣ принадлежит к прямым слогам: *грије̏ха* (чакавское *грѣ̄хȁ*, русское *грехá*). В слове *снѣгъ* и во время двухсложности ударение стояло на том же месте: по крайней мере, ничто не дает нам повода думать противно. В слове *грѣхъ*, судя по родительному падежу, ударение могло перейти на ѣ с окончания не раньше, как с исчезновением этого окончания.

Подобным образом ȁ в среднем слоге, удлиняясь, изменяется в ȃ: *стра̑х* (как *ста̑н*), но *стра̏ха* (отлично от *ста̑на*).

Почему во многих случаях ȁ и в среднем слоге не изменяется в ȃ, неизвестно (ср. *стра̑х* — *стра̏ха* с *ма̑х* (и *ма̏х*) — *ма̏ха*?). Почему *мра̏з* согласно с русским *морóз*, тогда как по вышесказанному следовало бы ожидать *мра̑з* — *мра̏за* (русское *мóроз* — *мóроза*)?

Не видно причин изменения ̏ в ̑ в среднем слоге (именительный падеж) имен односложных. Наиболее характеристично отличие таких имен, образцы коих под **Аб)**, состоит в том, что большая часть их имеет в корне **о**, остальные — **а**; остальных случаев или вовсе нет (**и, у, ь, ѣ, ѧ, ѫ**), или они есть в двух-трех случаях (**о, ъ**). В конечных согласных этих имен односложных не вижу ничего особенного сравнительно с теми, которые и в среднем слоге сохраняют ̏: ср. *бо̑г* — *бо̏га* и *плу̏г*; *бо̑к* — *бо̏ка* и *лу̏к*; *стра̑х* — *стра̏ха* и *гра̏х*; *бро̑д* — *бро̏да* и *го̏д*; *та̑ст* — *та̏ста* и *зе̏т*; *во̑з* — *во̏за* и *мра̏з*; *но̑с* — *но̏са* и *спа̏с* и т. д.

В числе сохраняющих ̏ в среднем слоге нет только, по-видимому, имен на **-ј**.

В именах двухсложных со второю беглою гласною и с ударением ̏ на первой в падежах, где первый слог прямой, ̏ изменяется в ̑ в слоге среднем, если этот слог оканчивается на **л, н, р, ј, м, х** и не изменяется в других случаях, за исключением *у̏бао* — *у̑бла*.

Не объясняя физиологически, каким образом эти согласные, сходясь с другими согласными (**х, ц, л, т**), удлиняют предшествующую им гласную, заметим отчасти сход-

ный случай с польским, где **о** (**u**), происшедшее из **о** посредством дифтонгообразования, стало быть удлинения этого последнего, встречается по правилу лишь в средних слогах с конечною звучною (**г, б, д, ж, з, дз, л, р**, а местами **и м, н**). Отзвучная сохраняет краткость предшествующей гласной.

В сербском, судя по примерам **б, вв**), на удлинение гласной в среднем слоге влияют не все звучные, а только наиболее длительные из них, **х** в польском относится к одному разряду с **к, г, п**, а в сербском — с **j, в**, потому что сербское **х** более длительно, чем польское, и может совсем не опускаться.

В именительном падеже единственного числа имен образца *дјѐвêр* вторая гласная удлинена во втором (среднем) слоге и сокращается в слогах прямых (*дјѐвера — дјѐверу* и пр.). Из перечисленных по **Б|бгг)** видно, что это бывает перед **л, п, р, j = в** (за исключением двух случаев: *гȍспôд* и *чȍкôт*). То же в именах образца *зáвôј — зáвоја — зáвоју* и т. д. перед **-j, -в** (имена на **-ов**: *лóпôв*) и в одном *мéтêж* (хотя в других на **-еж е** не удлиняется; в *кýтња̂к* (кутний зуб), *рóжња̂к* — у Караджича ударение второго слога обозначено постоянным, но тем не менее они помещены Даничичем здесь (Д а н и ч и ħ, Српски акценти, 28). То же и в именах образца *пóкôј — пóкоја* перед **-j** (Д а н и ч и ħ, ibid., 30).

Ка̂рловац, но где второй слог становится средним, там над ним ^: *Ка̂рлôвца* — именительный падеж множественного числа *Ка̂рлôвци*. Перед в) (Д а н и ч и ħ, ibid., 35) *па̏ројак — па̏рôјка — па̏рôјку* и пр.. *Кра̏ставац — кра̏ста̂вца, жѐтелац — жѐтêлца* (= *жѐтеоца*), *па̏бирак — па̏бӣрка, пр̏венац — пр̏вêнца, ла̏комац — ла̏кôмца*, (все перед **j, в, л, р, н, м** — Д а н и ч и ħ, ibid., 40), *нáставак — нáста̂вка, зáвојак — зáвôјка, зáсенак — зáсêнка, рáзмерак — рáзмêрка, влáдалац — влáда̂оца* (**j, в, н, л, р** — Даничиħ, Српски акценти, 34—35), *ȍстанак — ȍста̂нка* (**j, в, л, р, н, м** — Даничиħ, ibid., 37).

ˋ на втором прямом слоге и ˊ на среднем: *покрȍвац — покрóвца, синȍвац — синóвца.*

1) В литературном языке имена, сохраняющие ударение именительного падежа единственного числа во всех падежах, не исключая местного единственного числа, именительного и родительного падежа множественного числа:

а) Односложные в именительном падеже единственного числа (конечные ъ- и -ь не считаются) с постоянною гласною в корне.

Не изменяют ударения:

α) Односложные, имеющие в основании явственное для общего сознания отвлеченное значение: *вид*, *слух*, *вкус*, *взгляд*, *склад* (*скла́дов* — отвлеченное и единичное отлично от собирательного *склады́* — *складо́в* — в азбуке), *вклад*, *клад* (кла́ды), *гнет* (местный падеж *гнету́* — о гнетущем предмете, тисках и т. п.) — *гнёте* (давление в собственном и переносном смысле), *рост*, *толк* (то́лков), *бег* (ср., например, *на бегу́*, *бего́м*, *в бега́х* с отвлеченным *бег*, *бёгом*, *бёги*), *кров*, *лов*, *ков*, *клюв*, *зев* (хотя отвлеченное значение и не для всякого ясно, но постоянное ударение удерживается, так как слово более книжное), *смех*, *спех*, *свод* (*в свод*, *взвод*), *нос* (*в снос*, *взнос*), *сгон*, *сброд*, *спрос*, *срок*, *ток* (в отвлеченном значении), *сбор*, *спор*, *вздор* (*дор* — в конкретном *на дору́*, множественное число *доры́*), *взор*, *слог* (*лог* — в конкретном *в логу́*, множественное число *лого́в*), *сгиб*; *бред* (книжное *бре́де*, например; в *бреду́*; множественное число было бы *бре́ды* — *бредо́в*), *вздох*, *ввоз* (ср. конкретное *воз* — *возу́* — *возы́*), *ток* (отвлеченное отлично от *ток* — гумно), *вид* (*в ви́де*, *ви́дов*), *крик*, *клик*, *иск*, *миг*, *мор*, *рев*.

β) Нельзя ожидать здесь строгой последовательности языка. Границы между значением отвлеченным (действие или состояние как предмет) и конкретным (действующий предмет, предмет, подлежащий действию, предмет как результат действия) не всегда явственно различаются в языке.

Так, слово *лад*, в коем можно предполагать и отвлеченное значение (процесс согласования), в языке имеет только форму, свойственную конкретному значению (*в ладу́*, *лады́*, *в лада́х*.)

бб) Слова со значением конкретным (потерявшие значение отвлеченное или не имевшие его), но принадлежащие к области книжного языка, так сказать окрашенные отвлеченностью мысли. Таковы, например, церковнославянские слова: *град*, *глас*, *хлад*, *страж* (во множественном числе ударение на том же слоге), соответственные коим народные во множественном числе принимают оттенок собирательности и переносят ударение на окончание (*голосо́в*, *холодо́в*, *сторожёй*).

Язык мог бы поступить со словом *град*, как с *враг* (переносящим ударение на окончание: *врага́*, *враги́* и пр.), и однако это последнее слово остается исключением.

Сюда же относятся слова, частью архаические, частью заимствованные, частью малоупотребительные в простонародном языке, в местном падеже единственного числа и во множественном числе, а в других падежах единственного числа сохраняющие постоянное ударение и в просторечии— по причинам фонетическим: *слог* (stilus) — *сло́ге* — *сло́гов* (быть может, *слого́в* — syllaba), *га́ды*, *гра́ды* (grandines), *де́ды* (де́дов), *кме́ты*, *ля́хи*, *лу́ки*, *стя́ги*, *тру́пы*, *ста́ны* (castra, но *на стану́*, *станы́*, например, ткацкие), *со́ки*, *ду́хи* (animae, lemures, daemones) отлично от *духи́* — *духо́в* (aromata), *хле́бы* (печеные, отлично от *хлебы́* — *хлебо́в* — segetes), *я́ды*, *бе́ги*, *гра́фы*, *дю́ки*, *ти́гры*, *гри́фы*, *шка́фы* — *шкафо̆в* (но Востоков *шкафы́* — *шкафо́в*), *то́мы*.

В самом народном языке есть слова, сохраняющие постоянное ударение во всем склонении по причинам фонетическим. Сюда относятся, между прочим, полногласные слова с ударением на втором слоге: *воло́хи*, *горо́хи*, *моро́зы*, *поро́ги*, *поро́мы*, *холо́пы*. Сюда же *ра́ки* и др.

б) Двухсложные имена с ударением на втором слоге. Значение — как в **аа**). Сложение с предлогами мешает слову принимать окончание местного падежа -у́ и переносить ударение на окончание множественного числа, хотя бы значение сложного слова и было конкретное. Это лишь отчасти может быть объяснено книжностью сложных слов. Ср. *соста́ве* — *соста́вы* (*соста́вов*) — ср. *ставо́в* — в великорусском и малорусском **на (при, рас, от)** *хо́де* — *хо́ды* (*ходу́*), *испо́де* (*поду́*, *пода́х*), *зако́н* (*на кону́* — *коны́*), *раско́л* (*кол* — *кола́* — *колу́* — *коло́м*, *два кола́* — *колы́*), *подо́л* (*до́лы*, но *доло́в* — *в долу́?*), *сугро́б* (*в гробу́* — *гробы́* — *гробо́в*), *разбро́д* (*на броду́*), *изво́з* (*во́за*), **ис (но, при)***то́к*, *помо́ст* (*моста́*, *на мосту́* — *мосты́*); **сна (под, за)***ряд* (*в ряду́* — *ряды́*), *поса́д* (*в саду́* — *сады́*), **за (от, при)***ва́л* (*на валу́* — *валы́*), **на (от)***ва́р* (*вару́*), *пожа́р* (*жару́* — *жары́*), *почи́н* (*чи́ны*), **за (под, на)***ло́г* (*в логу́* — *логи́*), *запру́д* (*пруду́* — *пруды́*), *поко́рм* (*в корму́* — *кормо́в* — *корма́*), *изло́м* (*в ло́ме* — *лому́*, *ло́мы и ломы́*), *поле́т* (*проле́т и лет* — *на лету́*).

Таким образом: *обма́н*, **у (за)***га́р*, *разма́х*, *зажи́г*, *закла́д*, *дого́н*, *уха́б*, *прика́з*, *поджо́г*, *прие́м*, *припе́к*, *уте́к*, *уче́т*, *раско́п*, *уте́с*, *уши́б*, *ужи́н*, *нажи́м*, *поми́н*, *нажи́в*,

разлúв (*залúв*), (*с*)*почúв*, *затвóр*, *вопрóс*, **под (до)нóс**, *покóй*, *застóй*, *пропóй*, *разбóй*, *завóд*, *порóг*, *улóв*, *прогóн*, *поклóн*, *урóн*, *услóн*, *поскóк*, *урóк*, *узóр*, *зазóр*, *умóр*, *забóр*, *протóр*, *раздóр*, *помóл*, *укóл*, *потрáв*, **у (за)***хвáт*, *закýр*, *недýг*, **на (раз)***рыв*, *посыл*, *сосýд*, *досýг*, *порýб*, *искýс*, *союз*, *напéв*, *посéв*, *сугрéв*, *обéд*, *сосéд*, *уéзд*, **раз (под)***рéз*, **про (под)***бéл*, *примéр*, *отдéл*, *обмéн*, *рассвéт*, *расцвéт*, **рас (по)***стрéл*, *ночлéг* (старинное *ночлѣг*), украинское «в одбóї» (Котляревский, 218); «пролóм» (ibid., 219); *прожóгом лізти* («Не лізь прожогом» — ibid., 127); *з розгóна*, *з наскóку*.

ПРИМЕЧАНИЯ

Название «Ударение» не принадлежит А. А. Потебне. В рукописи его труд состоит из двух частей, и каждая имеет свое заглавие: 1. «Ударение в спряжении»; 2. «Ударение в склонении».

Как название науки термин «ударение» встречается уже в статьях Я. К. Грота, хотя последний предпочитает слово «просодия». Ср., однако: «Наконец и то, что окажется окончательно не подлежащим определению, должно служить поучительным материалом для полного и беспристрастного вывода о русском ударении: ибо, повторяю, цель моя — не подтверждение какой-нибудь заранее составленной о нем теории, а просто уяснение вопроса: насколько в явлениях его можно подметить определенные законы?» (Я. К. Грот, О некоторых законах русского ударения, «Известия Академии наук», т. VII, вып. 3, 1858, стр. 199).

Стр. 21. Слово «Вступление» у А. А. Потебни отсутствовало. Текст, который можно понимать как вступление ко всей книге, помещался непосредственно за названием «Ударение в спряжении». Поскольку он в равной мере относится к обеим частям труда А. А. Потебни, при опубликовании последнего признано целесообразным поместить его перед ними.

В копии, сделанной женой ученого М. Ф. Потебней, сохранилось начало вступления, впоследствии измененное автором. Ниже приводим его текст:

«Об ударении в русских глаголах см. Востокова «Русская грамматика» (пространная) и Грота в Прибавлениях к изданию II отделения Академии «Замечания о спряжении русского глагола» («Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики русского языка и других славянских наречий», т. I) и «О глаголах с подвижным ударением» (ibid., т. III, л. XXII). Оба эти ученые имеют в виду один только русский литературный язык и, указывая на факты, не вдаются ни в какие исторические объяснения, т. к. ударения в древнем русском языке по памятникам пока неизвестны.

Вопрос об ударениях в настоящее время, сколько мне известно, может быть сведен на историческую почву единственно только сравнением русских наречий между собой и с ближайшими к ним живыми славянскими наречиями, именно задунайскими главным образом. Из этих последних я беру сербохорватские, так как для изучения болгарского и хорутанского в тоническом отношении имеется слишком мало пособий и так как сверх того хорутанское, сколько мне известно, подверглось и в этом отношении сильным изменениям древнего строя».

Стр. 21. Термин «слогоударение» как название науки, изучающей системы ударения и их развитие, заимствован А. А. Потебней из «Русской грамматики» А. Х. Востокова и встречается лишь во вступлении. Далее в этом значении употребляется «ударение».

Стр. 21. Слова «показать, на котором слоге (двухсложного или многосложного слова) должно быть ударение», в обеих копиях взяты в кавычки как цитаты из «Русской грамматики». В действительности же это лишь приблизительный пересказ текста А. Х. Востокова, имеющего следующий вид: «Слогоударение есть часть грамматики, показывающая, на котором слоге должно быть повышение голоса, или ударение» (Русская грамматика, § 179).

Стр. 21. Термин «ударение» употреблен здесь и далее в его основных значениях, известных русской грамматике еще с XVIII в. (См.: Ф. Поликарпов, Лексикон славено-российский, 1704; М. В. Ломоносов, Российская грамматика, 1755, § 32; А. Х. Востоков, Русская грамматика, 1831, § 7). Означает выделение звука в слове усилением голоса или повышением тона, а также значок над буквой, указывающий на такое выделение звука.

Стр. 21. До труда А. А. Потебни термин «тонический» в русской грамматической литературе не встречается.

Стр. 21. «Русский» здесь и далее преимущественно в значении восточнославянский.

Стр. 22. О системе ударений в русской грамматической литературе упоминается впервые. Ср. название монографии Ф. Боппа «Vergleichendes Accentuationssystem nebst einer gedrängten Darstellung der grammatischen Übereinstimmungen des Sanskrit und Griechischen».

Стр. 22. В русской грамматике термин «акцентуация» впервые употреблен А. А. Потебней, который понимает под ним законы, относящиеся к системе ударения в определенных языках, а также и самую теорию ударения. Заимствован из указанного выше труда Ф. Боппа.

Стр. 22. Согласно языковедческой традиции середины XIX в., А. А. Потебня употребляет *хорутанский* как синоним к *словенский*.

Стр. 23. Научные основы сравнения восточнославянского ударе-

ния с ударением языков южнославянских были заложены отечественным ученым А. А. Потебней в статье «О полногласии», впервые опубликованной в «Филологических записках» за 1864 г.

Стр. 23. На удивительное сходство восточнославянского ударения с ударением чакавского наречия впервые указал хорватский ученый А. Мажуранич в статье «O važnosti akcenta hèrvatskoga za historiju Slavjanah», напечатанной в «Programm des k. k. Gymnasiums zu Agram am Schlusse des Schuljahres» за 1863 г.

К таким же выводам пришли отечественные ученые А. А. Потебня (1864 г.) и Р. Ф. Брандт (1880 г.) после ознакомления с книгой А. Мажуранича «Slovnica hèrvatska», изданной в 1859 г. В своих трудах А. А. Потебня ссылается на второе ее издание (1861 г.).

Стр. 23. Ф. Бопп — основатель сравнительной филологии положил также начало сравнительному изучению ударения в индоевропейских языках.

В книге «Vergleichendes Accentuationssystem...» он рассматривает санскритское ударение в сравнении с греческим и латинским и доказывает, что эти языки родственны по ударению. По его мнению, литовское и первичное славянское ударение также имело некоторое сходство с ударением этих языков.

Стр. 24. Термин «переход ударения» впервые применил А. Х. Востоков («Русская грамматика», § 181).

Стр. 24. Термин «подвижное ударение» ввел в употребление А. Х. Востоков («Русская грамматика», § 182). Позже был принят И. И. Давыдовым («Опыт общесравнительной грамматики русского языка», § 76) и Я. К. Гротом (статья «О глаголах с подвижным ударением», стр. 346).

Стр. 61. Здесь и далее приведены примеры из статьи Я. К. Грота «О глаголах с подвижным ударением».

Стр. 112. Пример из статьи П. А. Лавровского «О русском полногласии», опубликованной в «Известиях Отделения русского языка и словесности», т. VII, 1858, стр. 209.

Стр. 158. В обеих копиях, по-видимому, ошибочно *опущение.*

БИБЛИОГРАФИЯ

Беринда П., Лексікон славено-россkій и имен толкованіє, К., 1627.

Бессонов П., Главные вопросы языка новоболгарского, «Временник Московского общества истории и древностей российских», кн. 21, М., 1855.

Востоков А. Х., Русская грамматика, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная, СПб., 1831.

Вуич В., Српска граматика, Београд, 1863.

Грот Я. К., Замечания о спряжении русского глагола, «Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики русского языка и других славянских наречий», т. I, СПб. 1853.

Грот Я. К., О некоторых законах русского ударения. II. О переходе ударения в склонении имен существительных, «Известия Академии наук», вып. 5, т. VIII, 1860.

Грот Я. К., О глаголах с подвижным ударением, «Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики русского языка и других славянских наречий», т. III, СПб., 1856.

Даль В. И., Толковый словарь живого великорусского языка, I—IV, М., 1863—1866.

Даничиħ Ђ., Облици српского језика, у Београду, 1863.

Даничиħ Ђ., Српски акценти, «Гласник Друштва Српске Словесности», кн. VIII, 1856.

Караџиħ В., Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима, у Бечу, 1852.

Крижанич Ю., Граматично изказанје об ру́ском језику, «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете», кн. I, М., 1848.

Лавровский П. А., О русском полногласии, ИОРЯС, т. VII, 1858.

Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук, СПб., 1852.

Павский Г. П., Филологические наблюдения над составом русского языка. Третье рассуждение. О глаголе, СПб., 1842.

Hattala M., Srovnávací mluwnice jazyka českého a slovenského, v Praze, 1856—1857.

Mažuranić A., Slovnica hèrvatska. Za gimnazije i realne škole, Dio I, Rěčoslovje, u Zagrebu, 1861.

Miklosich Fr., Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. B. III, Formenlehre, Wien, 1856.

Pott Aug-Friedr., Etymologische Forschungen auf dem Gebiete der indo-germanischen Sprachen, unter Berücksichtigung ihrer Hauptformen, Sanskrit; Zend-Persisch; Griechisch-Lateinisch; Litauisch-Slawisch; Germanisch und Keltisch, B. II, Detmold, 1861.

Cankof A. und D. Kyriak, Grammatik der bulgarischen Sprache, Wien, 1852.

Schleicher A., Litauische Grammatik, Prag, 1856.

Бессонов, Болгарские песни — Болгарские песни из сборников Ю. И. Венелина, Н. Д. Катранова и других болгар, издал Петр Бессонов. I. Песни юнашки: молодецкие, героические или эпические. II. Песни женски: мифические или баснословные, колядки, кралицкие, сватовские-свадебные, пастушеские, подорожные, хороводные, любовные и проч. Песни воинские или воинственные. Стихи и переводы болгар, «Временник Московского общества истории и древностей российских», кн. 21-22, М., 1855.

Гребенка — Малороссийские приказки Е. Гребенки, СПб., 1834.

Домострой — Домострой благовещенского попа Сильвестра. Сообщено Дмитрием Павлов. Голохвастовым, «Временник Московского общества истории и древностей российских», кн. 1, М., 1849.

Кв.-Осн. — Повісті Грігория Квітки Основъяненка, т. I, II, Спб., 1858.

Костомаров, Песни — Н. И. Костомаров, Народные песни, собранные в западной части Волынской губернии. Малорусский литературный сборник, Саратов, 1859.

Котляревский — Вергилиева Енеида на украинскую мову перелицевана. Сочинение И. П. Котляревского, К., 1863.

Кулиш — Записки о Южной Руси, т. I, СПб., 1856; т. II, СПб., 1857.

Метлинский — Народные южнорусские песни, К., 1854.

Номис — Українські приказки, прислів'я і таке інше. Збірники О. В. Марковича и других, спорудив М. Номис [М. Т. Симонов], СПб., 1864.

Сборн. Сев.-зап. кр. — Сборник памятников народного творчества в Северо-западном крае, вып. I, Вильна, 1866.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Александр Афанасьевич Потебня

УДАРЕНИЕ

Печатается по постановлению ученого совета Института языковедения им. А. А. Потебни АН УССР

Редактор *В. Е. Дудко*. Художественный редактор *Р. К. Пахолюк*. Оформление художника *Н. Ф. Кормыло*. Технические редакторы *Т. Е. Смолякова, И. А. Ратнер*. Корректор *Л. Г. Усальцева*.

Сдано в набор 27.I 1972 г. Подписано к печати 30.VIII 1973 г. БФ 00471. Зак. № 72. Изд. № 225. Бумага № 1, 84×108¹/₃₂. Усл. печ. листов 9,03. Учетно-изд. листов 9,0. Тираж 9000. Цена 92 коп.

Издательство «Наукова думка», Киев, Репина, 3

Киевская книжная типография научной книги Республиканского производственного объединения «Полиграфкнига» Госкомиздата УССР, Киев, Репина, 4.